

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
The Institute of Public Administration
and Entrepreneurship

Polina Ambarova

**Management of time in a mirror
of temporal behavior strategies
of social communities**

Scientific monograph

Ekaterinburg 2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт государственного управления
и предпринимательства

П. А. Амбарова

**Управление временем
в зеркале темпоральных стратегий
поведения социальных общностей**

Монография

Екатеринбург 2015

УДК 316.3
ББК 60.54
А 61

Scientific editor
professor **G. E. Zborovsky**

Polina Ambarova
Management of time in a mirror of temporal behavior
strategies of social communities : scientific monograph.
– Ekaterinburg : Ural Federal University, 2015. – 252 p.

ISBN 978-5-7741-0229-7

Results of research of dynamic of social time and its influence on temporal behavior strategies of urban social communities are presented in the book. Evolution of sociological ideas of social time and its dynamic, a linear and nonlinear configuration of social time is shown. The analysis of features, opportunities and problems of management of temporal behavior strategies of various social communities representatives in an aspect of rigid and soft management paradigms is carried out.

The book is addressed on a wide range of readers – teachers and scientists, students and post graduates who are interested in problems of social time and management of it.

УДК 316.3
ББК 60.54

ISBN 978-5-7741-0229-7

© Polina Ambarova, 2015
© Ural Federal University, 2015
© Liberal Arts University –
University for Humanities, 2015

УДК 316.3
ББК 60.54
А 61

Научный редактор
доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Г. Е. Зборовский

Рецензент
доктор социологических наук, первый проректор
Сургутского государственного педагогического университета
В. П. Засыпкин

*Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 14-03-00072*

А 61

Амбарова П. А.
Управление временем в зеркале темпоральных
стратегий поведения социальных общностей : моно-
графия. – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – 252 с.

ISBN 978-5-7741-0229-7

В книге представлены результаты исследования динамики социального времени и ее влияния на темпоральные стратегии поведения городских социальных общностей. Показана эволюция социологических представлений о социальном времени и его динамике, линейной и нелинейной конфигурации социального времени. Проведен анализ особенностей, возможностей и проблем управления темпоральными стратегиями поведения представителей различных социальных общностей в разрезе двух управленческих парадигм – жесткого и мягкого управления.

Книга рассчитана на широкий круг читателей – преподавателей и научных работников, студентов и аспирантов, интересующихся проблемами социального времени и управления им.

УДК 316.3
ББК 60.54

Книга издается в авторской редакции

ISBN 978-5-7741-0229-7

© П. А. Амбарова, 2015
© Уральский федеральный университет, 2015
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2015

Оглавление

Введение.....	10
---------------	----

Глава 1

Динамика социального времени: от линейности к нелинейности.....	15
--	----

Глава 2

Социальное время в контексте социологического знания.....	35
2.1. Проблема социального времени в социологии классического этапа.....	36
2.2. Проблема социального времени в неоклассической и неклассической социологии.....	49
2.3. Проблема социального времени в постклассической и постнеклассической социологии.....	70

Глава 3

Динамика социального времени: общественные страхи и надежды.....	95
3.1. Общественные страхи: понятие, сущность и стратегии преодоления.....	96
3.2. Проблема страха перед временем в европейской и отечественной социальной мысли.....	108
3.3. Надежда – квинтэссенция оптимизма.....	119

Глава 4

Темпоральные стратегии поведения социальных общностей.....	131
4.1. Темпоральное измерение жизненной стратегии социальной общности.....	132
4.2. Теоретико-методологические основы исследования темпоральных стратегий поведения социальных общностей.....	141
4.3. Структура темпоральной стратегии поведения социальных общностей.....	156
4.4. Типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей в условиях мегаполиса.....	162
4.5. Темпоральные «складки» современного города: линейная и нелинейная динамика социального времени горожан.....	173

Глава 5

Управление темпоральными стратегиями поведения социальных общностей.....	181
5.1. Управление временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей: методология анализа и управленческие парадигмы.....	182
5.2. Парадигма жесткого управления временем социальных общностей.....	191
5.3. Парадигма мягкого управления временем социальных общностей.....	202
5.4. Управление временем и темпоральными стратегиями поведения городских социальных общностей.....	220

Заключение.....	235
-----------------	-----

Литература.....	238
-----------------	-----

Contents

Introduction.....	10
Chapter 1	
Dynamic of social time:	
from linearity to nonlinearity.....	15
Chapter 2	
Social time in the context	
of sociological knowledge.....	35
2.1. Problem of social time in classical sociology.....	36
2.2. Problem of social time	
in neoclassical and nonclassical sociology.....	49
2.3. Problem of social time	
in post-classical and post-nonclassical sociology.....	70
Chapter 3	
Dynamic of social time:	
social fears and hopes.....	95
3.1. Social fears:	
concept, essence and overcoming strategy.....	96
3.2. Problem of time fear	
in the European and Russian social thought.....	108
3.3. Hope is quintessence of optimism.....	119
Chapter 4	
Temporal behavior strategies of social communities.....	131
4.1. Temporal measuring of life strategy	
of social community.....	132
4.2. Theoretical and methodological foundations	
of research the temporal behaviour strategies	
of social communities.....	141
4.3. Structure of temporal behavior strategy	
of social communities.....	156
4.4. Typology of temporal behavior strategies	
of urban social communities.....	162
4.5. Temporal «folds» of the modern city:	
linear and nonlinear dynamic of citizens social time.....	173

Chapter 5

Management of temporal behaviour strategies

of social communities.....	181
5.1. Management of time and temporal behavior strategies	
of social communities: methodology of the analysis	
and management paradigms.....	182
5.2. Paradigm of rigid management	
of time of social communities.....	191
5.3. Paradigm of soft management	
of time of social communities.....	202
5.4. Management of time and temporal behaviour strategies	
of urban social communities.....	220
Conclusion.....	235
Literature.....	238

ВВЕДЕНИЕ

Время – одно из самых загадочных явлений в жизни людей. Что только они не предпринимали, чтобы узнать его «поближе»: время обожествляли, оцифровывали, продавали и покупали, не хотели мириться с ним, старались обмануть, остановить и даже убить, ускорить, «заколдовать», приручить... Список того, что люди пытались сделать с временем, можно продолжать до бесконечности.

Один из моих собеседников-информантов в ходе глубинного интервью произнес фразу, которая определяет, как мне кажется, смысл отношений с временем современного человека: *«Я хотел бы подружиться с временем. Я постоянно пробую это делать»*. Для автора этих слов время оказалось живой материей, отвечающей на отношение к нему, реагирующей на особенности обращения с ним. Действительно, это так: время может служить для человека источником новых возможностей, а может сломать его жизнь как карточный домик. Мой собеседник назвал время *основным оружием, наказывающим большинство людей, которые делают не то и не вовремя*.

Рассуждая об источниках богатства, успеха, благополучия одних людей и бедности, неуспешности, неудовлетворенности жизнью других, исследователи зачастую мыслят в категориях вещного мира, в лучшем случае используют понятия человеческого и социального капитала. Между тем обращение к темпоральным стратегиям поведения индивидов и социальных общностей позволяет выявить и проанализировать еще один вид капитала – капитал времени, который обладает способностью к конвертации в другие виды капитала – деньги, здоровье, знания, успех, социальные связи и пр. Время как капитал обладает такими свойствами, как неотчуждаемость от своего носителя, ненакопляемость, привязанность к социокультурному контексту и т. д.

Такое понимание социального времени является ключевым для социологического исследования, результаты которого представлены в данной книге. Оно лежит в основе нашей теоретической концепции, согласно которой время-невидимка объективируется в темпоральных стратегиях поведения социальных общностей, проявляется в темпоральных установках, ценностных ориентациях, поведенческих стереотипах и эмоциональных реакциях их субъектов на темпоральные ситуации. Зеркалом, отражающим время, его свойства и динамику, выступают также различные виды взаимодействия, осуществляемого как внутри, так и вне границ социальной общности. В каждой сфере ее жизнедеятельности заметно влияние фактора времени – конструктивное и деструктивное – в зависимости от того, какие отношения складываются у людей с временем.

Время – фундаментальный ресурс, которым человек учится распоряжаться с рождения, сначала привыкая к режиму дня, смене времен года, темпоральным нормам взаимодействия с другими людьми, затем осваивая искусство целенаправленного и стратегического планирования жизни, попутно приспосабливаясь к неожиданным поворотам исторического времени, времени эпохи или поколения.

Время личности, историческое время – проблемы, достаточно хорошо проработанные в научной и научно-популярной литературе, в целом близкие и понятные обычному человеку. А вот время социальной общности – малоизученный феномен, требующий своей как теоретической, так и эмпирической разработки. Попытку осуществить анализ данного явления мы и предприняли в рамках нашего исследования.

В центре внимания оказалось противоречие между усиливающейся нелинейностью социального времени и несформированностью конструктивных темпоральных стратегий поведения у представителей различных социальных общностей, по своим функциям представляющим авангард общества (предпринимателей, научно-педагогического сообщества, инженерного корпуса, менеджеров, студентов, волонтеров и др.). В соответствии с «требованиями эпохи» эти социальные общности должны продуцировать и реализовывать новые формы стратегического поведения с ориентацией на свойства и возможности нелинейного времени. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин они либо не могут сформировать (или воспринять) новые модели темпорального поведения, либо ограничены в возможности их полной реализации.

В условиях современного российского общества препятствиями тому служат причины социальные (например, сильное противодействие социальной инерции), политические (значительные ограничения гражданского общества, подавление общественной активности ряда социальных общностей и структур), культурные (темпоральные стереотипы, отсутствие развитой культуры времени, нивелирование культурного многообразия) и т. п.

Другой аспект анализируемой проблемы заключается в отсутствии разработанных управленческих методов и подходов к регулированию темпорального поведения социальных общностей. Гармонизация темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей, их согласование с темпоральностью различных социальных структур и институтов становится важной задачей социального управления. Между тем данная проблема не осмыслена в теоретическом отношении и не разработана в практическом плане.

Гносеологический аспект проблемы связан с противоречием между необходимостью концептуального социологического анализа нелинейной динамики социального времени и ее влияния на тем-

поральное поведение различных социальных общностей и реальным уровнем теоретической и эмпирической разработанности данной проблемы.

Попытку осуществить ее анализ мы предприняли в рамках нашей книги посредством постановки следующих задач. В первой главе мы ввели и раскрыли понятие динамики социального времени, отражающего изменение его свойств при переходе от линейного к нелинейному режиму. Во второй главе представлены результаты историко-социологического исследования проблемы социального времени в разрезе основных социологических парадигм. В основе третьей главы лежат вопросы, находящиеся на стыке философии, социологии и социальной психологии, раскрывающие связь времени и социальных эмоций – страха перед временем и надежды на лучшее в будущем. Три первые главы книги объединены единым методологическим принципом – междисциплинарным охватом проблемы (в первой и во второй главах это социология и естествознание, в третьей главе, как уже говорилось, – философия, социология и социальная психология).

В четвертой главе предлагается трактовка понятия, структуры и типологии темпоральных стратегий поведения, которые складываются у жителей мегаполиса. В пятой главе рассматривается управление временем сквозь призму двух парадигмальных подходов к нему – жесткого и мягкого. В главе характеризуется также опыт управления временем городских социальных общностей.

Новизна нашего исследования связана с введением и обоснованием таких социологических категорий, как динамика социального времени, в том числе в его нелинейной конфигурации, темпоральные стратегии поведения, авангардные социальные общности, темпоральный шок, управление временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей. Этот категориальный ряд, анализ составляющих его понятий позволяет предложить базовую характеристику социологической концепции нелинейной динамики социального времени, заключающейся в создании нового научного представления о нем на основе изучения таких его качественных характеристик, как напряженность, мобильность, текучесть, мгновенность, нестабильность, рекурсивность, разновекторность, многоструктурность и др.

В основе нашего исследования лежит трехуровневая модель социологического изучения динамики социального времени, включающая: уровень «большой теории» социального времени; уровень динамических нелинейных характеристик, связанных с новыми свойствами социального времени; уровень темпоральных характеристик стратегий поведения социальных общностей. Такой уровеньный подход позволяет приблизить социологическую теорию времени к практике ее эмпирического исследования и проанализиро-

вать реальный опыт управления временем и темпоральным поведением людей.

Несмотря на то, что в книге большое внимание уделяется проблеме социального времени, главная ее задача состоит в том, чтобы показать, как возможно управление временем. Социальное время, особенно в его причудливых трансформациях, происходящих в современном обществе, – чрезвычайно увлекательный предмет научного анализа. Однако результаты его исследования для нас важны не сами по себе, а в качестве социологического обоснования управленческой практики. Мы столкнулись с тем, что трактовка управления временем социальных общностей (именно управления временем, а не тайм-менеджмент) мало разработана в социологии. И тем не менее она представляется реально существующей проблемой, требующей и теоретического, и эмпирического изучения.

В предлагаемой читателю книге раскрываются не только теоретические аспекты управления временем городских социальных общностей, но и представлены материалы его эмпирического исследования, проведенного в 2014 г. в одном из крупнейших мегаполисов России – Екатеринбурге. На первом этапе методом анкетирования были опрошены 1200 студентов старших курсов 11 государственных вузов города. Применялась двухступенчатая стратифицированная выборка, в которой были представлены студенты всех основных профилей обучения – технического, естественно-научного, гуманитарного и социально-экономического. Материалы этого исследования показаны в ранее опубликованных работах¹.

На втором этапе были проведены глубинные полуструктурированные интервью с представителями бизнес-сообщества (предпринимателями, менеджерами, фрилансерами) и научно-педагогического сообщества (преподавателями и научными сотрудниками образовательных и научных учреждений), общим числом 60. Основные положения работы мы постарались проиллюстрировать отрывками из этих интервью.

Автор выражает глубокую признательность профессору Г. Е. Зборовскому за многочисленные и содержательные беседы, в ходе которых рождались главные идеи исследования, а также за помощь в подготовке и издании монографии.

¹ См.: Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности : монография / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014 (Гл. 3); Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление. – 2014. – № 3 (91). – С. 8–18; Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 48–55.

Глава 1 | Динамика социального времени: от линейности к нелинейности

*Каждый раз, когда ты думаешь,
что все держишь в руках,
мир показывает тебе язык
и продолжает вращаться
по своей собственной орбите –
необъяснимой и непредсказуемой.
Джеймс Саллис*

Не бывает простых времен, не бывает простого времени. Тем не менее в этой главе мы постараемся показать, что социальное время может иметь более простую и более сложную конфигурацию и что сегодня оно совершает переход от одной из них к другой. Этот переход мы называем *динамикой социального времени*².

Понятие динамики применительно к социальным объектам впервые, как известно, ввели О. Конт и Г. Спенсер, затем развивали многие социологи, особенно П. Сорокин. Понятием социальной или социокультурной динамики описываются изменения, происходящие в обществе или культуре с течением времени. Время же (прежде всего хронологическое) является той рамкой, в координатах которой они измеряются. А вот может ли само социальное время иметь динамику и что в этом случае служит рамкой, которая помогает увидеть и оценить изменения времени?

На наш взгляд, динамика социального времени – вполне реальное явление. Меняются его свойства, формы, виды, конфигурации, трансформируются способы его объективации, социальные функции, повышается значимость в жизни современного общества. Поскольку социальное время не может существовать абстрактно, вне своего содержательного наполнения, своего субъекта, зеркалом, отражающим динамику социального времени, становится поведение людей.

Темпоральная картина мира, складывающаяся в общественном сознании, фиксирует изменения свойств времени. Еще одну грань «зеркала» времени образуют такие свойства социальных субъектов, как социальное самочувствие, восприятие и социальные

² Амбарова П. А. Динамика социального времени: эволюция социологических представлений // Социологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 17.

эмоции «темпорального характера». Приведем фрагменты интервью, иллюстрирующие данный тезис:

З. Т., 60 лет, преподаватель вуза: «Я не воспользовалась бы машиной времени, чтобы написать и реализовать сценарий своего будущего. Я не хочу меняться, потому что мне нравятся сложившиеся у меня принципы, прежде всего оптимизм и надежда на позитивные изменения. Сблэзн воспользоваться есть, но не воспользовалась бы, ведь у нас всегда есть альтернатива, выбор».

С. А., 49 лет, предприниматель: «Стараюсь ничего не испытывать, только спокойствие. Ко всему относиться нейтрально – и к хорошему, и к плохому. Что чувствую в ситуации стремительных изменений? Стараюсь только позитивные эмоции. Негативных не испытывать. Это я стараюсь, конечно, бывает всякое».

В связи с будущим никаких опасений нет. А смысл-то опасений какой? Придут опасения – будем думать. Это очень сильный момент в жизни. Ждать опасностей неправильно, можно и до обеда не дожить. Просто от ожидания».

В. П., 25 лет, фрилансер: «Чего опасуюсь? Затрудняюсь ответить...Надеюсь на мир во всем мире и на лучшее будущее».

Сложный комплекс когнитивных, эмоциональных и поведенческих элементов, складывающихся под влиянием динамики времени, управляет жизнедеятельностью людей. Он лежит в основе самонастраивающегося механизма конструирования их жизненных стратегий. Мы можем говорить об особом виде жизненных стратегий, имеющем сквозной, интегрирующий характер, – *темпоральных стратегиях поведения*.

Заметим, что социальное время и его динамика отражаются прежде всего во взаимодействиях людей. Только в социальных интеракциях проявляются темпы, скорость, темпоральные режимы, векторы, траектории изменения времени. Взаимодействия людей в рамках социальных общностей становятся основой для выработки особого типа темпоральной стратегии поведения. Образ жизни, содержание и особенности повседневной жизнедеятельности, сходство интересов и ценностных ориентаций, характерных для конкретной социальной общности, во многом определяют восприятие времени и понимание его роли в жизни ее представителей.

Е. Н., менеджер: «Моя профессия напрямую связана с выстраиванием времени. Моя работа – это управление проектами, я администрирую проекты, т. е. составляю график, и все люди поминутно-посекундно должны делать то, что я запланировала. Видимо, это профессиональная деформация, и она накладывается на семью, на пап, на мам и других людей».

Я, конечно, управляю временем всех, хотя они часто не очень этому рады. Может быть, это психотип личности, а может быть и профессиональная деформация. Я стараюсь всегда всех построить, подравнять и объяснить, кто, что и когда должен делать».

Г. Е., 36 лет, преподаватель вуза: *«Я помню, у нас была напряженная пора, приемка. А потом мне нужно было написать статью. Я не могла себя заставить и ничего не могла написать. Сижусь и думаю: вот сижу и теряю время. Мучалась, пока не поговорила с одной коллегой. Она мне сказала: у тебя было большое напряжение, ты на спаде, подожди неделю, и статья напишется так легко, как ты не представляешь. Так и произошло. Вот это я для себя узнала. Я не все знаю, я готова поучиться, всегда».*

Представленные фрагменты интервью показывают, как профессия и образ жизни, обусловленные принадлежностью к профессиональной общности, влияют на понимание и восприятие времени. Именно поэтому в нашей книге мы обращаемся к темпоральным стратегиям поведения социальных общностей, отводя особую роль тем из них, которые проживают в крупном современном городе и определяют его облик.

Р. Флорида в своей известной книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» (2011) назвал города лабораториями, в которых происходит радикальная трансформация традиционного образа жизни, досуга и местных сообществ под воздействием креативной экономики³. По его мнению, одним из результатов такой трансформации становится «искривление времени», особенно заметное в жизни представителей креативного класса, большая часть которого проживает в городах.

Р. Флорида анализировал, прежде всего, американские города. Мы же обращаем свое внимание на темпоральное поведение жителей российских городов. Идея нашей книги заключается в том, чтобы показать, какие стратегии вырабатывают представители различных городских общностей – креативных, авангардных или традиционных – в сложных, противоречивых условиях российского мегаполиса, что они предпринимают для того, чтобы справиться с «неправильным» (а мы назовем его вслед за физиками нелинейным) социальным временем.

Г. А., 36 лет, преподаватель вуза: *«Для того, что для меня истинно важно, что приносит мне радость, чувство удовлетворенности (последнее время – это не работа), я найду*

столько времени, сколько нужно, я могу его расширить. Этого времени может быть достаточно для проживания радости. На работу, конечно, времени не хватает. Ну, не хватает и ладно, не страшно».

Г. Н., 42 года, преподаватель вуза: *«Планирую тщательно. Есть ежедневники, различные календари, электронные календари. На месяц, на два, на три планирую события, помечаю важные для себя вопросы и моменты в этих календарях. Нахожу время просматривать их. Все это делается практически автоматически, на ходу. Если есть реперные точки, например, до лета или осени, то цейтнот никогда не возникает, дисбаланса, внутренней напряженности не возникает тоже».*

Е. Ш., 32 года, менеджер: *«Если кто-то говорит, что ему чего-то не хватает, – это слова неудачника. Это просто проблема, которую надо решить. Не хватает времени, значит, неправильно организовал работу, взял много на себя, не нашел помощников, которым можно делегировать».*

С. Н., 26 лет, предприниматель: *«Начну с детства. Я все детство прожила в одном изолированном районе, и мне всегда было тяжело менять пространство, место жительства, род занятий, работу. Я консерватор, я долго решаюсь. Я изменилась, когда пожила в Израиле, который можно за небольшое время облететь или слетать за границу. Интернет помог изменить взгляды на пространство и время, там все можно сделать очень быстро. Мне тяжело даются любые переключения, но я борюсь с этим, и мне сейчас даже нравится что-то менять. Надо решиться на это, сделать шаг».*

Проблема социального времени – одна из актуальных в современной социологической мысли – была и остается предметом междисциплинарных исследований. Изучение социального времени как специфической характеристики общества на том или ином этапе его развития требует четкого определения принципов социологического анализа, устанавливающих границы между философским, культурологическим, психологическим и историософским подходами к времени. Исследование истории вопроса – постановки и развития проблемы социального времени в социологии – служит своеобразным ключом к решению данного теоретико-методологического вопроса, поскольку помогает рассмотреть постепенное отделение и кристаллизацию проблемного поля, формирование принципов и процедур теоретических и прикладных исследований социального времени, а также позволяет найти «вечное» и «преходящее» в самом феномене времени – то, что остается в нем неизменным и что уходит из поля зрения исследователей.

³ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М. : Классика – XXI, 2011. – С. 9.

Феномен социального времени многоаспектен. Охватить его в полном объеме было бы невозможно. В связи с этим мы определили четыре наиболее важные проблемы, которые, на наш взгляд, выступают в качестве предмета размышлений и дискуссий для всех поколений социологов, в том числе и на современном этапе.

Первая – это проблема статики и динамики социального времени. Ф. Бродель – один из внимательных читателей известного французского социолога Ж. Гурвича и сам блестящий ученый – критически заметил, что время у него статично и что это противоречит самой природе этого явления⁴. Безусловно, статический срез времени – необходимый элемент анализа, он подразумевает исследование строения и структуры социального времени, механизмов преемственности, сохранения социального порядка, закономерностей и факторов устойчивости. И все же время само по себе явление динамическое, поэтому одной из задач нашего исследования является изучение постановки вопроса о динамике социального времени на разных этапах развития социологической мысли. Динамика социального времени может быть описана понятиями процесса, развития, изменения, стадийности. Ее изучение предполагает определение общего хода социального движения, его темпа, ритма, направлений, форм, движущих сил и факторов.

Вторая проблема – это проблема субъекта социального времени. В социально-гуманитарных науках невозможно изучение времени без его носителя. Время имеет человеческое измерение, оно связано с его субъективным переживанием, наполняется человеческими, культурными смыслами. В философии и историософии носитель социального времени рассматривается абстрактно – как «отдельный человек», «субъект исторического процесса», «все-единое человечество», «народы»⁵. Г. П. Орлов отмечал, что «в общественных науках исследователи оперируют категорией времени, не ссылаясь в каждом конкретном случае на определенные события, безотносительно к ним. В теоретическом анализе это допустимо с целью более пристального внимания именно к самой форме бытия. Но здесь нас подстерегают опасности “бессубъектности” в понимании времени. Вдруг обнаружилось, что у времени как будто нет “субъекта-носителя”, своего рода “хозяина времени”»⁶.

⁴ Веселкова Н. В. Социология времени и Жорж Гурвич // Рубеж (Альманах социальных исследований). – 2003. – № 18. – С. 54.

⁵ Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003.

⁶ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – С. 14.

Особенности основных видов деятельности субъекта социального времени (индивида, социальной группы, общности, общества), его образ жизни, способ мировидения и мировоззрения определяют основные характеристики темпорального существования и самоопределения самого субъекта. В социологии следование принципу субъектности позволяет: во-первых, связать теоретический и эмпирический уровни анализа социального времени; во-вторых, исследовать действительно «человеческое» измерение времени, так, как это было сделано, например, в феноменологии; в-третьих, связать социальную статику и динамику, поскольку индивид или группа занимают особое место в социальном пространстве и участвуют в производстве его полей, связей и напряжений во времени.

Третья сквозная проблема, подлежащая рассмотрению, – проблема социального времени как способа и формы передачи социального опыта – связана с функциями исследуемого феномена. Воспроизводство социальной жизни во времени возможно при трех условиях:

1. Отбор и сохранение социального опыта в памяти (социальной, культурной, исторической).
2. Передача социального опыта в синхронном и диахронном направлениях.
3. Преобразование социального опыта в соответствии с актуальными потребностями современного общества.

Таким образом, передача опыта – временное явление и может характеризоваться ритмом (постоянным, скачкообразным, непрерывным, прерывистым), временными «шагами» и дистанциями. Для нашего исследования важно понимание передачи не только социального опыта, но и состояний общественного сознания. Необходимо рассмотреть, каким образом в социологии объясняется трансляция не только знаний, навыков, традиций в сфере материальной и духовной жизни, но и особых феноменов и свойств общественного сознания (раскол, амбивалентность, инерционность), формирование и сохранение таких его элементов, как историческая память, социальные страхи и др.

Четвертая проблема связана с восприятием времени, его субъективным образом и переживанием. Время, разделенное на астрономические единицы, объективно, однако оно наполнено также субъективными смыслами и значениями, возникающими как на индивидуальном, так и общественном уровнях. Индивиды и различные социокультурные общности (группы) формируют собственную темпоральную картину мира, в которой переплетены объективные и субъективные аспекты их временного существования. Если объективные параметры (например, календарный год, часовое время)

универсальны для большинства людей, то субъективные аспекты (образы времени, чувство времени, приписывание ему человеческого смысла и т. д.) специфичны. Субъективные переживания времени создают основу эмоционального переживания действительности, в крайних формах либо позитивное восприятие настоящего и будущего, либо негативное, вызывающее страх, панику, уныние.

Заметим, что такое осмысление социального времени осуществлялось с времен античности. Яркое доказательство тому – письмо Сенеки своему другу Луцилию, написанное из тюрьмы: «...“Один день равен всякому другому”». Каждый понимает это на свой лад. Один говорит, что дни равны по числу часов, и не лжет: ведь коль скоро день – это двадцать четыре часа, то все дни непременно равны между собой, так как к ночи прибавляется столько часов, на сколько убывает день. Другой говорит, что любой день равен всем прочим по сходству: в самом протяженном времени нет ничего такого, чего нельзя найти в одних сутках, то есть ничего, кроме дня и ночи, которые оно в чередѣ обращений мира множит, но не изменяет, разве что делает день короче, ночь длиннее или наоборот. Потому каждый день нужно проводить так, словно он замыкает строй, завершает число дней нашей жизни»⁷. В средние века подобные мысли высказывал Августин Аврелий, который писал, что время неразрывно связано с восприятием, что время может жить только в душе человека⁸.

На наш взгляд, важно сделать одно методологическое замечание, связанное с хронологическими границами и критериями периодизации изучения проблемы социального времени. Поскольку проблема времени относится к категории «вечных вопросов», всегда есть желание начать его изучение с представлений древних мыслителей, отталкиваясь «от печки античности», или, по крайней мере, от социальной мысли XVIII–XIX вв. Безусловно, первые фундаментальные разработки данного вопроса связаны с философскими концепциями Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Канта, Г. Гегеля и др., и развитие данной проблематики в рамках социологии не могло обойти философское измерение времени, а также появившиеся в конце XIX – начале XX вв. психологические трактовки. Однако наше внимание будет сосредоточено на социологическом подходе к исследованию социального времени, начиная с классического этапа (в традиционной трактовке – с О. Конта), тем более что в социологии с самого начала определились иные, нежели в

⁷ Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию / пер., прим., подг. изд. С. А. Ошерова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1977.

⁸ Августин Аврелий. Исповедь // Августин Аврелий. Исповедь. Абеляр П. История моих бедствий. – М.: Республика, 1992. – С. XI, 20.

философии, подходы и принципы анализа, проявились специфические для нее аспекты проблемы времени. Во второй половине XX в. оформились особые отрасли социологического знания – социология времени, социология свободного времени, социология памяти. Таким образом, несмотря на относительную молодость социологии как науки, к началу XXI в. в ней был накоплен богатейший опыт осмысления социального времени, требующий отдельного рассмотрения.

В качестве основных критериев выделения периодов в социологическом исследовании проблемы социального времени мы определяем следующие:

1. Рассмотрение данной проблемы в рамках основных социологических парадигм в сочетании с хронологическим принципом. Социология, в отличие от других наук, изначально формировалась как полипарадигмальная наука⁹, и поэтому хронологические рамки в анализе социального времени необходимо сочетать с качественным подходом к структурированию социологического знания. В рассмотрении социологической разработки проблемы социального времени мы будем следовать подходу, предложенному Г. Е. Зборовским¹⁰. Согласно его точке зрения, в развитии социологии можно выделить пять основных линий (метапарадгм), которым соответствуют определенные парадигмы и теории: классическая, неоклассическая, постклассическая, неклассическая и постнеклассическая. В каждой из них формировался свой взгляд на обозначенные выше проблемы социального времени, в чем-то пересекаясь с иными парадигмами, порой – с иными науками.

2. Степень автономности проблемы социального времени от других проблем социологического знания, ее определение в качестве самостоятельного предметного поля при сохранении сквозного характера для всей социологической мысли в целом. Полагаем, что развитие временной проблематики шло от рассмотрения отдельных аспектов социального времени во взаимосвязи с вопросами общественного развития, социальных изменений к формированию самостоятельной отрасли социологического знания – социологии времени, включающей в себя ряд направлений – социология памяти, социология свободного времени, социология досуга и т. д.

Придерживаясь названных методологических позиций, мы анализируем социологическое видение динамики социального времени – во взаимосвязи и переплетении линейного и нелинейного режимов времени, их противоречивом влиянии на жизнедеятельность

⁹ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2007. – С. 56–57.

¹⁰ Там же. – С. 64.

общества и поведение социальных общностей. При этом принципы современного социологического знания и неразработанность проблемы позволяют нам обращаться к результатам не только смежных социально-гуманитарных наук, но и к достижениям естественно-научного знания. Необходимость такого междисциплинарного подхода стала очевидна в связи с анализом феномена нелинейного времени социума¹¹.

В последние годы термин «нелинейность» прочно вошел в тезаурус социальных наук и закрепился в нем благодаря, прежде всего, синергетическому подходу. Популярность синергетики в социально-гуманитарном знании несколько затуманила представление о реальном происхождении и использовании понятия нелинейности, которое на самом деле разрабатывалось и до синергетики, и параллельно с синергетикой в рамках других научных направлений.

Нелинейность как явление объективного мира существовала всегда. Ее проявления описывались и осмысливались еще в работах И. Гердера, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и др. Нелинейные явления и процессы приобрели особые масштабы в современном обществе, в связи с чем проблемы их изучения были актуализированы в различных научных парадигмах. Нелинейность получила не просто свое особое толкование, но и оценку – положительную или отрицательную – в зависимости от ее влияния на состояние и перспективы развития общества.

Предпосылки изучения нелинейных процессов сложились к началу XIX в. И. Гердер был первым, кто раскрыл идею многообразия и равноценности культур и несостоятельности идеологии моноцентризма (европоцентризма) и линейности. В своем известном труде «Идеи к философии истории человечества» он писал: «повсюду... царит единство и многообразие, но для того чтобы судить о прогрессе или регрессе, у нас нет меры, потому что ее не дает нам ни рассудок, ни угол, под которым видим мы всю систему. Мы не в центре – мы в сутолоке: как и другие земли, мы плаваем в потоке и лишены меры для сравнений»¹². Описывая специфику и достижения различных народов и стран, он показывал естественные и социальные причины разновекторности культурно-исторического процесса. По мнению Л. Ионина, И. Гердер совершил тем самым одну из первых в истории интеллектуальных революций¹³.

¹¹ Амбарова П. А. Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности // Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы науки, образования и культуры. – 2014. – № 2 (126). – С. 110.

¹² Гердер И. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – С. 16.

¹³ Ионин Л. Н. Социология культуры. – М.: Логос, 1998. – С. 24.

Гердеровские представления о множественности векторов развития культуры и равноценности различных культур заложили основы культурного релятивизма и философского исследования нелинейности культурно-исторического процесса. Созвучны положениям современной синергетики следующие высказывания И. Гердера: «...какими тонкими движениями перстов всемогущая природа предначертала и ограничила пределы и все потрясения, и все незаметные переходы, какие совершаются и существуют на Земле. Чуть изменили наклон Земли к Солнцу – и все на Земле будет иным»¹⁴; или: «...творец устроил все куда лучше, чем можем насоветовать ему мы, и несимметричное строение Земли позволило достигнуть целей, которых не допустила бы большая симметричность»¹⁵. Немецкий философ по сути размышляет об известном «эффекте бабочки», когда незначительные, незаметные воздействия на систему могут вывести ее из состояния хрупкого равновесия или даже привести к гибели.

В дальнейшем философско-исторические традиции культурного релятивизма, связанные с обоснованием многообразия культурных и социальных явлений и процессов, развивались благодаря концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского¹⁶, теориям локальных культур О. Шпенглера¹⁷ и А. Дж. Тойнби¹⁸, теории социокультурной динамики П. А. Сорокина¹⁹, теории этногенеза Л. Н. Гумилева²⁰. Зарождение и развитие идей многовариантности и альтернативности траекторий культурно-исторического развития человечества можно считать идейными предпосылками современных представлений о нелинейных свойствах социальной реальности.

Вторым источником, из которого исходил в XX столетии гносеологический импульс к исследованию нелинейности в социальных системах, источником, во многом определившим содержание понятия нелинейности, стали естественнонаучные дисциплины. Отправной точкой, конечно, послужила теория относительности А. Эйнштейна, ставшая второй интеллектуальной революцией (после работ И. Гердера). Исследования выдающегося физика не просто открыли нелинейность мира вообще, но, что особенно значимо

¹⁴ Гердер И. Указ. соч. – С. 25.

¹⁵ Там же. – С. 34.

¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1993.

¹⁸ Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М.: Рольф, 2001.

¹⁹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006.

²⁰ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Кристалл, 2001.

для нашего исследования, – нелинейность времени, и тем самым определили вектор развития естественных и социальных наук в XX и XXI вв. Время и пространство, до этого характеризовавшиеся однородностью, симметричностью, независимостью от направления движения, стали определяться как величины относительные, с изменяющимися параметрами. Время, согласно специальной теории относительности, способно замедлять или ускорять свой темп, искривляться и порождать нелинейные состояния физической реальности.

Открытия Эйнштейна послужили основой дальнейших исследований нелинейных явлений в области естествознания. Так, в 1960-е гг. появился ряд интереснейших (не только для физики, но и для социальных наук) концепций, которые коренным образом меняли представления о мире, частью которого выступают нелинейные социальные явления и сущности. Среди них – теория катастроф французского математика Рене Тома и теория хаоса британского физика-метеоролога Эдварда Лоренца, теория бутстрапа американского физика-ядерщика Джеффри Чу и др.

Согласно последней теории, Вселенная представляет собой сеть взаимосвязанных событий, а не совокупность фундаментальных сущностей. Исследователь утверждает, что в мире отсутствуют устойчивые элементы с неизменными свойствами, принципами и законами существования и развития. Все воплощения Вселенной текучи и изменчивы. И не только по своей природе, но и в силу особенностей воспринимающего их человеческого сознания. Обоснованию значимости наблюдателя в восприятии и понимании явлений окружающего мира уделяется в теории бутстрапа достаточно большое внимание. Дж. Чу полагает, что объективность научного знания нельзя абсолютизировать, и что Вселенная предстает только такой (и таковой является на самом деле), какой ее «видит» воспринимающее и изменяющееся человеческое сознание²¹. Такое понимание роли исследователя-наблюдателя лежит в основе особого научного направления – эндофизики (О. Рёсслер, Д. Филькенштейн, К. Прибрам, А. Л. Алюшин), и созвучно социально-гуманитарному знанию, которое формируется не иначе, как через призму знаний, оценок, стереотипов наблюдателя. Таким образом, теория бутстрапа связывает нелинейность явлений не только с объективными законами Вселенной, но и с субъективными факторами ее восприятия.

²¹ Казанский Б. А. Формализация со-бытийности: бутстрап-системы в биологии, биосферологии, кибернетике и физике // Экогеософский альманах «Мудрость дома Земля»: о мировоззрении XXI века [Электронный ресурс]. – Донецк, 2007. – URL: http://www.evol.nw.ru/labs/lab38/kazansky/kazansky_al6_site.doc (дата обращения: 25.10.2013).

Примерно в это же время, когда Дж. Чу разрабатывал теорию бутстрапа, создавалась концепция «складчатой» Вселенной Дэвида Бома, основанная на идее свернутого и развернутого порядка (implicate and explicate order). По мнению Д. Бома, свернутый («подразумеваемый», «включенный») порядок (или, как он ее называет – «непросвеченная» реальность) скрыт, не осознается, не воспринимается человеческим сознанием. Мир, который доступен человеку, или развернутый порядок, напротив, логично фрагментирован, осмыслен, расшифрован²². Именно совокупность «скрытых» и «развернутых» элементов и структур, их взаимосвязи формируют такое качество физического мира, как нелинейность.

1960-е гг. стали периодом, когда парадигма нелинейности стала конкурировать с линейным взглядом на мир. Идеи текучести, множественности, многоструктурности как принципов построения и существования мира являются основополагающими для работ Чу и Бома и с очевидностью перекликаются с идеями текучести, мобильности и нелинейности социального мира, представленными в социологических и философских работах, появившихся только на рубеже XX и XXI вв.²³, а также в художественных практиках (например, в архитектурной концепции «складки» в проектах Дженкса, Эйзенмана, Гери, Либескинда, Мираллес, Хекера, группы «FOA», «ARM»)²⁴.

Как уже отмечалось, особое звучание идея нелинейности и множественности как фундаментальных характеристик всего сущего получила в синергетике. Огромный вклад в развитие представлений о нелинейности внесли работы Г. Хакена, И. Пригожина, И. Стенгерс. Главный посыл синергетики – поиск универсальных законов порядкообразования – позволил с легкостью проецировать результаты исследований плазмы, лазера, «химических часов» на социальные явления, в том числе и на социальное время.

Вообще в синергетике придается особое значение: оно рассматривается как важнейший фактор порядкообразования. Формирование сложных физических и социальных систем возможно только при условии временной когерентности (согласованности) их элементов. Целостность системы обеспечивается одинаковым «возрастом» элементов и синхронностью ритмов их развития.

²² Казанский Б. А. Указ. соч.

²³ Бауман З. Текучая современность. – М. : Питер, 2008; Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012; Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. – М. : Логос, 1998.

²⁴ Добрицына И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Флуктуации могут рано или поздно привести к асинхронности и, как следствие, к «откалыванию» отдельных фрагментов от системы.

И. Пригожин, вводя термин «переоткрытие времени», подчеркивал идею необратимости процессов, происходящих в неравновесных системах, а также способность таких систем запоминать прошлые состояния. В нелинейно развивающейся системе будущее неопределенно, «открыто» даже для самых маловероятных событий. Однако формирование будущего не происходит произвольно, а подчиняется определенным силам-закономерностям, которые в синергетической терминологии получили название аттракторов. Аттракторы представляют собой некие траектории – «магниты», которые наиболее соответствуют особенностям и условиям функционирования системы и, соответственно, «притягивают» ее к себе. В точке бифуркации происходит так называемое «выпадение на аттрактор»²⁵. Таким образом, с позиций синергетики мир в целом, общество и все его подсистемы и элементы, в том числе социальное время одновременно управляемы и неуправляемы. Динамические свойства времени системы подвержены универсальным закономерностям чередования порядка и хаоса, соотношение которых изменяется в бифуркационные периоды.

Одним из направлений синергетики является теория режимов с обострением, развиваемая российскими математиками (С. П. Курдюмов), которая нашла отражение в исследовании не только физических, но и социальных явлений. Согласно данной теории, в определенные периоды сложные системы подвержены действию особого динамического закона, при котором одно или несколько их свойств безмерно увеличиваются (стремятся к бесконечности). Неравномерный рост тех или иных показателей системы есть особое проявление нелинейности. Если для физических систем нелинейно изменяющимся показателем может быть температура, то для социальных систем это может быть стремительное увеличение скорости исторического развития, плотности населения, уровней социальной иерархии и т. д.²⁶ Системы, функционирующие в таком режиме, приобретают чрезвычайную неустойчивость, процессы, происходящие в них, становятся лавинообразными, сверхбыстрыми. Теория режимов с обострением объясняет изменение различных свойств системы, но наибольшее значение придает динамическим свойствам времени.

Синергетический подход получил широкое применение в социологии. Гносеологический потенциал синергетики позволил изу-

²⁵ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодотраивание // Вопросы философии. – 1994. – № 2.

²⁶ Куркина Е. С. Конец режимов с обострением. Коллапс цивилизации [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurkinaes.htm> (дата обращения: 05.10.2013).

чать социальные процессы и явления как макро-, так и микроуровня. Кроме того, синергетика по праву может быть названа философией надежды, «ибо ее задача – не предсказывать бесконечные кризисы, которые пройдут, а указывать конструктивные способы, как их избежать»²⁷. Эти причины в совокупности с повышенным вниманием синергетики к темпоральным аспектам сложных систем обусловили возможность применения и продуктивность синергетической методологии в исследованиях динамики социального времени и ее влияния на социальное самочувствие и поведение социальных общностей.

Синергетика влияет не только на методологию социальных наук. В рамках этого научного направления исследование социальных систем приобретает такую же значимость, какую имеет изучение физических и биологических объектов. В частности, И. Пригожин²⁸, С. П. Курдюмов, ученики последнего Е. Н. Князева, А. Л. Алюшин²⁹ и др. с большим интересом и вниманием анализировали человеческое общество, законы и перспективы его будущего развития и возможности управления им. Достойное место в их работах заняла проблематика социального времени и управления им. В частности, одно из правил синергетического мировоззрения, по мнению Князевой, заключается в действии «в нужном месте и в нужном времени»³⁰ и перекликается с принципом своевременности, который отмечала К. Л. Абульханова-Славская в качестве основы для построения конструктивной стратегии жизни³¹.

Таким образом, социологические представления о нелинейных свойствах социального времени на рубеже XX–XXI вв. формировались благодаря мощному импульсу, который шел от теорий и концепций, сложившихся в естествознании во второй половине прошлого столетия. Работы выдающихся ученых – Дж. Чу, Д. Бома, И. Пригожина, Г. Хакена – имели важное значение не только для физики, но и для социальных наук, поскольку коренным образом меняли представления о мире, частью которого выступают социальные явления и сущности.

По мнению М. А. Можейко, исследование нелинейности сегодня приобретает перспективы и статус магистральной пробле-

²⁷ Гребенюк Е. Н. Синергетический подход в гуманитарном исследовании. – Астрахань : ИД «Астраханский государственный университет», 2011. – С. 8.

²⁸ Пригожин И. Послание к будущему поколению // Наука и жизнь. – 2002. – № 11.

²⁹ Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. – М. : URSS, 2012.

³⁰ Там же. – С. 49.

³¹ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – С. 131.

матики благодаря сближению методологии естественных наук (прежде всего синергетики) и постмодернизма, которые он рассматривает как конгруэнтные³².

Общество, с позиций постмодернизма, представляет собой фрагментированное, мозаичное образование, в котором иерархические (т. е. линейные) структуры начинают уступать место сетевым, ризомным структурам. Общество характеризуется плюралистичностью, поскольку распадается на отдельные элементы и структуры, движущиеся в различных направлениях. Состояние постмодерна описывается понятиями программной хаотичности, релятивизма, нелинейным способом восприятия действительности. По мнению Н. Н. Зарубиной, «постмодернисты, в отличие от приверженцев классических подходов, не расставляют приоритеты, не акцентируют детерминистские и функциональные связи, не выстраивают целостной, логически связной картины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейность, спонтанные разрывы и парадоксальность»³³, они в большей степени интересуются нестабильными явлениями и неопределенностью.

Самым ярким воплощением идеи нелинейности в постмодернизме стали работы З. Баумана, в названиях которых уже отражено понимание британским социологом нелинейности: «Культура текучей современности» («Культура в текучем современном мире», «Culture in a Liquid Modern World»), «Текучее время: жизнь в эпоху неопределенности» («Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty», 2007), «Текучая современность» («Liquid Modernity»), «Текучая любовь» («Liquid Love»), «Текучие страхи» («Liquid Fears»).

Текучее состояние социальных явлений означает, по Бауману, их чрезвычайную подвижность, изменчивость, «легкость». «Жидкое» состояние социальной реальности сопровождается ее ускорением, игнорированием на пути ее движения каких-либо физических или символических границ. Текучесть также выступает метафорой власти. Как жидкости при встрече с твердыми телами остаются невредимыми, но изменяют твердые тела³⁴, так и «люди, что двигаются и действуют быстрее и в большей степени приближаются к мгновенности движения, теперь являются теми, кто управляет»³⁵.

³² Можейко М. А. Язык и творчество. Постмодернизм в лингвистике // Известия Смоленского госуниверситета. – 2008. – № 1.

³³ Зарубина Н. Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 186.

³⁴ Бауман З. Текучая современность... – С. 8.

³⁵ Там же. – С. 130.

Таким образом, с позиций концепции Баумана, линейность связана с жесткостью социального порядка, социальных структур и форм, препятствующей их доминированию и развитию в соответствии с вызовами современности. Нелинейность же означает движение (мгновенное, легкое, «жизнерадостное»), неопределенность и непредсказуемость, гибкость и однородность.

Даже краткий обзор подходов, теорий и концепций показывает значимость и глубину проблемы нелинейности в современном научном знании. Нелинейность трактуется как состояние или свойство окружающего мира, альтернативное линейным состояниям, свойствам и процессам. На современном этапе развития общества нелинейность усиливается и, соответственно, требует дальнейшего изучения как в плане сущностных характеристик, так и в ее проявлениях.

Нелинейность включает в себя множество характеристик.

Первая из них – *многовариантность* и *альтернативность* путей развития системы, обусловленные ее сложностью и многоэлементностью. Проявлением такого свойства нелинейности в социальном плане может быть многовариантная последовательность событий или разнонаправленность социальных изменений (прогресс, упадок, регресс, совершенствование, улучшение, тупиковые линии развития, гибель). Это качество нелинейных процессов характеризуется понятием версификации или ветвления перспективных траекторий развития³⁶.

Вторая характеристика нелинейности – *уникальность* процессов и явлений. Нелинейные процессы и явления существуют в так называемых нерегулярных формах. Высокая степень подвижности элементов системы и доминирование фактора случайности исключают их обратимость и повторяемость. В отличие от линейной эволюции, осуществляющей переход системы в новое качество через постепенное накопление изменений (благодаря чему возможны замедления и возвратное движение), нелинейное развитие порождает принципиально новое состояние через мгновенный скачок, исключающий возврат к прежним состояниям.

Третья характеристика нелинейности – *вероятностность*. Она означает невозможность предсказания будущего системы, исходя из ее сегодняшнего состояния. Только события настоящего имеют стопроцентную вероятность. События недавнего прошлого обладают высокой степенью вероятности. События далекого прошлого и будущего имеют среднюю и низкую вероятность³⁷. Послед-

³⁶ Можейко М. А. Теория нелинейных динамик // Энциклопедия постмодернизма [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/postmodern/Nelineinh-dinamik-teorija-255.html> (дата обращения: 06.10.2013).

³⁷ Березина Т. Н. Время как вероятность // Мир психологии. – 2011. – № 3.

ствия нелинейных процессов могут быть двух видов – видимые и латентные. Последние в меньшей степени предсказуемы из-за своей неочевидности для воспринимающего сознания. В связи с этим нелинейность не всегда можно отличить с первого раза от линейности. Например, прокладывая маршрут, путешественник исходит из линейного видения пространства, определяемого особенностями визуального восприятия и плоскостным строением карты. На самом деле маршрут путешественника – это не прямая, а линия, проходящая по сферической кривой. Вот как объясняет вероятность С. А. Кравченко: «Индивид поставлен в условия жизни, когда постоянно *необходимо выбирать*, просто *нельзя не выбирать* что-то или кого-то с учетом фактора немедленного или отложенного риска. Будут ли последствия выбора благоприятные или негативные для функционирования, предсказать и тем более оценить весьма трудно, ибо интерпретации результатов сделанного выбора *варьируются в пространстве* и *изменяются во времени*»³⁸.

На наш взгляд, *неочевидность* определенной части линейных процессов и состояний следует выделить как особое (четвертое) свойство нелинейности. Западно-европейское сознание, сформированное многовековыми традициями линейного мировидения, не воспринимает многие латентные сущности нелинейности, например, нелинейность социального времени. Когда же нелинейность проявляет себя с очевидностью, она воспринимается как катастрофа, вызывает всплеск эсхатологизма, алармизма, негативных социальных эмоций – страха, тревожности, неуверенности. Восточные духовные практики, ориентированные на восприятие неочевидного через медитацию, размышление и пр., подготавливают человеческое сознание к восприятию нелинейности и формируют позитивное самоощущение и мировидение. Примерно ту же социальную функцию выполняют различные теории нелинейности. Известно, кстати, что Джеффри Чу и Дэвид Бом были хорошо знакомы с буддийской философией и разрабатывали свои теории, постоянно апеллируя к ней.

Пятая характеристика нелинейности – *гибкость* – свидетельствует об органических качествах нелинейных явлений и процессов. Метафора «жидкости», используемая Бауманом, адекватна этим качествам и отражает их нежесткий, «уступчивый» и в то же время более «жизнеспособный» характер. Разворачивающиеся в виртуальной среде процессы и явления в полной мере реализуют свойства и потенциал нелинейности, поскольку в такой среде отсутствуют

³⁸ Кравченко С. А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 60.

привычные рамки и факторы сдерживания и стабилизации. Виртуальное время и пространство оказываются нелинейными, а значит, гибкими и раскованными.

Шестая характеристика нелинейности связана с особенностями ее темпоральности. Как уже отмечалось, переход в новое качество совершается *мгновенно*. Мгновенны также превращения хаоса в организованный порядок и наоборот. Момент, когда происходит мгновенное превращение птичьей стаи в организованный «косяк» или из хаотичных, спонтанных контактов образуется очередь как особый вид социального института, назван исследователями мгновенной интеркоммуникацией³⁹.

Мгновенность, скорость, динамизм – сущностные характеристики нелинейности, делающие темп, режим функционирования процессов и явлений рваными, скачкообразными. Временные парадоксы нелинейной реальности нашли отражение в работах Дж. Урри⁴⁰ и Ч. Дженкса⁴¹. «Мгновенное» или «вневременное» время Дж. Урри – один из многообразных видов времени, существующих в современном обществе (наряду с «ледниковым», «часовым», кайрологическим). Оно объединяет вокруг себя определенные виды социальных взаимодействий и практик, образуя сгустки социальной реальности высокой плотности и напряженности. «Мгновенное» время характеризуется непредсказуемым изменением и квантовой одновременностью⁴².

Усиление интереса к «нелинейной» проблематике вызвано не только тенденциями развития и достижениями самой науки, но, прежде всего, усилением нелинейности окружающей среды, особенно – социального мира. Современные общества, совершающие качественный скачок в новое культурное, социальное, цивилизационное состояние, реализуют именно нелинейную логику изменений. Объяснительные схемы естественных и социогуманитарных наук подготовили адекватное восприятие и понимание этого процесса в научном сообществе. Но они также дают знание того, как можно управлять нелинейными процессами в реальной социальной практике и регулировать поведение различных социальных субъектов в условиях нелинейной динамики социальной системы.

³⁹ Добрицына И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки...

⁴⁰ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века...

⁴¹ Jencks C. A. The Architecture of the Jumping Universe. – London & NY: Academy, 1995.

⁴² Урри Дж. Указ. соч. – С. 179.

Глава 2

Социальное время в контексте социологического знания

- 2.1. Проблема социального времени
в социологии классического этапа
- 2.2. Проблема социального времени
в неоклассической и неклассической социологии
- 2.3. Проблема социального времени
в постклассической
и постнеклассической социологии

2.1. Проблема социального времени в социологии классического этапа

*Прогресс – не случайность,
а необходимость.*

Г. Спенсер

Теоретические и методологические предпосылки исследования социального времени, характерные для классического периода социологии, берут свое начало в работах Г. Лейбница, Ш. Монтескье, И. Гердера, И. Канта, Г. Гегеля, а также Р. Декарта, Г. Галилея, И. Ньютона. Преодолевая средневековое видение мира как вечного и неизблемого, мыслители XVII в. сформировали новый взгляд на него посредством категорий продолжительности, становления, процессуальности. Однако время как категория науки и способ осмысления мира еще не приобрело той силы, которая будет характерна для него в последующие периоды. Как отмечал отечественный философ Н. Н. Трубников, в этот период «вечность утратила свою безраздельную власть над человеком. Время еще не приобрело этой власти...»⁴³. Необходимо заметить, что не только в XVII в., но и в XVIII, и даже в XIX вв. проблема времени не имела какого-либо самостоятельного значения, хотя имплицитно присутствовала во всех философских и во многих естественно-научных концепциях, была вплетена в разработку и решение всех фундаментальных проблем человечества.

Идейным стержнем эпохи Просвещения, значимым для формирования представлений о социальном времени и в XVIII, и в XIX вв., была вера в прогресс, трактуемый как постоянное поэтапное и необратимое усовершенствование в материальной, нравственной, экономической, научной сферах жизни. В книге «Опыт о нравах и духе наций» Вольтер представил концепцию исторического прогресса человеческого разума, достигающего самостоятельности, власти над природой, успехов в сфере науки, ремесел и промышленности. Историческое развитие человечества отождеств-

⁴³ Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. – М. : Наука, 1987. – С. 83.

лялось великими просветителями с прогрессом человеческого разума, а история – с историей человеческого самосознания⁴⁴.

Все концепции прогресса, несмотря на разность взглядов их авторов на движущие силы, темпы и проявления развития, были объединены оптимизмом в отношении судьбы человечества (прогресс расценивался ими однозначно как высшее благо), пониманием *линейной направленности* развития в будущее, а также уверенностью в том, что этот процесс неизбежно охватит все страны и народы. Эти идеи, объединившие различные философские и идеологические направления Просвещения, были восприняты и развиты А. Сен-Симоном и – через его творчество – О. Контом. Истоки основных идей и проблем, разработанных Контом, уходят в творчество Сен-Симона: это мысль о позитивной, синтетической науке об обществе, концепция трех стадий в развитии общества, представления о тесной связи прогресса, науки и разума.

С творчеством «великих просветителей» и Сен-Симона связана разработка проблемы социального времени у О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и К. Маркса – ключевых фигур классического этапа в развитии социологии. Социология, как и вся европейская наука и культура XIX и XX вв., унаследовала от эпохи Просвещения представления о «человеке разумном», чья интеллектуальная и физическая деятельность служит прогрессу человечества, а также идею прогресса, которая легла в основу сценариев темпорального развития общества. И. Валлерстайн, анализируя изменения как предмет социологического знания, отмечал, что тезис просветителей о неизбежности эволюции мира в направлении разумного общества, естественности прогресса социология приняла, практически не подвергнув сомнению, как аксиому⁴⁵.

Проблема динамики социального времени нашла свое отражение в работах основателя позитивизма О. Конта, в его идеях о развитии общества и человеческого сознания, а также о законах этого развития. Конт считал себя создателем «основной теории человеческого прогресса», разработка которой стала возможной благодаря философии позитивизма. По его мнению, теория прогресса не могла быть создана в предыдущие исторические периоды, поскольку мыслители прошлого имели узкий временной горизонт и рассматривали свою эпоху как в высшей степени совершенную⁴⁶.

⁴⁴ Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. – М. : Наука, 1993. – С. 179.

⁴⁵ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М. : Логос, 2003. – С. 165.

⁴⁶ Конт О. Система позитивной политики // Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 193.

Конт полагал, что «действительный инстинкт человеческого прогресса пробудился у всех здравомыслящих людей сначала во Франции, а затем и на всем Западе под влиянием революции»⁴⁷.

Основатель социологии рассматривал порядок и прогресс не только как научные понятия, но и как категории социальные – в качестве двух основных принципов существования общества. По его мнению, порядок лежит в основе социальной статики (существования), а «закон прогресса» является основным законом социальной динамики (движения). Порядок и прогресс взаимосвязаны: порядок является неременным условием прогресса, а прогресс – неотъемлемой целью порядка⁴⁸.

Двигателем развития общества, научного и общественного сознания Конт считал интеллектуальное развитие. Он полагал, что, хотя умственные запросы человек и не реализует активно, тем не менее их значение «не подлежит сомнению: они дают первый необходимый толчок нашим различным философским усилиям, слишком часто приписываемым преимущественно практическим импульсам... Эти умственные нужды, относящиеся, как все другие, к регулярному выполнению соответственных функций, требуют всегда счастливого сочетания прочности и активности, откуда одновременно вытекают потребности в порядке и прогрессе, или в связи и расширении»⁴⁹.

О. Конт предложил использовать состояние человеческого ума в качестве критерия периодизации человеческой истории. История, по его мнению, представляет собой последовательную смену трех стадий – теологической, метафизической и позитивной, отличающихся способом познания и понимания мира. Таким образом, социальное время, по Конту, может рассматриваться не только как смена стадий человеческой истории, но и как поэтапное изменение состояний общественного сознания, в котором последовательно господствуют теология, метафизика и наука. «Умственный прогресс», осуществляющийся как на уровне индивидуального, так и родового сознания, приводит человечество к позитивному мышлению (т.е. реальному, полезному, достоверному), в результате чего приобретает знание, очищенное от религии и метафизики, т.е. знание позитивное, рациональное.

Конт выделял четыре вида прогресса: материальный, физический, интеллектуальный и моральный. Первый вид прогресса

⁴⁷ Конт О. Система позитивной политики... – С. 194.

⁴⁸ Там же. – С. 229.

⁴⁹ Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 22.

связан с усовершенствованием условий жизни, второй – физической природы человека (например, увеличением длины его жизни, укреплением здоровья). Самыми высокими ступенями прогресса Конт считал интеллектуальное и моральное развитие человечества⁵⁰.

Важной идеей, характеризующей понимание динамики социального времени у Конта, является идея преемственности («солидарность во времени», «инстинкт непрерывности») между различными этапами развития общества. Именно механизм преемственности – передачи опыта во времени – выступает основой прогресса, а прерывание преемственности вызывает социальные кризисы и катаклизмы. Сравнивая позитивизм и коммунизм, Конт бросает коммунистам «тяжелый упрек» в ограниченности временного горизонта их «социального инстинкта»: «...чувство солидарности, которым они так гордятся, ограничивается настоящим временем, в нем отсутствует историческая непрерывность, составляющая главную черту человечества»⁵¹. Формируется «инстинкт непрерывности» в процессе воспитания уважения к предкам и родительской любви и заботы о потомках. Таким образом соединяются прошлое, настоящее и будущее в жизни индивида, семьи и общества.

Проблема социального времени не была столь актуальной для эволюционизма и веберизма. Тем не менее, Г. Спенсер был очень близок к контовскому пониманию сущности и значения преемственности в развитии общества. В теории социальной эволюции, в которой предполагалось видение не только линейного восходящего, но и регрессивного движения, он придерживался идеи плавного перехода общества к новым этапам своего развития (от «военного» общества с принудительным характером сотрудничества между людьми к «промышленному» с добровольным характером сотрудничества). Спенсер отрицал всякое насильственное, революционное изменение социальных отношений и полагал, что необходимо постепенное, естественное усовершенствование общества как социального организма в целом и социальных институтов как его отдельных функциональных органов.

К проблеме социального времени обращался еще один выдающийся представитель классической социологии – К. Маркс, посвятивший ей многие страницы своих произведений. У Маркса сохраняется то же, что и у Конта, понимание стадийности и линейности социального времени. Идея прогресса в историческом

⁵⁰ Конт О. Система позитивной политики... – С. 231–232.

⁵¹ Конт О. Общий обзор позитивизма // Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 146.

развитии общества пронизывает его учение об общественно-экономических формациях. Переход от первобытно-общинной к рабовладельческой, а затем к феодальной, капиталистической и коммунистической формациям представляет собой особый сценарий развития. Время в представлении Маркса течет необратимо, жестко подчиняясь историческим закономерностям, имеющим силу необходимости и неизбежности. Выделяемые им стадии – формации создают своеобразный ритм, наполненный особым драматизмом и напряжением из-за социальных конфликтов и революционного способа их разрешения.

Понимание Марксом порядка и механизмов смены общественных формаций вследствие разрешения противоречия между быстрым развитием производительных сил и менее динамичными производственными отношениями представляет собой иной, нежели у Конта, взгляд на природу, предпосылки и движущие силы прогресса и, следовательно, социального времени.

Специфика подхода Маркса заключается в том, что социальное время под определенным углом зрения мыслится им преимущественно в экономическом измерении. Категория времени помогает осмыслить, прежде всего, производственные, экономические отношения («рабочее время», «время производства», «время труда»), однако принципы изучения самого феномена выходят далеко за сферу экономических отношений. Источником динамики социального времени, по Марксу, выступают противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Наиболее яркие проявления социальных изменений, по мнению Маркса, наблюдаются именно в сфере материального производства. Напряжение времени определяется напряжением производства и труда.

На наш взгляд, марксово понимание социального времени можно выразить понятием «напряжение времени». Последнее создается двумя переменными, тесно связанными между собой: скоростью экономических процессов и остротой противоречий в социальных (классовых) отношениях. Классовые противоречия, по Марксу, есть отражение противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Во-первых, эти элементы социальной системы сами по себе имеют различную динамику, которая служит источником конфликта. Во-вторых, противоречия имеют определенную скорость вызревания и разрешения. В-третьих, на характер социального времени влияют также способы разрешения социальных противоречий. Так, революция как способ разрешения классовых конфликтов усиливает динамику, делает социальные изменения ярко выраженными, контрастными, а значит, и более напряженными.

Скорость экономических процессов является результирующей скоростей производства товара, оборота капитала, доставки товара на рынок и т.п. Маркс последовательно и подробно раскрывает значение фактора скорости в экономике. Категория времени становится центральной в анализе процесса обращения капитала⁵². Время выступает характеристикой процесса превращения капитала в товар и товара в деньги. От скорости этого процесса зависит частота оборота капитала и увеличение его стоимости. Маркс выводит закон возмещения скорости массой капитала и массы капитала скоростью его обращения. Особое внимание он уделяет понятию рабочего времени, рассматривая его как меру труда, как живой и объективированный труд⁵³.

Таким образом, в эпоху капитализма источниками «напряженности времени» становятся различия в скорости социально-экономических процессов, масштабы и темпы социальных изменений, а также способы их реализации.

Социальное время анализируется Марксом как на микроуровне (проблема рабочего времени), так и на макроуровне (проблема исторического времени и смены общественно-экономических формаций). На микроуровне социальное время описывается понятиями рабочего времени, необходимого и прибавочного рабочего времени, живого и овеществленного времени, свободного времени, досуга, на макроуровне – понятиями исторического и формационного времени. По сути Маркс использует уровневый подход в разработке проблемы социального времени. Этот подход лежит в основе всей современной социологии, в том числе и социологии времени.

Анализ диалектики рабочего и свободного времени, изложенный в работах Маркса и воспринятый советской социологией свободного времени, не теряет актуальности и сегодня. Помещенный в контекст современного социологического знания о социальном времени общества модерна, он приобретает особое звучание.

Появление понятий рабочего и свободного времени у Маркса связано с эпохой капитализма, когда в структуре социального времени четко определились границы двух сфер жизнедеятельности – труда и досуга. В предыдущие эпохи эти границы были размыты. Например, по его мнению, в рабовладельческом обществе у рабов досуга как такового не было. Он считался привилегией господствующих слоев, имевших возможность свободно распоряжаться своим временем.

⁵² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала». Ч. 2) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. II. – М.: Политиздат, 1969.

⁵³ Там же. – С. 16.

В «Анкете для рабочих» Маркс заложил представления о количестве и структуре рабочего и свободного времени. Анкета состояла из четырех групп вопросов: 29 вопросов первой группы были направлены на изучение условий труда, 16 вопросов второй группы были связаны с получением информации о продолжительности рабочего дня взрослых и детей, 36 вопросов третьей группы касались отношения рабочих к предпринимателям, системы оплаты труда, бюджета семьи и т. д., 18 вопросов четвертой группы были направлены на получение сведений об организациях рабочих, профсоюзах, стачках и т. д.⁵⁴. По Марксу, социальное время реализуется и конкретизируется посредством двух основных составляющих – количества и структуры рабочего и свободного времени.

Изменение соотношения рабочего и свободного времени, а также усилия по экономии рабочего времени представляют, с позиций Маркса, сущность управления производством и общественными отношениями в целом. Он пишет, что «экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»⁵⁵. Важную роль в управлении капиталистическим производством и капиталистическими отношениями играет «управление» свободным временем рабочих, которое буржуазия, по Марксу, стремится превратить в прибавочный продукт. В противоположность капитализму, одним из основных факторов управления коммунистическим обществом станет разумное соотношение рабочего времени (которое будет «определяться потребностями общественного индивида») и свободного времени, которое закономерно возрастет в своем количестве и значении и превратится в мощный «инструмент» роста производительности общественного труда, по существу – в реальную производительную силу⁵⁶.

Марксова характеристика свободного времени как способа превращения «того, кто им обладает, в иного субъекта», вступающего в этом новом качестве в дальнейший процесс производства⁵⁷, как нельзя более актуально звучит сегодня, когда у определенных социальных групп свободное время не имеет той «нормы», которая определяет качество жизни и времени. Маркс писал, что и свободное, и рабочее время должны иметь «нормальную меру», которая обеспечит возможность использовать их «достойным обра-

⁵⁴ Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – 2-е изд. – Т. 19. – М.: Политиздат, 1961. – С. 233–240.

⁵⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов... – С. 116–117.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. – С. 221.

зом», т. е. максимально для развития личности⁵⁸. Именно такое качество и структура социального времени создают благосостояние общества, являются его «подлинным богатством».

Особенностью понимания социального времени в работах Маркса стала трактовка принципа преемственности. Идея разрыва между различными состояниями и периодами в развитии общества излагается немецким социологом достаточно ясно. Революционный, скачкообразный характер социальных изменений рассматривается как единственно возможный способ перехода на более высокую ступень развития, как самый лучший механизм социального прогресса. Революционные социальные изменения естественным образом прерывают многие традиции, диахронные связи, делают ритм социального времени неровным, прерывистым. Переход от одной формации к другой мыслится в категориях «ликвидации», «изживания», «упразднения», т. е. полного разрушения старого, прошлого строя, его надстройки (культуры, морали, духовности).

Важный методологический принцип изучения социального времени в работах Маркса видится в появлении представлений о реальном субъекте социального времени. И помогает этому анализ сущности классового конфликта. Антагонистические социальные классы, стремящиеся к сохранению или изменению существующих социально-экономических отношений, выступают носителями определенного исторического времени. Динамика социального времени представляется результатом активной деятельности представителей определенных социальных групп, реализующих свое стремление к изменению или сохранению существующих социальных отношений. Таким образом, Маркс выходит на понимание социального времени как атрибута определенных социальных отношений.

Эта идея сохраняет свою актуальность и является важным методологическим основанием анализа взаимосвязи динамики социального времени и социальных страхов. Благодаря этому становится ясно, что изменения в системе социальных взаимоотношений, в расстановке социальных сил и их поляризации могут служить источником страха, неуверенности, агрессии и других негативных социальных эмоций. Понятно, что у Маркса социальные страхи имеют классовую природу: богатые боятся бедных, бедные боятся богатых, работодатели – работников и наоборот, одни боятся потерять тот социальный порядок, который обеспечивает им существование, другие до определенного момента боятся потерять то немного, что у них есть. Символично звучит знаменитое вы-

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 26. – Ч. 3. – С. 266.

ражение: «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей», поскольку оно означает тот предел страха, за которым начинаются необратимые, кардинальные движения времени, приводящие к изменению социального порядка.

Таким образом, в работах Маркса время выступает как самостоятельная научная категория и социальное явление и получает конкретно-историческую интерпретацию. Социальное время представлено у Маркса и в статическом разрезе (как различные виды времени), и в динамической форме. Оба среза показаны во взаимосвязи и диалектике развития. Многогранность феномена социального времени раскрывается Марксом благодаря введению уровневого подхода и раскрытию источников динамики времени. Через понятие деятельности, прежде всего труда, Маркс выходит на понимание субъекта времени, благодаря чему исследуемая проблема начинает звучать по-настоящему социологично не только в теоретическом, но и эмпирическом планах. Заслугой Маркса является то, что он впервые показывает возможность не эволюционного, а скачкообразного способа развития общества, а значит, и новый тип динамики социального времени, его преимущества и механизмы⁵⁹.

Представления о социальном времени получили свое дальнейшее развитие в работах Э. Дюркгейма. Первые свои сочинения Дюркгейм посвящает эволюции общества, которая рассматривалась им как смена двух типов социальной солидарности – механической и органической. Развитие общества представляется им как развитие социальных связей, отношений, чувств и коллективного сознания во времени. В контексте рассмотрения прогресса разделения труда и формирования нового типа солидарности Дюркгейм анализирует механизмы преемственности и динамики социального времени как две взаимосвязанные стороны временного существования общества.

Соотношение прошлого и настоящего, по мнению Дюркгейма, является фактором развития общества. Прошлые олицетворяют памятники, традиции, привычки, переданные через воспитание. Живым олицетворением традиции Дюркгейм считал старшее поколение: «...они одни были свидетелями того, что делали предки. Они единственные посредники между настоящим и прошлым»⁶⁰.

⁵⁹ Амбарова П. А. Проблема социального времени в работах К. Маркса // XIX Уральские социологические чтения «Региональные особенности разработки и реализации социальной политики» (14–16 марта 2013 г., УрФУ, Екатеринбург). – Екатеринбург : УрФУ, 2013.

⁶⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М. : Канон, 1996. – С. 301.

Влияние традиции на социальную жизнь определяется авторитетом возраста. Чувство уважения к старшему поколению, а значит и к традиции, сохраняется в том обществе, которое не «выпускает» молодое поколение за свои границы. Это общество, не допускающее мобильности, в котором несколько поколений живут вместе, попадая под влияние старших. Время в таком обществе останавливается или замедляется, оно как бы купюрует попытки всяческих нововведений: «Чтобы в обществе появились новшества, недостаточно рождения новых поколений; нужно еще, чтобы они не слишком склонны были идти по следам своих предшественников. Чем глубже влияние последних, а оно тем глубже, чем продолжительней, тем более существует препятствий для изменений»⁶¹.

По мнению Дюркгейма, почитание возраста ослабевает, во-первых, с развитием цивилизации. На этой стадии «стариков более жалеют, чем боятся», а возрасты нивелированы⁶². А, во-вторых, влияние возраста ослабевает в связи с развитием территориальной мобильности, переселением молодежи в другие места и прежде всего в города. Большинство населения больших городов времен Дюркгейма действительно состояло из молодых переселенцев, которые, «став взрослыми, покинули домашний очаг и избавились от влияния стариков»⁶³. Большие города представляются Дюркгейму очагами прогресса. В них быстро вырабатываются и быстро меняются идеи, мода, вкусы, привычки, страсти.

Сдерживающее влияние традиции и старшего поколения порождает социальную инерцию, мешающую развитию общества. «Все прошлое, – пишет Дюркгейм, – тянет нас назад даже тогда, когда прекраснейшие перспективы влекут вперед. Всегда трудно вырвать с корнем привычки, которые укрепило и организовало в нас время»⁶⁴. Любые изменения, подготовленные или внезапные, влекут за собой кризис, болезненное состояние, тяжело переживаемое обществом. Дюркгейм также указывает на то, что социальную инерцию традиций невозможно преодолеть на протяжении жизни одного поколения.

Рассматривая историческую динамику социального времени, французский социолог уже тогда отмечал ускорение и интенсификацию различных процессов, в том числе материального и нравственного прогресса, при переходе от одной фазы исторического развития к другой. Дикарь, по его мнению, не стремится ни к чему новому и не знает «удовольствий, доставляемых активной жиз-

⁶¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. – С. 302.

⁶² Там же. – С. 303.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. – С. 246–247.

нию... Он предоставляет спокойно течь своей жизни, не испытывая постоянной потребности торопливо наполнять ее слишком короткие мгновения многочисленными и неотложными делами»⁶⁵. Точно так же и у представителей цивилизованных народов, проживающих в деревне, склонность к изменениям весьма слабая. Цивилизованный горожанин, напротив, в погоне за счастьем постоянно находится в поисках нового, постоянно изменяется, но в то же время, «стиснутый» рамками организации и рутинизации его жизни, испытывает скуку и мучения от монотонного и непрерывного труда⁶⁶.

Время, по мнению Дюркгейма, разрушает в обществе равновесие и создает новые условия для существования, к которым человек может приспособиться, только изменяясь. Способствует постоянным изменениям и развитие в цивилизованном обществе средств передвижения и передачи информации. Это фактор, который уничтожает или уменьшает пустоты, разделяющие социальные сегменты. Благодаря этому увеличивается плотность общества, служащая источником прогресса. По сути, Дюркгейм описывает те процессы и факторы, которые получают особое звучание в конце XX – начале XXI вв.: чрезвычайное ускорение времени, интенсификация различных видов деятельности, уплотнение пространства и времени благодаря новым информационно-коммуникативным технологиям, возникновение особого пространственно-временного континуума мегаполисов.

В работах Дюркгейма присутствует еще один аспект, в котором преломляется проблема динамики времени, – размышления о счастье. Стремление к нему является, по мнению социолога, двигателем прогресса. Особое внимание он уделяет представлениям о пессимизме и «иллюзиям надежды». Дюркгейм полагал, что, несмотря на разочарования и чувство несчастья, люди все же предпочитают смерти жизнь, поскольку надеются на то, что «будущее выкупит прошлое»⁶⁷. Надежда на лучшее будущее как особый социальный феномен рассматривается Дюркгеймом как основа «инстинкта самосохранения» человечества, а увеличивающееся число самоубийств, напротив, свидетельствует о разрушении этого инстинкта и надежды как его основы. Таким образом, представления о времени вплетены у Дюркгейма в анализ первооснов и источников развития социальной жизни. Время предстает в качестве активно действующего фактора социальных изменений, взаимодействий, самочувствия.

⁶⁵ Дюркгейм Э. Указ. соч. – С. 247–248.

⁶⁶ Там же. – С. 248.

⁶⁷ Там же. – С. 251.

Только в самой своей фундаментальной (и поздней) работе – «Элементарные формы религиозной жизни» – Дюркгейм размышляет о времени как таковом, как о категории, порожденной коллективным сознанием и взаимодействием. Представления о времени – результат коллективного взаимодействия и осознания действительности, осуществляемых на протяжении длительного исторического срока. Любые коллективные представления, по Дюркгейму, – «продукт огромной кооперации, развивавшейся не только в пространстве, но и во времени; чтобы их создать, бесчисленное множество разнообразных умов соединяли, смешивали, комбинировали свои идеи и чувства; длинные ряды поколений аккумулялировали в них свои знания и опыт»⁶⁸. Категория времени, по мнению французского социолога, «состоит не просто в частичном или целостном воспоминании о нашей прошедшей жизни. Это абстрактная и безличная рамка, которая охватывает не только наше индивидуальное существование, но существование человечества»⁶⁹. Время может рассматриваться как социальный институт, отличающий человека от животного⁷⁰. Для восприятия времени ни у человека, ни у животного нет органа чувств, однако у человека представление о времени формируется и приобретает особое значение благодаря коллективному опыту.

Восприятие времени возможно только при условии его деления на годы, месяцы, недели, дни, часы, т. е. дифференциации на те единицы измерения, которые выработались в ходе совместного социального действия у нескольких поколений людей. Такое деление на единицы времени, лежащее в основе календаря, отражает периодичность обрядов, праздников, общественных церемоний, т. е. ритм коллективной деятельности, и обеспечивает ее упорядоченный характер⁷¹.

С одной стороны, анализ социального времени у Дюркгейма разворачивается в тех же прогрессистских рамках, которые характерны для других представителей классической социологии. С другой стороны, он имеет свою специфику. Неслучайно некоторые исследователи называют Дюркгейма основоположником социоло-

⁶⁸ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология / пер. с англ., нем., фр. сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М. : Канон+, 1998. – С. 194.

⁶⁹ Там же. – С. 186.

⁷⁰ Там же. – С. 187.

⁷¹ Там же.

гии времени⁷². Действительно, в последней своей крупной работе он анализирует время как самостоятельный феномен, отдельно от других проявлений социальной динамики. В его творчестве мы не находим попыток «стадиального» анализа времени, как это было у Конта, или подхода к времени как экономической категории, как у Маркса. Дюркгейм рассматривает время как явление, производное от любых коллективных действий и взаимодействий, а также как феномен, имеющий определенные функции воздействия на социальную жизнь.

В целом классическая социология заложила основы социологического подхода к изучению социального времени, несмотря на то, что интересующие нас проблемы не стояли во главе угла и не были предметом отдельных крупных работ. На этом этапе формируется понимание времени как характеристики социальных отношений и социальных изменений (Дюркгейм), появляется попытка осмыслить время через его носителя – социальные классы (Маркс), показать социальную динамику во временном разрезе (различные подходы к выделению стадий в развитии общественных систем). Практически у всех классиков социологической мысли присутствует проблема способа и механизма осуществления социальных изменений и сохранения/прерывания преемственности.

Однако общей чертой всей классической социологии является отсутствие целостного, системного понимания социального времени как особого явления, имеющего собственные границы и собственную проблематику, а также выделения социального времени как самостоятельного фактора социальной жизни. Кроме того, классическая социология предлагает объективный подход к социальному миру, в том числе и к проблеме социального времени, и исключает субъективный взгляд на его природу и восприятие. Все парадигмы классического этапа социологии (в том числе позитивизм и марксизм, представители которых в основном и занимались проблемой времени) формировались как макросоциологические, и поэтому не затрагивали индивидуальный уровень и уровень микрогруппы, на которых возможно исследование времени как субъективного феномена, его восприятия и переживания в личном опыте. На наш взгляд, именно это служит основанием для определения границ различных этапов в развитии социологического знания в

⁷² Веселкова Н. Существует ли социология времени? [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/veselkova_susch_li_sociol_vremeni/ (дата обращения 13.12.2010); Фомичев П. Н. Современные социологические теории социального времени : научно-аналитический обзор. – М. : ИНИОН, 1993.

отношении социального времени и, соответственно, определения отправной точки в развитии социологии времени как особой отрасли знания.

2.2. Проблема социального времени в неоклассической и неклассической социологии

*Время существует только в нашей
душе. Прошлое – в памяти,
будущее – в ожидании.*

Аврелий Августин

Прежде чем рассматривать следующий этап социологического осмысления времени, необходимо обратить внимание на междисциплинарный характер разработки данной проблемы, который проявился особенно ярко в конце XIX – начале XX в. Речь идет в первую очередь о взаимном влиянии социологии и философии.

На рубеже веков проблема социального времени оказалась в центре внимания А. Бергсона и отразилась в его идеях относительности времени и времени-длительности. Особый интерес представляют темпоральная концепция Н. Бердяева и феноменологическая концепция времени Э. Гуссерля. Работы и теории названных философов оказали серьезное воздействие на развитие социологического видения проблемы времени, особенно – феноменология Э. Гуссерля. Это становится очевидным при рассмотрении двух парадигм, сформировавшихся в XX в. и представленных именами П. Сорокина, Р. Мертон и Т. Парсонса (неоэволюционизм и структурный функционализм), а также А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана (феноменология).

В то же время философская мысль сама испытывала влияние со стороны социологии. Так, философская интерпретация социального времени Э. Маха основывалась на идеях О. Конта. П. П. Гайденок считает, что Э. Мах не без влияния Конта пришел к устранению учения Ньютона об абсолютных пространстве и времени и определенным образом заложил, наряду с А. Пуанкаре, философские предпосылки появления неклассической физики с ее идеями относительности. Не случайно А. Эйнштейн дал название открытой им закономерности «принципом Маха»⁷³.

Говоря о междисциплинарности в изучении времени, нельзя обойти вниманием фактор влияния естественнонаучного знания. Когда-то классическая механика И. Ньютона на несколько веков

⁷³ Гайденок П. П. Понимание времени // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1.

определила направление развития точных и, в определенном смысле, социальных наук. После того, как оформился предмет собственно социологического знания и социология начала определять свое специфическое видение проблемы времени, естественно-научное знание вновь заявило о своем статусе «законодателя». Особенно большое значение для философского и социологического понимания времени имела физика. На грани двух веков одна за другой появляются теория относительности А. Эйнштейна с идеей пространственно-временного континуума и теория биологического и геологического времени В. И. Вернадского.

Специальная теория относительности вводит в научный оборот понятие и представление о едином и неделимом пространстве-времени (хотя само понятие пространства-времени было введено не Эйнштейном, а философом и физиком М. Палади в 1901 г. и развито другими физиками, у Эйнштейна это понятие получает просто одну из интерпретаций⁷⁴). Согласно теории относительности, пространство и время мыслятся как неотделимые друг от друга формы бытия, охватывающие большинство явлений в мире (квантовый мир, в котором представления о пространственно-временном континууме «не работают», будет открыт позже). Структура и неоднородность пространства проявляются в динамике, т. е. во времени, а свойства времени, в свою очередь, зависят от характеристик пространства. В связи с этим можно говорить об особой динамике пространства, так же как и об особой динамике времени.

Если открытие Эйнштейна имело значение для всех наук и в целом человеческого мировоззрения, то для развития социальных наук в первую очередь, на наш взгляд, были актуальны идеи Вернадского. Русский естествоиспытатель углубляет научное знание о времени, обращаясь к таким его видам, как биологическое и геологическое (геохимическое). Ученый выделяет биологическое время как особое, отличное от физического времени. Очевидно, Вернадский очень хорошо знал работы А. Бергсона, Г. Зиммеля, и они оказали определенное влияние на его видение проблем времени. Так, он писал, что время мы не только научно постигаем, но и переживаем, что «бренность жизни переживается нами как время, отличное от обычного времени физика. Это длительность – дление»⁷⁵. Именно через понятие длениа Вернадский связывает время физическое, биологическое, психологическое.

Описывая особенности биологического времени, которое он называет временем жизни, ученый говорит о его полярном векторе,

т. е. однонаправленности и необратимости – о «закономерной бренности и (людей. – П. А.) существования». Время рассматривается Вернадским как одно из основных проявлений вещества, неотделимое от него его содержание⁷⁶. При этом он выделял три процесса, образующих время жизни: время индивидуального бытия, время смены поколений без изменения формы жизни, время эволюционное – время смены форм одновременно со сменой поколений. Вернадский утверждает, что в отношении времени жизни нельзя говорить об абсолютной неизменности и независимости от внешней среды.

Кроме того, исследователь отмечал, что биологическое время существует одновременно в двух мирах – макро- и микромире. Если в макромире действуют законы, открытые в классической механике, то микромир живет совершенно иными закономерностями, проявляющимися на уровне молекул и атомов. Это двойное воздействие определяет специфику биологического времени. «Нахождение жизни в этих двух столь противоположных мирах является чрезвычайно важным ее признаком, особенно потому, что та и другая жизнь не отделимы друг от друга и генетически тесно между собой связаны»⁷⁷.

Мы подробно останавливаемся на учении Вернадского, поскольку, на наш взгляд, в нем видятся предпосылки того понимания времени, которое затем сложится в социологии постмодернизма. Так, ученый говорит об особом феномене «эмпирического мгновения», который проявляется в микромире, в противоположность бесконечному и безграничному времени макромира, Космоса⁷⁸. Он полагает, что мгновение столь же богато содержанием, как и космическое время, что у этого содержания появляются за столь короткое время и структура, и закономерности развития. «В этом явлении микрокосмоса... – пишет Вернадский, – мы подходим к делению нашей личности: сколько бессознательных и сознательных процессов переживает каждый из нас в ничтожную долю времени, в мгновение! Бывают мгновения в жизни каждого, когда это осознается явно и определенно ... такое время, не измеримое секундой, отвечает нашему чувству длениа»⁷⁹. И далее Вернадский пишет, что пространство-время перестает быть неподвижным. «Оно становится неустойчивым, динамическим, *текущим пространством*... Если это реальное явление, мир нам вскрывается как неустойчивое, находящееся в несложившемся состоянии волнение.

⁷⁴ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 238.

⁷⁵ Там же. – С. 249.

⁷⁶ Вернадский В. И. Указ. соч. – С. 229.

⁷⁷ Там же. – С. 227.

⁷⁸ Там же. – С. 251–252.

⁷⁹ Там же. – С. 253.

Мир взрывающийся, но, возможно, по аналогии с а-частицей вновь приходящий в равновесие»⁸⁰.

Анализируя в дальнейшем различные социологические концепции социального времени, мы увидим, как естественнонаучные открытия времени отразились и на общем понимании сущности времени и его влияния на развитие общества. Это становится ясно уже на втором этапе социологической разработки проблемы социального времени, начало которого, по нашему мнению, было определено публикацией статьи П. Сорокина и Р. Мертон «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа», впервые опубликованной в 1937 г. в журнале «*American Journal of Sociology*»⁸¹. Пожалуй, это была первая социологическая работа, в которой социальное время выступало главным предметом исследования. До этого проблема социального времени рассматривалась не автономно, а в контексте других социологических проблем.

Представители неоклассического направления, Сорокин и Мертон постулировали ряд важных положений, открывших возможности для социологического понимания темпоральных явлений, в том числе проблемы статики и динамики времени, субъекта – носителя социального времени, а также передачи социального опыта.

Американские социологи показали множественность систем времени, существование наряду с астрономическим временем экономического, психологического и социального⁸². Последнее, по мнению Сорокина, возникает постольку, поскольку другие категории не подходят для описания социальных и культурных процессов⁸³. Различные времена взаимно пересекаются, накладываясь друг на друга, но обладают собственными ценностно-нормативными возможностями. Абсолютная ценность концепций астрономического времени, таким образом, была поставлена социологами под сомнение. Было постулировано, что социальное время имеет иные характеристики, которые точнее и глубже позволяют описать и проанализировать социальную реальность. Например, люди могут обозначать время, оперируя не часами и датами, а

⁸⁰ Вернадский В. И. Указ. соч. – С. 253–254.

⁸¹ Sorokin P., Merton R. K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // *American Journal of Sociology*. – 1937. – V. 42. – No. 5. – P. 615–629.

⁸² Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 112–113.

⁸³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – С. 98.

событиями, которые выступают референтными точками для периодизации и отсчета.

Сорокин и Мертон показали соотношение количественных и качественных характеристик времени, а именно – неравноценность его объективно одинаковых периодов. В зависимости от наполнения их тем или иным содержанием или действиями время приобретает либо особую значимость (оно становится «драгоценным», «самым дорогим»), либо превращается в пустоту, либо становится долгим, либо слишком коротким, счастливым и несчастливым. Таким образом, социальное время характеризуется не только количественными, но и качественными свойствами. Анализируя их, можно понять специфику общества, его обычаи, верования. Эти качества, пишут Сорокин и Мертон, «служат обнаружению ритмов, пульсаций, биений обществ, в которых найдены»⁸⁴.

Развивая идею Дюркгейма о времени как средстве ритмизации и координации социальной жизни, социологи определили специфику единиц измерения социального времени в зависимости от особенностей организации и функционирования социальной группы, ее образа жизни. Они отмечали, что структура времени меняется со структурой общества и что референтные рамки городского времени иные, нежели в деревне⁸⁵.

Особое значение в структурировании и ритмизации социального времени американские исследователи отвели календарю. Они полагали, что у многих социальных групп выработан свой календарь, имеющий локальное действие. Но как только расширяется сфера интеракции, как только общество становится более разнообразным и дифференцированным, так острее ощущается потребность в новых календарных системах: «Люди, собравшись вместе из разных социальных и культурных условий (background), нуждаются в некой темпоральной схеме, равно понятной всем, если они намерены синхронизировать и координировать свои действия»⁸⁶.

Расширение сфер взаимодействия, необходимость синхронизировать социальные действия различных групп породили астрономический календарь, с критического анализа которого начинается статья. Но именно астрономическое время, ставшее своеобразным «темпоральным эсперанто», позволило создать наиболее общие, универсальные темпоральные рамки.

Значимый вклад в развитие социологической проблемы социального времени внесла концепция социокультурной динамики Сорокина, нашедшая отражение в его книге «Социальная и культурная

⁸⁴ Сорокин П., Мертон Р. Указ. соч. – С. 116.

⁸⁵ Там же. – С. 115.

⁸⁶ Там же. – С. 118.

динамика». Она ознаменовала поворот в социологическом понимании динамики социального времени, разворачивающейся от линейности к более сложным конфигурациям. Попутно заметим, что косвенное, но очень важное влияние на социологическую интерпретацию проблем социокультурной динамики Сорокина оказала теория относительности Эйнштейна. Проявилось это влияние в параллельном с социальным временем рассмотрении категории социального пространства как единственно пригодной для анализа социокультурных явлений⁸⁷. При этом алгоритм анализа социального пространства оставался аналогичным алгоритму анализа социального времени: Сорокин рассматривает направление, повторяемость и уникальность процессов в рамках их единства, совпадения, «наложения» и во времени, и в пространстве.

Российско-американский ученый считал, что до этого момента в социологии (как и в других науках) доминировали линейные концепции времени, начало которым положили работы О. Конта и Г. Спенсера и которые затем были подхвачены и развиты Э. Дюркгеймом, Ф. Тённисом, Л. Ф. Уордом, К. Марксом, Е. де Роберти и др.⁸⁸ Развитие общества мыслилось как прогресс – постепенное неуклонное поступательное движение вперед: экономическое, политическое, интеллектуальное, психическое и т. д. Сорокин отмечал: «В области социокультурных изменений... все было сведено к построению главной линии развития – прямой, волнообразной, ветвящейся или спиралеобразной, ведущей от “первобытного” человека, общества, культуры к современным. Он сравнивал историю со школьной программой, согласно которой человек или общество сначала заканчивают начальную школу, затем среднюю и, наконец, оказываются в выпускном классе, «который называется “позитивизм”, или “свобода для всех”, или еще как-нибудь в зависимости от фантазии и вкусов автора»⁸⁹.

В качестве альтернативы линейному видению социокультурной динамики Сорокин формулирует теорию социокультурных флуктуаций, подразумевая под ними процессы, время от времени повторяющиеся в истории. Выдвигая ряд серьезных критических аргументов в отношении линейной интерпретации развития, он предлагает использовать для описания социокультурной динамики принцип предела в линейной тенденции изменения.

Согласно данному принципу, линейно развиваются лишь неко-

торые социокультурные явления на протяжении ограниченных отрезков времени. Из-за постоянных изменений и воздействия огромного числа внешних сил линейный характер социальных процессов нарушается и сменяется «поворотами и отклонениями», в результате чего глобальный процесс социокультурного изменения приобретает нелинейный характер⁹⁰.

Важным принципом анализа социального времени у Сорокина выступает определение направления процессов во времени. Это измерение темпоральности оценивается через деятельность, которая занимает определенное количество времени, и временную последовательность (порядок во времени)⁹¹.

Кроме того, важными характеристиками динамики времени (и пространства) являются степень уникальности и повторяемости событий и процессов. Согласно концепции уникальности социокультурного и исторического процессов, в ряде из них можно обнаружить немало уникальных аспектов и повторяющихся черт. Сорокин сравнивает социальную жизнь с бесконечностью морского прибоя, который каждый раз оставляет разные следы на песке.

С понятиями уникальности и повторяемости у Сорокина связано понимание линейной, нелинейной и циклической динамики. Линейные процессы сохраняют свой смысл за все время своего существования и подразумевают количественные характеристики. Например, прогресс означает постепенное и неуклонное улучшение материальной и моральной жизни людей. Разновидностями линейной динамики может быть спиралевидное и разветвляющееся движение.

Особый тип динамики представляют циклические процессы двух разновидностей – абсолютно циклические и относительно циклические. Первая разновидность предполагает точный возврат к точке развития, т. е. точное возвращение к исходному состоянию. Относительно циклические процессы предполагают более или менее серьезное отклонение от траектории предыдущего цикла⁹².

Сорокин описывает еще один тип динамики – вариантно или творчески повторяющиеся процессы. К нему относятся, отмечает ученый, повторения, которые могут объединять траектории всех выше перечисленных типов динамики. Вариантно повторяющийся процесс оказывается самым широким и самым богатым из всех видов динамики. «Поскольку социокультурные процессы столь же разнообразны, – размышляет ученый, – как и сама жизнь, столь

⁸⁷ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика... – С. 99.

⁸⁸ Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/Sorokin/dynamic> (дата обращения: 10.03.2013).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм...

⁹¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика... – С. 99.

⁹² Там же. – С. 108.

же творчески богаты, как самый высокий человеческий гений, было бы странно, если бы на деле они оказались столь бедными в творческих вариациях и следовали только по одному пути, в одном направлении, описывали бы одну траекторию...»⁹³. Многовариантность и сложность процессов развития социальных и культурных систем Сорокин блестяще показывает на богатейшем историко-культурном материале в четырехтомном издании его «Социокультурной динамики».

Социокультурная динамика в ее временном аспекте обладает определенным ритмом, который обусловлен понятиями темпа, «тактов», пульсации, «поворотов». Ритмическая природа времени позволяет его структурировать. При этом источником ритма выступают как количественные, так и качественные изменения. Количественные изменения означают, по Сорокину, «поворот» в процессе и разбиение его на разрозненные части. Качественные изменения служат критерием выделения фаз, этапов, стадий⁹⁴. Ритм социального времени характеризуется глубиной, величиной и резкостью прерывания социокультурного процесса.

Работы Сорокина, посвященные социальному времени, имели важное методологическое значение для его дальнейших исследований. Они позволили ввести категорию времени в качестве исследовательского инструмента социальной динамики общества. Категория социального времени позволяет определить периодичность социальных процессов, которую невозможно установить с помощью астрономического времени, исследовать релятивные по своей природе темпоральные системы различных культур. В теории Сорокина обращается внимание на предмет социокультурной динамики – то, что социолог называет единицей процесса. Социолог пишет, что без такой единицы нельзя наблюдать, осмысливать или описывать ни одно динамическое состояние. Пока единица наблюдения идентифицируется, мы можем говорить о развитии процесса, когда она перестает быть идентифицируемой, процесс заканчивается⁹⁵.

Подводя итог рассмотрению работ П. Сорокина и Р. Мертон, можно с уверенностью утверждать об их фундаментальном характере. Социальное время наконец-то получает статус самостоятельного предмета социологии и, соответственно, социологической категории. Оно рассматривается как ведущий фактор и форма различных социокультурных процессов, имеющих самый широкий спектр конфигураций. Динамика социального времени проявляется

не только на макроуровне – при смене типа культуры, но прежде всего присутствует на микроуровне – небольших по масштабам, но повторяющихся явлениях и процессах.

Размышления же по поводу субъекта социального времени выводят исследователей на идею наделения социального времени субъективными смыслами. Ритм, структура, темп временных движений определяются не столько объективными факторами, сколько ценностным восприятием времени различными социальными группами. Последний тезис перекликается с новым пониманием социального времени, открытым феноменологической социологией, прежде всего, в работах А. Шюца.

Время, согласно его пониманию, является не только объективной данностью. Оно конструируется в виде смысловой структуры и переживается в ходе интеракции людей. По мнению Шюца, каждая личность находится в нескольких временных измерениях. Первое – внутреннее время, в котором возникают и реализуются переживания внешнего мира. Второе – временное измерение самих конституированных переживаний. Шюц также относит его к субъективному «пространству-времени». Третье временное измерение – объективно интерсубъективное время, которое «a priori формирует единый вместе со всеми субъективными временами временной порядок: объективное время и объективное пространство «предстают» как «значимые» (valid) феномены в субъективных порядках пространства-времени»⁹⁶. Время приобретает, таким образом, субъективную или, точнее, интерсубъективную природу. Как любой другой социальный феномен, субъективное время возникает в коммуникативном акте, в котором люди являются друг для друга не объектами, а противосубъектами, устанавливающими (конструирующими) социальную реальность друг для друга⁹⁷.

Социальное окружение человека мыслится Шюцем как «перцептивное поле с открытыми горизонтами» и воспринимается в его временной перспективе. Ближнее окружение – это мир, в котором «Я» и «Ты» переживают друг друга в пространственной и временной непосредственности; вторая сфера – это мир современников и миры предшественников и преемников⁹⁸. Человек может обращаться не только к ближайшему окружению, но и устанавливать эмпатическую связь с любым субъектом «дальнего

⁹³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика... – С. 109.

⁹⁴ Там же. – С. 106.

⁹⁵ Там же. – С. 107.

⁹⁶ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. пер. Г. С. Батыгин. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 23.

⁹⁷ Там же. – С. 69.

⁹⁸ Там же. – С. 80.

горизонта», в том числе с субъектом, отдаленным во времени. Таким образом, жизненный мир создает условия для формирования временной общности людей, включающей не только внешнее (хронологическое), но и внутреннее время. Временная общность «означает, что каждый партнер соучаствует в непосредственно текущей жизни другого, что он может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство. Короче говоря, каждый из партнеров включается в биографию другого; они вместе взрослеют, старятся; они живут в чистом «мы-отношений»»⁹⁹.

Феноменологическая методология позволяет рассматривать время не только как особый феномен социальной реальности, конструирующийся в ходе интеракции, но в то же время как фактор, определяющий смысл взаимодействия, как его интересубъективный контекст. Как отмечает В. И. Кебуладзе, «конституирование смыслов каждого социального взаимодействия агентами, участвующими в данной социальной ситуации, обусловлено не только самой этой ситуацией, но и темпоральной (исторической, биографической и т. д.) и социальной перспективой возникновения и разворачивания этой ситуации»¹⁰⁰.

Именно в этом аспекте становится очевидным влияние феноменологической философии на понимание времени Шюцем. Он обращается к теории внутреннего времени сознания Э. Гуссерля, согласно которой время рождается в человеческом сознании и объединяет все три его модуса – прошлое, настоящее и будущее. Субъективный смысл социального действия, по Шюцу, возникает в процессе его разворачивания во времени, т. е. благодаря его процессуальности. Смысл формируется в процессе *предсхватывания*, пока действие не закончено, в его движении от прошлого (задуманного) к будущему (реализованному)¹⁰¹. Когда социальное дей-

⁹⁹ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 133.

¹⁰⁰ Кебуладзе В. И. Понятие субъективного смысла социального действия в феноменологической социологии Альфреда Шюца // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2009. – № 2. – Т. 22 (61). – С. 95–104.

¹⁰¹ Э. Гуссерль вводит понятия ретенции и протенции, которые обозначают явления, конституирующие прошлое и настоящее, соответственно. Протенция представляет собой предугадывание будущего смысла социального действия и тем самым отличается от ожидания. Ретенция отличается от воспоминания тем, что содержит представление о свершившемся только что.

ствие завершено, его смысл может быть по-иному проинтерпретирован не только другим агентом взаимодействия, но и самим агентом, совершающим действие. Истинная же социальная реальность видится Шюцу именно в этих первичных смыслах незаконченного, совершающегося социального действия¹⁰².

Субъективистский подход к социальному времени разрабатывался представителями другой парадигмы неклассической социологии XX в. – символического интеракционизма, прежде всего, в работах Дж. Мид. Для Чикагской школы символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани) характерен интерес к процессуальной, а значит и темпоральной, стороне интеракции. Объектом анализа этой школы были непрерывно происходящие определения и переопределения ситуации взаимодействия¹⁰³. Именно непрерывный характер взаимодействия и определения его символических значений стали основой понимания социального времени.

В «Философии настоящего» американский социолог отмечал, что реальностью для человека является только настоящее. Прошлое как таковое, в обыденном понимании «оставшееся где-то позади», не существует. Оно существует только в настоящем. Также и будущее как таковое не существует, оно только гипотетически создается сознанием, разумом человека¹⁰⁴.

Другой представитель символического интеракционизма – Э. Гофман – выдвинул идею временного и пространственного упорядочения социальной деятельности. Время и пространство, по его мнению, являются не «границами» социальной деятельности, а основами ее производства и воспроизводства¹⁰⁵.

Необходимо отметить, что четыре проблемы, обозначенные в начале данного раздела (проблемы динамики времени, субъекта социального времени, преемственности во времени и восприятия времени) нашли свое полное отражение в работах неоклассической социологии (П. Сорокина, Р. Мертон), в то время как в феноменологической социологии (парадигме, относящейся к неклассической социологии) рассмотрен вопрос только об одной проблеме – о человеке как носителе и «создателе» времени.

¹⁰² Кебуладзе В. И. Указ. соч. – С. 104.

¹⁰³ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2007. – С. 196.

¹⁰⁴ Mead G. H. The Philosophy of the Present. – Chicago : University of Chicago, 1932.

¹⁰⁵ См.: Гидденс Э. Устройство общества : очерк теории структуризации. – М. : Академический проект, 2005. – С. 84.

Зато размышления о смысловом конструировании времени, его субъективности стали настоящим открытием нового измерения социального времени. Социологи, работавшие в рамках неоклассической и неклассической социологии, шаг за шагом находили новые свойства этого феномена, показывая его качественное отличие от астрономического (физического), а также экономического и психологического времени. В отличие от физического, социальное время стало пониматься как многомерное, многоуровневое образование, «очеловеченное», т. е. наполненное смыслами, которые люди придают различным временным проявлениям. Начиная с работ Сорокина, в социологии ставится под сомнение линейное понимание социального времени, «придающего» однонаправленный и поступательный характер развитию общества. Феноменологическое «очеловечивание» времени еще более усложняет эти представления, компенсируя недостаточность объективистского подхода классической социологии.

Продолжая разговор о развитии исследований социального времени в середине – второй половине XX в., нельзя обойти советскую социологию, развивавшуюся в рамках марксистской парадигмы. В 1950–1980-х гг. на волне второго рождения отечественной социологии¹⁰⁶ сформировался богатый пласт исследований социального времени. В нем можно выделить несколько направлений, испытавших влияние других наук, прежде всего экономики, философии и отчасти – истории.

Экономический подход к социальному времени, основы которого были заложены в 1920–1930-х гг. С. Г. Струмилиным, нашел свое социологическое воплощение и продолжение в работах второй половины XX в. Прежде всего это исследования 1950–1960-х гг. понятия, структуры и бюджета рабочего и вне рабочего времени Г. А. Пруденского и В. Д. Патрушева¹⁰⁷; чуть позже – в 1970–1980-х гг. – работы В. А. Артемова, посвященные применению показателей социального времени в изучении социально-экономичес-

¹⁰⁶ Докторов Б. З. Современная российская социология: историко-биографические поиски : в 3 т. – М. : ЦСПиМ, 2012. – Т. 1 : Биографии и история. – С. 98.

¹⁰⁷ Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. – М. : Статистика, 1971; Вне рабочее время трудящихся / под общ. ред. Г. А. Пруденского. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961; Патрушев В. Д. Бюджет времени городского населения социалистических и капиталистических стран // Философия науки. – 1968. – № 5; Пруденский Г. А. Время и труд. – М. : Мысль, 1964.

ких процессов¹⁰⁸, исследование рационального использования свободного времени А. В. Неценко¹⁰⁹ и др.

Как показал В. А. Артемов¹¹⁰, серьезное изучение социального времени на стыке социологии и философии начиналось в России в 1910–1920-х гг. Среди авторов наиболее социологичных философских работ можно назвать И. Н. Дьякова, Л. М. Лопатина, С. А. Аскольдова¹¹¹. Чисто социологический интерес к проблемам социального времени проявляли П. А. Сорокин (который реализовал его позже в книгах и статьях, будучи уже в Америке), Н. Д. Кондратьев¹¹² и В. Н. Муравьев¹¹³. Однако дальнейшее развитие теоретической социологии времени прекратилось в связи с высылкой Сорокина и арестом Муравьева и Кондратьева.

Возрождение исследований социального времени в философско-социологическом контексте произошло в 1960-е гг. и было связано с именами Л. А. Гордона и Э. В. Клопова¹¹⁴, Б. А. Грушина¹¹⁵, Г. Е. Зборовского¹¹⁶, Л. Н. Когана¹¹⁷, Г. П. Орлова, Н. Н. Трубни-

¹⁰⁸ Артемов В. А. Социальное время: Проблемы изучения и использования. – Новосибирск : Наука, 1987; Артемов В. А. Статистика бюджетов времени трудящихся. – М. : Статистика, 1967.

¹⁰⁹ Неценко А. В. Формирование и использование свободного времени при социализме : автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Ленинград, 1977.

¹¹⁰ Артемов В. А. Социологические аспекты времени в отечественных научных работах 1920–1930-х гг. // Социологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 124–136.

¹¹¹ Дьяков И. Н. Проблема взаимоотношения субстанции и времени. Этюд: Свобода, стремление и творчество в свете мирового всеединства. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1916. [На обл. – 1917]; Лопатин Л. М. Положительные задачи философии. – М. : Типография «Товарищество И. Н. Кушнерева и К», 1911. – Ч. 1, 2; Аскольдов С. Время и его преодоление // Мысль. – 1922. – № 3. – С. 80–97.

¹¹² Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: предварительный эскиз. – М. : Наука, 1991.

¹¹³ Муравьев В. Н. Овладение временем как основная задача организации труда // Овладение временем. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 93–238.

¹¹⁴ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. – М. : Наука, 1972.

¹¹⁵ Грушин Б. А. Свободное время. Актуальные проблемы. – М. : Мысль, 1967.

¹¹⁶ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989; Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1970.

¹¹⁷ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. – Екатеринбург : УрГУ, 1994; Коган Л. Н. Философия: серьезная и веселая: очерки о философии Уильяма Шекспира. – Челябинск : ГУ ПТО адм. Челяб.

кова¹¹⁸, В. П. Яковлева¹¹⁹. Наряду с теоретическим изучением сущности и специфики социального времени, его отношения к социальному пространству, связи с различными видами деятельности проводились эмпирические исследования конкретных видов времени различных социальных групп советского общества.

Большое значение для развития теоретической социологии времени имели также философские и исторические работы отечественных исследователей Я. Ф. Аскина¹²⁰, П. П. Гайденоко¹²¹, А. Я. Гуревича¹²², В. А. Канке¹²³ и др.

Учитывая тот факт, что советская социологическая мысль, в отличие от западной, могла дифференцироваться не парадигмально, а только регионально или по отраслям, необходимо особо отметить вклад Уральской школы социологии, создавшей богатые традиции теоретического и прикладного изучения проблемы социального времени. В работах уральских философов и социологов прослеживается развитие всех четырех сквозных проблем социального времени, обозначенных в самом начале настоящей главы.

Советские исследователи больше внимания уделяли статическому срезу социального времени, его структуре – вертикальной (прошлое, настоящее и будущее) и горизонтальной (рабочее, вне-рабочее, свободное время, досуг). В рамках Уральской школы социологии активно проводились исследования проблемы свободного времени и досуга, прежде всего А. В. Грибакиным, Г. Е. Зборовским, И. Г. Мельниковым, Г. П. Орловым¹²⁴, продолженные после-

---

обл.; ЧИРПО, 1996; Коган Л. Н. В четвертом измерении: философские идеи русской философии. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994; Коган Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992.

¹¹⁸ Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. – М.: Наука, 1987.

¹¹⁹ Яковлев В. П. Социальное время. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. ун-та, 1980.

¹²⁰ Аскан Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. – М.: Мысль, 1966.

¹²¹ Гайденоко П. П. Понимание времени // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1.

¹²² Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. – 1969. – № 3; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984.

¹²³ Канке В. А. Единство и многообразие форм времени: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1984; Канке В. А. Некоторые аспекты субординации между свойствами пространства и времени и материальными взаимодействиями: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1975.

¹²⁴ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии...; Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства...; Грибакин А. В. Проблемы общественного регулиро-

вующими поколениями социологов¹²⁵. Необходимо заметить, что в этом направлении исследования социального времени ведущим уральским социологам удалось в полной мере показать возможности социологического метода, а также соединить теоретический и эмпирический уровни анализа, рассмотреть наиболее широко категорию социального времени и производные от нее понятия рабочего времени, вне рабочего времени, времени досуга, свободного времени¹²⁶.

Проблема динамики социального времени анализируется уральскими социологами во взаимосвязи с проблемой преемственности, глубокий анализ которой дан в работах Л. Н. Когана, прежде всего в книге «Вечность»¹²⁷. Несмотря на то, что она посвящена проблеме Вечности, тем не менее, это книга и о времени, поскольку сущность Вечности и Времени определяется им через соотношение их друг с другом.

Важной является идея о том, что время и вечность связаны между собой посредством двух противоположных явлений – преходящего и непреходящего в жизни человека. «Вечность», – писал Коган, – то, что объединяет “круги” развития, сближает их, она – постоянное, *инвариантное*, непреходящее в непрерывной смене таких “кругов” и состояний»¹²⁸. Иначе говоря, вечное – это то, что остается неизменным во времени, при любых социальных изменениях и трансформациях: это вечные ценности (любви, дома, творчества, свободы); это социальная память народа (которую Коган называл спасением Вечности); это общечеловеческие принципы и нормы культуры. Все они составляют моменты вечности в повседневной жизни человека¹²⁹.

вания свободного времени: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск, 1972; Мельников И. Г. Свободное время и формирование личности студента: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Свердловск, 1973.

¹²⁵ Рубцов И. В. Свободное время как фактор социально-педагогической коррекции поведения подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1996; Мурзин А. Э. Свободное время сельской молодежи как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Екатеринбург, 1992.

¹²⁶ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии...; Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства...

¹²⁷ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека...

¹²⁸ Там же. – С. 47.

¹²⁹ Там же. – С. 86–87.

Благодаря наличию непреходящего, вечного в культуре осуществляется преемственность между поколениями и эпохами. Преемственность означает, по Когану, не просто повторение старого или механическое «наслаивание» нового на неизменное. Она есть включение или растворение старого в новом: «Непреходящее возрождается со смертью старого в новом и этим обеспечивает единую цепь развития, живую преемственность в отрицании»¹³⁰.

Эта идея проходит «красной нитью» через всю книгу и получает особое звучание в связи с идеями синергетики. Преемственность обеспечивает присутствие вечного в жизни каждого поколения людей и позволяет сохранить равновесие в культуре и обществе как динамических системах. Время же связывается Коганом с неравновесностью: «Только неравновесие дает возможность появиться стреле времени; в состоянии равновесия она невозможна»¹³¹. Это высказывание, на наш взгляд, может служить важным методологическим основанием для дальнейшего социологического анализа социального времени, но, к сожалению, оно не получило последующего развития в книге «Вечность».

Динамика социального времени связывается в работах Л. Н. Когана и другого уральского социолога В. Т. Шапко с понятием актуальной культуры. «Актуальная культура, – пишет Коган, – прежде всего – временное (и в определенной мере пространственное) понятие... Образно говоря, это понятие помогает отделить «живую», находящуюся в реальном обращении культуру от культуры «мертвой» или «невостребованной» в данный период»¹³². То, как структурирует актуальную культуру Коган, говорит о том, что в ней как раз и соединяются вечное и временное, вечность и время. К первому, вечному слою культуры относятся общечеловеческие, непреходящие ценности и национальная классика, ко второму – явления «культурного потока», быстро сменяющие друг друга, но в то же время способные время от времени «оседать» в слое «вечности».

В. Т. Шапко рассматривал культуру с позиций не только статического подхода (как ее особый вид), но и с точки зрения темпоральных характеристик: «Актуальная культура может быть выделена как качественная характеристика культуры, как ее *временная константа*. Соответственно культура предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие традиций

и новаторства, преемственности и изменений»¹³³. Актуальная культура, таким образом, представляет собой своеобразное «сито», производящее селекцию ценностей, норм и других элементов культуры во времени: одни элементы «воскрешаются», другие подлежат забвению, третьи создаются в ответ на потребности сегодняшнего дня. Образно представить актуальную культуру можно как «машину времени» с особым механизмом: если обычная «машина времени» переносит героев в определенный период будущего, прошлого или возвращает в настоящее, то описываемая нами «машина времени» «перетаскивает» в настоящее элементы прошлого или воображаемого будущего и приводит их в соответствие с актуальными потребностями современного общества.

В одной из своих совместных статей начала 2000-х гг. Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко поставили очень важную для социологии времени проблему социальной инерции¹³⁴. Они обратили внимание на то, что это явление имеет не только дисфункции, но и функциональное значение. Среди нескольких определений понятия «социальная инерция» авторы выделили следующее: «Социальная инерция – постепенное, медленное изменение движения, определяемое массой движущегося объекта (являющейся мерой инерции) и связанное с временным характером процессов (в течение определенного времени)»¹³⁵.

Временной характер социальной инерции проявляется в связи со спецификой социального сознания, отражающего и оценивающего явления в течение определенного периода времени. Любая деятельность или событие имеют тот или иной «вес» или «массу» (значимость, масштабы влияния на различные стороны социальной жизни, глубину «следа»), благодаря которому они впечатываются в общественное сознание и хранятся в социальной памяти.

Функциональный анализ социальной инерции позволил Вишневскому и Шапко утверждать, что инерционные процессы обеспечивают действие механизмов преемственности, социальной памяти и традиций; задают обществу историческую логику и устойчивость развития; обеспечивают постоянство и воспроизводство взаимодействия социальных групп, общностей, в том числе поколений¹³⁶. Позитивный смысл социальной инерции возможен бла-

¹³⁰ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека... – С. 57.

¹³¹ Там же. – С. 62.

¹³² Коган Л. Н. Социология культуры... – С. 63.

¹³³ Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 94

¹³⁴ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. – 2003. – № 4 (24).

¹³⁵ Там же. – С. 22.

¹³⁶ Там же. – С. 31.

годаря единству инерции покоя и инерции изменения. Эта идея о двустороннем характере описываемого явления (сочетание инерции покоя и инерции изменения) хорошо укладывается в логику современного социологического анализа социального времени.

Еще одну характеристику динамики социального времени рассматривает Г. П. Орлов. По его мнению, это социальный ритм, определяемый соотношением рабочего и свободного времени. Социальный ритм как характеристика социального времени общества отражает насыщенность определенной единицы рабочего и свободного времени социальными действиями, имеет множество градаций, уровней и форм¹³⁷.

Проблема субъекта социального времени нашла свое отражение не только в теоретической, но и эмпирической социологии. Г. Е. Зборовский предложил следующий поход к ее решению: в каждую эпоху, в любом обществе для отдельных классов и социальных групп формируется свой стиль, образ использования времени, соответствующий задачам производства, классовым потребностям и установкам¹³⁸. Такая позиция отображала не только научные ориентиры самой социологии, но и потребности практики управления советским обществом.

На региональном и всесоюзном уровнях в стране были проведены исследования различных видов социального времени (рабочего и свободного, учебного и внеучебного) учителей и молодежи, студентов вузов, учащихся учреждений среднего профессионального образования, работающих женщин, подростков, промышленных рабочих, которые подтвердили обоснованность теоретического осмысления проблемы субъекта социального времени.

А вот проблема восприятия социального времени, его субъективного понимания с трудом пробивала себе дорогу в советской социологии. Одной из первых работ, в которой был проведен глубокий философско-социологический анализ категории социального времени с позиций не только объективного, но и субъективного подходов, была книга Г. Е. Зборовского «Пространство и время как формы социального бытия»¹³⁹. Автор отмечал, что, наряду с реальным (физическим) временем, существует перцептуальное и концептуальное время, существующее в сознании людей и отличающееся по своим свойствам от физического: «В представлениях, воображении часто происходят временные и пространственные

¹³⁷ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства... – С. 60.

¹³⁸ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск: Изд-во «Уральский рабочий», 1974.

¹³⁹ Там же.

смещения, которые свидетельствуют о подсознательном “уплотнении” либо “разрежении”, “ускорении” или “замедлении” и т. д. пространства и времени»¹⁴⁰. Насколько это было возможно в известных идеологических условиях, в книге были показаны различные свойства и проявления социального времени, протекающего не вне, а *внутри человека*.

На рубеже 1980–1990-х гг., когда стал возможным выход за рамки марксистской методологии, Коган ставит проблему познания Вечности и Времени и обосновывает возможность не только рационального, но и интуитивного и эмоционального способов их познания. Отталкиваясь от его мнения о том, что у человека есть *чувство Вечности*, которое существует на эмоциональном уровне, можно говорить и об эмоциональном уровне существования *чувства Времени*. Не случайно он говорит о чувстве страха перед временем, а источник его видит в главном противоречии человека – «между его абсолютной и вечной сущностью и преходящим, временным существованием»¹⁴¹.

Уральские социологи, работавшие на грани двух культурных эпох (советской и постперестроечной, конца XX и начала XXI вв.), остро чувствовали происходящие и грядущие перемены, кардинально поменявшие облик культуры и общества в XXI в., в том числе характеристики его социального времени. При этом они с опасением говорили об убыстрении темпов социальной жизни, уплотнении единицы времени, ускорении и без того быстротечной жизни человека. Так, Коган отмечал парадоксальность ситуации, когда более длительная по срокам жизнь кажется современным людям более короткой, чем прадедам¹⁴², и ностальгировал по временам, когда люди могли себе позволить «созерцание». «Между тем в такие именно часы созерцания и происходит то накопление впечатлений и наблюдений, совершается та незаметная для нас самих работа мысли, без которой невозможно творчество»¹⁴³. По его мнению, ситуация, когда «нет времени у человека для Вечности» (Н. Н. Бердяев), неминуемо ведет к дегуманизации личности¹⁴⁴.

Усложнение и ускорение темпов жизни как лакмусовая бумага проявляют границы человеческих возможностей в освоении ценностей культуры. «Применительно к личности, – писал Шапко, –

¹⁴⁰ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия... – С. 29.

¹⁴¹ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека... – С. 78.

¹⁴² Там же. – С. 82.

¹⁴³ Там же. – С. 139.

¹⁴⁴ Там же.

актуальная культура есть выражение драматического противоречия – между абстрактной возможностью человека распродетить любые ценности культуры в любом количестве и реальной возможностью осуществлять это в весьма узких количественных границах. Если учесть многочисленность явлений культуры, которая уже есть и продолжает стремительно увеличиваться, становится ясно: реально человек может освоить лишь мизерную часть их. В отношениях личности и культуры имеется противоречие и на качественном уровне – между принципиальной возможностью сколь угодно глубоко и всесторонне осваивать любые – сложные, непреходящие, вечные – ценности культуры и реальными возможностями конкретного человека»¹⁴⁵.

Эти высказывания перекликаются с тем, что социологи будут констатировать в начале XXI в. Так, С. А. Кравченко, описывая сложность современного социума, отмечает: «...человечество подошло к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное – решения с гуманными целями»¹⁴⁶.

Уфимские культурологи В. Л. Бенин и Е. Д. Жукова используют для описания хаотичности, спонтанности социализации личности в современных условиях информационно-коммуникативной среды понятие «мозаичной культуры». Данный тип культуры является следствием «темпорального вакуума», который образуется из-за высокой скорости образования страт, не способных создать устойчивые, интегрированные системы ценностей. Они пишут: «Мозаичная культура разрушила традиционные гуманитарные формы социализации и инкультурации, основанные на линейной логике внутридисциплинарных причинно-следственных связей. Если основным принципом традиционной гуманитарной формы культурной трансляции знаний является упорядочивание понятий, то мозаичная культура как бы “выплескивает” в культурное информационное поле их случайную совокупность»¹⁴⁷.

Таким образом, представители уральской социологии, несмотря на объективные ограничения идеологического и методологического характера, глубоко и разносторонне разрабатывали проблему

¹⁴⁵ Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры... – С. 101.

¹⁴⁶ Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ [Электронный ресурс]. – М. : РОС, 2012. – С. 106.

¹⁴⁷ Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания // Понятийный аппарат педагогики и образования [Электронный ресурс]. – М. : Владос, 2007. – Вып. 5. – С. 7. – URL: culturalnet.ru/main/getfile/1854 (дата обращения: 03.02.2013).

социального времени, затрагивая наиболее значимые ее аспекты. В работах уральских исследователей «социологичность» понимания социального времени на теоретическом уровне отражается в утверждении связи времени и характера деятельности человека (наполнении времени делами и поступками); значении субъективного восприятия времени, в частности, возраста человека; определении каждого этапа жизни человека как времени освоения и выполнения тех или иных социальных ролей¹⁴⁸, рассмотрении времени как фундаментальной, вечной проблемы, дающей возможность обретения устойчивых оснований жизнедеятельности. На уровне конкретных социологических исследований это проявлялось в использовании анализа затрат времени на культурную деятельность в общей структуре бюджета времени личности, группы и общества в целом как надежного индикатора уровня развития культуры¹⁴⁹.

Исследование социального времени в российской социологии шло особым путем. Сдерживание развития теоретической социологии привело к формированию ориентации социологии времени на прикладные исследования, безусловно, сами по себе очень важные. Однако общая социологическая теория социального времени была представлена отдельными работами, в которых по идеологическим причинам и из-за плохого знания западной социологии поиск ограничивался объективистским подходом к изучаемому феномену¹⁵⁰.

Когда влияние марксистской методологии, доминировавшее на протяжении всего советского и отчасти – перестроечного времени, сменилось ориентацией на парадигмы западной социологии, на рубеже XX–XXI вв. сформировались новые векторы исследования. Среди них особо необходимо отметить исследования коллективной и исторической памяти, а также времени поколений, биографии и жизненного пути (Ю. А. Левада, Б. В. Дубин, В. Н. Ярская, В. В. Семенова¹⁵¹). Другие направления исследовательского

¹⁴⁸ Коган Л. Н. Философия: серьезная и веселая: очерки о философии Уильяма Шекспира... – С. 97–99.

¹⁴⁹ Коган Л. Н. Социология культуры... – С. 13.

¹⁵⁰ Артемов В. А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ [Электронный ресурс]. – М. : РОС, 2012. – С. 7656–7659.

¹⁵¹ Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5; Дубин Б. В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Интеллектуальная Россия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-

интереса связаны с разработкой проблемы субъективного восприятия времени, конструирования его перспективы (Б. С. Сивиринов¹⁵²), а также времени локальных культур. Большое значение для «открытия» данной проблематики имели работы по феноменологии (П. Бергер и Т. Лукман) и символическому интеракционизму (Дж. Мид, Э. Гоффман), а также исследования модернистов и постмодернистов, к которым мы обратимся далее.

2.3. Проблема социального времени в постклассической и постнеклассической социологии

*Поздно приходящим достаются кости.
Латинская пословица*

Кардинальное изменение свойств социального времени на рубеже XX–XXI в. представляло собой серьезный вызов общественным наукам. В прошлом остались концепции линейного, прогрессистского развития общества и культуры, мало кто оспаривает ограниченность использования физикалистских и позитивистских теорий времени. Российская наука также пережила всплеск интереса к циклическим концепциям времени. И все же этого оказалось недостаточно для объяснения того, что происходит со временем в современном обществе.

Наиболее продуктивной в этом плане оказалась западная социология конца XX столетия, представленная постклассическими и постнеклассическими теориями, которые, не претендуя на целостность и всеохватность, тем не менее, очень точно отразили суть происходящих изменений социального времени. Практически все исследователи этого периода так или иначе затронули проблему времени, но наиболее концептуальные подходы были разработаны

---

pamyat-o-vojne-konstruirovani-proshlogo-v-socialnoj-praktike-poslednix-desyatiletij.html (дата обращения 15.01.2014); Пространство и время социальных изменений : курс лекций в цикле социологических дисциплин / В. Н. Ярская, Л. С. Яковлев, В. В. Печенкин, О. Н. Ежов. – Саратов : Научная книга, 2004; Ярская В. Н. Время в эволюции культуры. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989; Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся : ежегодник. 2004 / отв. ред. Л. М. Дробизева. – М. : Институт социологии РАН, 2004. – С. 157–170.

¹⁵² Сивиринов Б. С. Социальное время и перспектива: феноменология, функции, модусы. – Новосибирск : Наука, 2000.

Э. Гидденсом (теория структуриации), И. Валлерстайном (теория мир-системного анализа), П. Штомпой (теория социального изменения), З. Бауманом (концепция «текущей современности») и Дж. Урри (концепция мобильностей).

Проблемы статики и динамики социального времени очень тесно переплетены в теории структуриации Э. Гидденса. Характеризуя структуру времени, британский ученый рассматривает его уровни и измерения. Прежде всего, Гидденс выделяет два уровня времени: время институциональное, характеризующее взаимодействие макроуровня, и встроенное в него микровремя, время «потока повседневности», в котором осуществляется взаимодействие «лицом к лицу»¹⁵³.

Категориальный аппарат теории структуриации включает в себя понятия эпизода и мирового времени, описывающих макровремя. Вся совокупность социальной жизни, пишет Гидденс, может быть представлена в виде последовательных эпизодов, среди которых особо выделяются крупномасштабные процессы изменений (институциональные преобразования). Сопоставление этих эпизодов описывается мировым временем: «... “мировое время” описывает меняющиеся исторические состояния, способные воздействовать на условия и последствия сходных на вид эпизодов и влияние того, что субъекты знают об этих условиях и последствиях»¹⁵⁴.

Темпоральность социальной жизни, по Гидденсу, имеет три измерения. Первое – протяженность повседневного опыта, которую социолог называет «обратимым временем». Повседневные практики «формируются в терминах пересечения преходящих (но непрерывно возвращающихся) дней и времен года... Повседневная жизнь обладает протяженностью, течением (или потоком), однако никуда не ведет; само прилагательное “повседневный” и его синонимы указывают на то, что время конституируется многократной повторяемостью»¹⁵⁵.

Второе измерение темпоральности – «необратимое время» индивидуальной жизни. «В данном случае время представляет собой продолжительность существования тела, границу или рубеж присутствия, отличные от “испарения” времени-пространства, свойственного протяженности повседневной деятельности. Наши жизни “прекращаются” в необратимом времени, уходят со смертью организма»¹⁵⁶.

---

¹⁵³ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. – М. : Академический проект, 2005. – С. 20–22.

¹⁵⁴ Там же. – С. 27.

¹⁵⁵ Там же. – С. 82.

¹⁵⁶ Там же. – С. 82.

Третье измерение темпоральности социальной жизни – «над-индивидуальная» длительная протяженность институционального времени, которая обеспечивает преемственность поколений¹⁵⁷.

Динамический срез социального времени в теории Гидденса представлен вопросом о ритме социального времени, описываемого двумя понятиями – *рекурсивности* и *сериальности*. Рекурсивный, или возвратный, характер социальной жизни служит основой воспроизводства общественных институтов. Рекурсивность как определенный ритм социального времени создает каркас социальной жизни и, соответственно, условия устойчивости, стабильности, фиксированности повседневной жизни. Рекурсивность позволяет снимать «подсознательную напряженность» – источник социальной неустойчивости¹⁵⁸.

Если рекурсивность характеризует институциональное время, то повседневные взаимодействия, по Гидденсу, могут быть описаны с помощью понятия сериальности. Взаимодействия представляют собой «непрерывный поток деятельности, нарушаемый исключительно (но регулярно) относительным бездействием во время сна»¹⁵⁹. В эмпирической действительности сериальность проявляется как очередность взаимодействия (например, в диалоге разговаривающие высказываются по очереди, дожидаясь окончания высказывания партнера).

Гидденс отмечает, что временной ритм взаимодействия может быть неровным, поскольку взаимодействие несимметрично, отдельные его эпизоды могут прерываться паузами, имеют ускоренный или замедленный темп. Ритм социального времени образуется благодаря *зонированию* социальных практик, т. е. их позиционированию в определенных «регионах» пространственно-временной траектории¹⁶⁰. Тем самым Гидденс связывает проблему социального времени с повседневностью.

В концепции зонирования, разработанной английским социологом под влиянием временной географии Хагерстранда, человеческая деятельность, повседневная жизнь осуществляются в определенных временных и пространственных пределах («регионах» или «зонах»). Временные пределы связаны, во-первых, с конечностью человеческой жизни, что делает время для человека дефицитным ресурсом; во-вторых, с ограниченной возможностью выполнения одновременно нескольких видов деятельности (отсюда

возникает явление очередности); в-третьих, с тем, что каждый вид деятельности имеет определенную продолжительность и осуществляется в определенное время суток или года. Так, человек естественным образом ограничен во времени необходимостью исполнять непреложные дела: «...например, потребность в еде и сне, регулярно испытываемая людьми, устанавливает определенные рамки пространственно-временного зонирования повседневной деятельности»¹⁶¹. В то же время социолог утверждает, что ограничения одновременно являются и возможностями, которые санкционируют деятельность.

Повседневные перемещения человека между различными «зонами» могут быть рассмотрены как пространственно-временное передвижение, имеющее определенный ритм («пульсацию»), который задается структурой времени – делением его на дневное и ночное, увеличением дневного времени благодаря изобретению искусственного освещения, продолжительностью тех видов деятельности, которыми занят человек. Кроме того, Гидденс говорит о возвратном характере движения между зонами, что означает повторяемость повседневных пространственно-временных передвижений человека.

Эмоционально-чувственные аспекты времени у Гидденса связаны с регулятивной функцией времени. Исследователь полагает, что в институтах социального контроля «время превратилось в измеримое приложение административной власти»¹⁶², будь то расписание уроков в школе, распорядок монастырской и армейской жизни, регламент трудовой деятельности на предприятии или пребывания в психиатрической больнице, тюрьме. С каждым периодом времени связана определенная система контрольных действий и санкций (экзамены, проверки, получение документа). Сериальность, т. е. повторяемость, связана с четкой хронометрической последовательностью действий тех, кем управляют, и тех, кто управляет.

Вслед за М. Фуко¹⁶³ английский социолог утверждает, что дисциплина поддерживается посредством манипуляций с временем и пространством. Строго регламентируя местопребывание человека или группы в жестко установленное время, представители власти снижают риск изменений и неопределенности: «Дисциплина зиждется на строгом количественном учете и распределении пространства и времени»¹⁶⁴.

¹⁵⁷ Гидденс Э. Указ. соч. – С. 83.

¹⁵⁸ Там же. – С. 19.

¹⁵⁹ Там же. – С. 128.

¹⁶⁰ Там же. – С. 141–142.

¹⁶¹ Гидденс Э. Указ. соч. – С. 179.

¹⁶² Там же. – С. 206.

¹⁶³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.

¹⁶⁴ Гидденс Э. Указ. соч. – С. 221.

В «тотальных институтах» последовательность событий определена (а точнее – обречена) на среднюю и долгосрочную перспективу. Если лишение человека его собственного времени в условиях свободы повседневной жизни компенсируется денежным вознаграждением, повышением в должности, отпуском и т. д., то в условиях несвободы такая компенсация невозможна, что, как правило, ведет к деградации личности, разрушению ее идентичности, потере смысла жизни.

Таким образом, из положений, высказанных Гидденсом в теории структуризации, мы можем сделать очень важный вывод, касающийся способности человека распоряжаться временем. Время, которым человек может располагать по собственному усмотрению (даже если это не свободное, а рабочее время), становится основой для формирования его идентичности, способом самореализации и самоопределения.

В современном обществе распространение получили гибкие формы занятости (частичная занятость, удаленная работа, работа в выходные и вечернее и ночное время), которые позволяют человеку самостоятельно распоряжаться рабочим временем. По крайней мере, создается иллюзия некоей свободы – самостоятельно выстраивать график работы, ее напряженность, объемы и т. д. По мнению М. Е. Соколовой, темпоральные границы такой трудовой занятости не жесткие, а пульсирующие. Связано это с тем, что труд переносится в сферу домашнего хозяйства, по сути доиндустриального и поэтому имеющего гибкие формы временной организации жизнедеятельности¹⁶⁵. Все это создает более благоприятные условия трудовой и личной жизни определенной части населения развитых стран, поскольку формирует довольно широкие границы свободы в распоряжении своим личным и рабочим временем.

Лишение человека возможности распоряжаться своим временем приводит к психическим и социальным деформациям, в частности усиливает социальные страхи и тревоги. Гидденс приводит в качестве аргумента воспоминания заключенного фашистского концлагеря Бруно Беттельхейма, который в своем дневнике подробно описывал науку выживания в нечеловеческих условиях концлагеря¹⁶⁶.

Его воспоминания, действительно, показывают результаты пытки «лишения временем» как способа убить в человеке все че-

¹⁶⁵ Соколова М. Е. Социальное время и новые электронные технологии : аналитический обзор. – М. : ИНИОН, 2006. – С. 89–90.

¹⁶⁶ Беттельхейм Б. Просвещенное сердце [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.klex2.ru/69r> (дата обращения: 10.02.2013).

ловеческое и вызвать страх. Беттельхейм упоминает три метода уничтожения всякой автономии человека, в том числе – разрушение способности человека к самополаганию, предвидению и его готовности к будущему. «Бессмысленные задания, почти полное отсутствие личного времени, невозможность что-либо планировать из-за постоянных и непредсказуемых перемен в лагерных порядках – все это действовало глубоко разлагающе», – писал Беттельхейм¹⁶⁷. Даже на удовлетворение очень личных, интимных потребностей у заключенных не было времени: все делалось по команде в строго отведенное время, публично.

Конечно, Беттельхейм описывает крайний случай негативного использования метода манипуляции временем, но и в современном свободном обществе человек не может в полной мере распоряжаться своим временем. В частности, уже упомянутые формы гибкой занятости одновременно с преимуществами имеют ряд негативных следствий для временного существования человека. Так, например, нарушаются описанные Гидденсом принципы зонирования времени-пространства: работа переносится в дом, обед соединяется в пространстве и во времени с работой в заведении fast-food, время досуга используется одновременно для отдыха и завязывания деловых связей. Многие временные зоны теряют свои границы, смешиваются и сливаются в эпоху «текучей современности», описанной в работах другого современного социолога, – З. Баумана.

Особое направление в исследовании времени в рамках постклассической парадигмы составляют работы И. Валлерстайна и П. Штомпки, касающиеся проблем социальных изменений.

Валлерстайн, опираясь на синергетическую методологию и теорию «больших циклов» Н. Д. Кондратьева, рассматривает проблемы социальной статики и динамики в масштабах мир-системы (исторической системы). Социальные процессы, происходящие в определенной исторической системе, имеют циклический ритм, состоящий, как правило, из двух фаз – периода нестабильности и периода равновесного состояния. В их основе – 50–60-летние циклы Кондратьева и 100–150-летние циклы гегемонии «гарантов мирового порядка»¹⁶⁸.

Социальное изменение, по мнению Валлерстайна, наблюдается только в том случае, если на смену одному типу исторической системы приходит другой тип. Это означает, что в развитии системы наступает такой момент, когда неизбежной становится третья

¹⁶⁷ Беттельхейм Б. Указ. соч.

¹⁶⁸ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М. : Логос, 2003. – С. 51.

фаза – гибель системы. В точке бифуркации колебания приобретают непредсказуемый характер, что лишает будущее предопределенности. Валлерстайн расценивает этот момент как источник надежд¹⁶⁹.

Необходимо заметить, что идея прогресса в ее западноевропейском варианте подвергается серьезной критике со стороны Валлерстайна прежде всего из-за связи ее с евроцентризмом: «Можно сказать, что всё, обычно называемое прогрессом, представляет собой псевдопрогресс... Европа уже познала прогресс и потому сегодня пытается скрыть его плоды от остального мира»¹⁷⁰. Навязывание европейской модели развития общества и ее воплощение в колониальной политике привело к дискредитации идеи прогресса.

Продолжая размышлять над критикой евроцентризма, исследователь обращается к временному измерению цивилизаций и видит главные различия между ними в «плотности времени»¹⁷¹. Не в экономике, не в особенностях производства или уровне социально-экономического развития, а в отношении к времени, в способах его использования ученому видится вызов современности как практике и как науке. Отмечая, что в истории социологии сформировалось четыре типа представлений о времени – «время событий», «вечное время», «структурное время» и «циклическое время», Валлерстайн отдает предпочтение последнему. В его глазах циклическое видение темпорального развития исторической системы кажется наиболее верным и ценностно оправданным.

Другой исследователь – П. Штомпка – указывает на то, что время тесно связано с социальными изменениями: «Само переживание времени и идея времени вытекают из изменения природы реальности. Невозможно воспринять или вообразить время без ссылки на какое-либо изменение»¹⁷². Польский социолог вообще считает, что предмет современной социологии должен быть связан не с социальной статикой, а с социальной динамикой, которая прежде всего определяется временными характеристиками. По его мнению, общество раскрывается как изменяющаяся при переходе от прошлого к будущему социальная реальность: она «представляет собой просто динамику, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа»¹⁷³.

¹⁶⁹ Валлерстайн И. Указ. соч. – С. 223.

¹⁷⁰ Там же. – С. 238–239.

¹⁷¹ Там же. – С. 311.

¹⁷² Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – С. 68.

¹⁷³ Там же. – С. 27.

Здесь нужно отметить, что связь времени с изменениями отмечается в истории социальной мысли не в первый раз. Еще в 1920-е гг. советский философ С. А. Аскольдов писал, что ответ на вопрос о сущности времени есть ответ на вопрос о том, что такое изменение: «Изменение... составляет корень или сущность времени»¹⁷⁴.

Разрабатывая классификацию процессов социальных изменений, Штомпка указывает время в качестве одной из осей системы координат, в которой они разворачиваются. Он выделяет различные виды направленных процессов изменений – линейные, скачкообразные, циклические, которые характеризуют направление динамических процессов в обществе, задают либо строго детерминированный, либо хаотичный характер их развития, прогресс, регресс и т. д.¹⁷⁵. Движущие силы социальной динамики коренятся, с его точки зрения, в различных экзогенных и эндогенных источниках.

Штомпка подчеркивает значение субъективности в оценке различных видов изменений и, что особенно важно, связывает ее с особенностями субъекта социального времени. Он пишет: «Никакое изменение не является прогрессом или регрессом само по себе. Оно может быть квалифицировано как прогресс, если станет предметом распространенной в каком-нибудь обществе (группе) позитивной оценки, которая будет дана ему в соответствии с определенными критериями. Прогресс – это то, что общественность принимает за прогресс, считает прогрессом (точно так же обстоит дело с регрессом). Таким образом, прогрессивность (регрессивность) всегда относительна»¹⁷⁶. В качестве дополнительных факторов оценки Штомпка называет историческую эпоху (то, что считалось прогрессивным в одно время, может отрицаться в качестве такового в другую) и принятую систему ценностей.

Выделяя три модели прогресса – сакральную, механистическую и гуманистическую, социолог конкретизирует свои размышления по поводу субъекта социального времени. В первой модели субъектом является Бог, Провидение, во второй – социальная система, а в третьей – человек, действующий вместе с другими людьми (коллективный субъект). По сути, Штомпка выходит на понимание социальной группы или общности как субъекта социального времени (нации, социальные классы), хотя особо подчеркивает роль индивидуальных субъектов истории (политических лидеров, пророков, вождей)¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Аскольдов С. А. Время и его преодоление // Мысль. – 1922. – № 3. – С. 81.

¹⁷⁵ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М. : Логос, 2005. – С. 457–458.

¹⁷⁶ Там же. – С. 460.

¹⁷⁷ Там же. – С. 466.

Социальное время в концепции польского социолога является отражением социальной жизни представителей различных культур, малых групп (семьи) и больших общностей (нации). В таком понимании «время – это не субстанция, а сеть взаимно отраженных отношений, формирующих особенные, временные (измеряемые тем или иным темпом) взаимозависимости между явлениями, событиями и действиями»¹⁷⁸.

Динамика социального времени описывается польским социологом в трех понятиях – продолжительности, последовательности и хода времени. Первые два позволяют выделить определенные фазы и стадии изменений. При этом Штомпка предлагает отдельно рассматривать различные уровни: продолжительность социального времени в исторической перспективе, продолжительность повседневной жизни, продолжительность биографических событий¹⁷⁹.

Третье понятие – «ход времени» – у Штомпки носит эмоционально окрашенный смысл: это субъективно оцениваемое ощущение движения времени и отношения к нему. «Ход времени» имеет принудительный характер: человек должен ему подчиняться, исполнять в соответствии с требованиями времени соответствующие социальные роли, принять конечность человеческой жизни и утраты, вызванные временем¹⁸⁰.

Интересна интерпретация Штомпкой проблемы передачи социального опыта и преемственности. Признавая традиции, память (индивидуальную и коллективную) и воображение механизмами, обеспечивающими непрерывность прошлого-настоящего-будущего, он подчеркивает зависимость этого процесса от субъективного восприятия того или иного модуса в конкретных социальных условиях, например, конкретной группой. Так, для некоторых обществ характерна ретроспективная ориентация и, соответственно, повышенная ценность прошлого опыта, который необходимо сохранить, для других – перспективная или презентивная ориентации. Последний тип восприятия типичен, по мнению социолога, для маргинальных групп – безработных, бездомных, декадентских кругов¹⁸¹.

Вообще Штомпка придает огромное значение субъективному подходу к пониманию социального времени и достаточно много рассуждает о его носителе. Он полагает, что для социологии особый интерес представляет социопсихологическое или культурное время, имеющее свои символы, ценности, правила и ориентации,

создаваемые и поддерживаемые различными социальными субъектами (группами, сообществами, классами)¹⁸². Поддерживаемые различными кодексами, ритуалами, устойчивыми формами взаимодействия, они образуют «временной профиль» социальных групп¹⁸³.

Штомпка – не только мыслитель – теоретик, это исследователь, выходящий через понятие социального времени на практическое решение социальных проблем. В социальном времени он видит средство социальной регуляции отношений – их организации, координации, синхронизации, упорядочения¹⁸⁴. Он конкретизирует особенности функционирования и значения социального времени в жизни возрастных, гендерных, профессиональных групп, групп, имеющих различный социальный статус. Отталкиваясь от идеи Мертона о «социально ожидаемых длительностях», Штомпка говорит о существовании особых «временных» правил, нормативных ожиданиях деятельности в различных институтах семьи, политики, экономики, встроенных в более широкие нормативные системы¹⁸⁵.

Как и у представителей постклассической парадигмы, проблемы социального времени занимают значительное место в постмодернистской социологии. Самыми социологичными из всех постмодернистских концепций стали исследования З. Баумана. В книгах этого социолога понятия социального времени и его динамики выступают ключевыми. Используя для описания общества постмодерна метафору «жидкое состояние», известный английский исследователь сразу задает перспективу и категориальные рамки анализа современности.

Время и пространство «текучего общества», по Бауману, не только приобретают особые свойства; в отличие от времени и пространства «твердого общества», они еще вступают в новые отношения между собой. «Жидкости, – пишет Бауман, – так сказать, не фиксируют пространство и не связывают время. Тогда как твердые тела имеют отчетливые пространственные параметры, но нейтрализуют воздействие и, таким образом, снижают значение времени (эффективно сопротивляются его ходу или делают его нерелевантным), жидкости не сохраняют форму в течение долгого времени и постоянно готовы (и склонны) изменять ее; поэтому течение времени для них важнее, чем пространство, которое они занимают: в конце концов, они заполняют это пространство лишь «на

¹⁷⁸ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества... – С. 494.

¹⁷⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений... – С. 68.

¹⁸⁰ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества... – С. 496.

¹⁸¹ Штомпка П. Социология социальных изменений... – С. 55.

¹⁸² Штомпка П. Социология социальных изменений... – С. 74.

¹⁸³ Там же. – С. 75.

¹⁸⁴ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества... – С. 504–510.

¹⁸⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений... – С. 77.

мгновение». В каком-то смысле твердые тела отменяют время; для жидкостей, напротив, имеет значение прежде всего время. При описании твердых тел можно вообще игнорировать время; при описании жидкостей было бы печальной ошибкой не учитывать время»¹⁸⁶.

В цитируемой книге Баумана указаны следующие ключевые позиции в понимании времени, характерном для современного общества. Первый тезис гласит, что время благодаря техническому прогрессу «оторвалось» от пространства и стало активным, независимо действующим фактором. Оно перестало быть особенностью пространства, но превратилось в атрибут передвижения: «Время теперь отличалось от пространства, потому что его можно было изменять и им можно было управлять, чего нельзя сделать с пространством, время превратилось в фактор разрушения, заняв позицию активного партнера в браке между пространством и временем»¹⁸⁷. Выражаясь словами самого Баумана, инертное, «твердое» пространство не смогло противостоять «жизнерадостному движению времени». Таким образом, время, сущность которого собственно и состоит в движении и изменении, само по себе становится еще более динамичным и подвижным.

Для нашего исследования управления социальным временем очень важна идея Баумана о взаимосвязи власти и времени (подобно тому как в работах П. Бурдье леймотивом выступает идея взаимосвязи власти и пространства). Время становится способом покорения пространства – физического и социального. Речь идет не просто о чрезвычайно быстром физическом перемещении людей, предметов и идей, но и о способности использовать свое и чужое время как инструмент управления социальным миром.

Главными инструментами и ресурсами власти становятся время и скорость: «Люди, что двигаются и действуют быстрее и в большей степени приближаются к мгновенности движения, теперь являются теми, кто управляет. Люди же, которыми управляют, не могут двигаться так же быстро... Доминирование состоит в способности ускользать, отдаляться, “быть где-то в другом месте” и праве выбирать скорость собственного перемещения, одновременно лишая людей, над которыми доминируют способности останавливать, ограничивать свои передвижения или замедлять их. Современное сражение за доминирование ведется между войсками, вооруженными соответственно оружием ускорения и промедления»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Бауман З. Текучая современность. – СПб. : Питер, 2008. – С. 8.

¹⁸⁷ Там же. – С. 121–122.

¹⁸⁸ Там же. – С. 130–131.

Нельзя не согласиться с мнением Баумана о том, что эта идея в полной мере воплотилась в современном менеджменте. Скорость осуществления и изменения деятельности руководителей становится фактором их доминирования над подчиненными. Время подчиненных, напротив, принадлежит менеджерам, которые профессионально обучены его упорядочивать. Не случайно Бауман называет современных управленцев «новыми кочевниками»: принцип «нападай и убегай» становится принципом экономической и управленческой деятельности. Речь, собственно, идет не только о времени как инструменте власти, но и о появлении новых критериев социальной стратификации, а именно – доступе к мгновенности и доступе к непредсказуемости, а значит – к свободе.

Второй тезис Баумана, касающийся свойств социального времени «текучей современности», гласит, что для него сегодня характерна не длительность и протяженность, а мгновенность. Время может сжиматься до (или почти до) мгновения, и теперь изобразить движение времени, которое представлено не «стрелой» или «кругом», а «отдельными точками без измерения», практически невозможно. Впрочем, Бауман признает, что «мгновенное время» все же не равно нулю, так как современная техника еще не может позволить это сделать.

Время «текучего общества», обладая указанными характеристиками, задает особые параметры существования человека. Мгновенное время способствует фрагментации действительности, а вызванная этим потеря целостности для человека чревата нарушением его функционирования – физического, психического и социального, появлением смятения и страха. «Что было разрезано на части, то не может быть снова склеено вместе. Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текучей современности»¹⁸⁹.

Время «текучего общества» неконгруэнтно человеку, поскольку это не просто мир скоростей, виртуальных и реальных, это мир с особой предметной средой, наполненной «одноразовыми вещами». В таком мире идентичность человека по определению нестабильна и не дает возможности найти опору в обращении к какой-то устойчивой системе ценностей, представлений, идей. В «твердом» обществе вещи, которыми пользуются длительное время, символизируют вечность, а обладание ими считается признаком высокого статуса. «Долговечным объектам, – пишет Бауман, – приписывается особая ценность, о них заботятся и их желают благодаря их связи с бессмертием – этой высшей ценности «естест-

¹⁸⁹ Бауман З. Указ. соч. – С. 29.

венно» желаемой и не требующей никаких доказательств или обоснований»¹⁹⁰.

В «текучей современности», напротив, происходит обесценивание бессмертия и утверждается ценность быстрой смены материальной среды. «Именно присущая стилю Билла Гейтса способность сокращать временной промежуток долговечности, забывая о «продолжительных сроках», сосредоточиваться на манипуляциях с быстротечностью, а не долговечностью, легко избавляться от вещей, чтобы очистить место для других вещей, столь же временных и предназначенных для немедленного использования, в настоящее время является привилегией людей, находящихся на вершине, а именно эта способность делает их таковыми людьми»¹⁹¹. По сути складывается новая система стратификации, в которой время, способы владения им, использования его становятся значимыми критериями социального расслоения.

Внимательное прочтение работ Баумана и анализ лексики, используемой им для описания последствий и значения ускорения времени, показывают особую эмоциональную направленность: время семантически связывается с нападением, соревновательностью, доминированием, манипулированием, властью. Динамика времени, таким образом, повышает вес ценностей конкуренции, успеха, который обеспечивается скоростью деятельности и реагирования. В реальности «мгновенное время» продуцирует не только новые стандарты, но и страх неуспешности, упущенных шансов, стремление «бежать в ногу с временем» без остановки, даже если это превышает человеческие психофизиологические, культурные и социальные возможности. Эти страхи и тревоги характерны не только для тех групп, которые в системе темпоральной стратификации стоят на более низких позициях, но и для тех, кто доминирует.

Проблема передачи социального опыта и преемственности связана у Баумана с обесцениванием таких априорных ценностей, как вечность и бессмертие. Он считает, что на протяжении всей человеческой истории главной функцией культуры было «отсеивание и осажение твердых частиц вечности из кратковременных человеческих жизней и мимолетных человеческих действий». Именно таким образом человечество преодолевало ограничения, связанные с человеческой смертностью. Одно из последствий перехода к мгновенности, без памяти о прошлом и без веры в будущее Бауман отчетливо видит в разрушении коллективного, совместного действия, обеспечивающего связь времен и поколений. Когда люди «не видят завтра», то им достаточно того, что они

¹⁹⁰ Бауман З. Указ. соч. – С. 136.

¹⁹¹ Там же. – С. 137.

сами сделали сегодня в одиночку. Следствием этого становится разрушение общественной морали, основанной на ответственности за будущие последствия действий, совершенных сегодня. В таких условиях особенно значимой становится роль социального управления.

В мире «одноразовых вещей» мгновенными и одноразовыми становятся и многие виды социальных отношений, рассматриваемые как в синхронном, так и диахронном срезе. Символичны в этом плане описанные Бауманом встречи горожан – случайные, мимолетные, без продолжения. «Встреча незнакомцев заканчивается так же внезапно, как началась», это событие без прошлого и будущего, «одноразовая возможность, которая должна быть полностью реализована здесь и сейчас»¹⁹². Также и связи между поколениями: они становятся хрупкими, «пунктирными», о чем свидетельствует разрушение «родительских инстинктов», рост социального сиротства, насилия в межпоколенческих отношениях (со стороны взрослых – по отношению к детям, со стороны детей – в отношении стариков).

Непрерывность трансляции социального опыта становится проблематичной и в силу нестабильности требований к его содержанию. Обязательное требование текущей современности к человеку и обществу – непрестанное движение и изменение самого себя: «Быть современным означает постоянно опережать самого себя... иметь индивидуальность, которая может существовать лишь как нереализованный проект»¹⁹³. В этом случае человек теряет представление об определенном конце и цели своей деятельности, жизни. Это означает, во-первых, что целей может быть много и они постоянно меняются. А во-вторых, это значит отсутствие представлений о «хорошем» обществе (совершенном, справедливом, бесконфликтном), что делает людей пассивными.

Накопление, апробация и оценка социального опыта, несмотря на изобретение различных технологий, сокращающих сроки обучения, требует определенного времени. Еще большего времени требует связанный с этим выбор ценностей и целей. Однако в современных условиях, по Бауману, «...вопрос целей снова становится открытым и обречен быть причиной бесконечных мучений и источником значительных сомнений, подрывая уверенность в себе и порождая нервнующее чувство неослабной нерешительности и, следовательно, состояние постоянной тревоги»¹⁹⁴.

¹⁹² Бауман З. Указ. соч. – С. 140.

¹⁹³ Там же. – С. 6.

¹⁹⁴ Там же. – С. 68.

Как представитель постмодернизма, Бауман рассматривает социальное время не столь конкретно, как представители постклассической парадигмы – Э. Гидденс, Э. Валлерстайн и Дж. Урри (работы последнего отчасти укладываются как в постмодернизм, так и постклассическую социологию). Бауман рассматривает проблемы социального времени обобщенно-теоретически, в общем контексте трансформации общества – его перехода в иную конфигурацию, характеризующуюся новыми отношениями пространства и времени, новой темпоральностью мира людей, вещей, отношений.

Дж. Урри предлагает несколько иной вариант интересующих нас проблем времени, связанный с анализом новых его видов и качеств и их влиянием на социальную реальность. Наряду с общетеоретическими размышлениями о социальном времени Урри осуществляет его анализ на микроуровне, т. е. конкретизирует, привязывая к конкретным ситуациям, практикам, социальным общностям. Представленная в его работе «Социология за пределами обществ» классификация типов и видов времени и способов их взаимодействия и смены дает возможность рассмотреть структуру и динамику социального времени, новых субъектов и механизмов преемственности.

Урри, используя метафоры, выделяет кайрологическое, или жизненное, время, «ледниковое время», «часовое время» и «мгновенное время» в его разновидностях. Специфика подхода британского социолога заключается в том, что эти виды времени не просто сменяют друг друга, хотя такая форма динамики времени прослеживается им в истории общества. По его мнению, в современном мире эти виды сосуществуют, как бы наслаиваясь друг на друга. Доминирующим видом становится «мгновенное время», но в некоторых сферах жизни, в жизнедеятельности определенных социальных групп вдруг проявляется то в рудиментарной форме, то в качестве «острова» иной тип времени – часовое, ледниковое или кайрологическое. Последнее представляет собой не хронологическое, а «качественное» время, характеризующееся субъективными переживаниями и ощущениями времени. Оно образуется не астрономическими единицами, а событиями.

«Мгновенное время» в социальных практиках проявляется в сиюминутности моды, чрезвычайно высокой скорости производства товаров и приобретения ими доступности, резком сокращении (до минут) времени для принятия решений. Мгновенными становятся контакты и отношения (как уже описанные у Баумана мгновенные встречи горожан), передача информации, поминутный просмотр-переключение телевизионных каналов («видео-время»), изготовление и использование одноразовой посуды. Материальной основой «мгновенного времени» являются новые информационные техно-

логии, основанные «на временных интервалах, лежащих за пределами сознательного человеческого опыта»¹⁹⁵.

«Мгновенное время» – символ чрезвычайного ускорения социальных процессов. Технический прогресс позволил максимально увеличить скорость физического передвижения людей и вещей, тем самым производя эффект «сжатия пространства и времени». Впервые время стало измеряться не годами, часами, а мгновениями, восприятие которых иногда выходит далеко за рамки повседневного человеческого сознания.

Взаимосвязь изменения времени и технического прогресса очень интересно раскрывает Урри на примере автомобильности и «автомобильного времени». По его мнению, автомобильность – это пространственный и временной феномен. Автомобиль позволяет свободное перемещение в пространстве и особенно – во времени: доступ к нему круглосуточный, использование автомобиля дает возможность гибкого управления рабочим и свободным временем на индивидуальном уровне. Автомобиль прежде всего связан с «мгновенным временем»: «Автомобильность... предполагает более индивидуалистический распорядок, персональное расписание, состоящее из множества мгновений и отрезков времени»¹⁹⁶. Автомобильность заставляет человека мыслить и оперировать небольшими отрезками времени, «забавляться крошечными фрагментами времени, необходимыми для того, чтобы преодолеть те темпоральные и пространственные ограничения, которые она же и произвела на свет»¹⁹⁷.

Кроме автомобильности Урри рассматривает другие системы мобильности – сотовый телефон, интернет, мобильные коммуникативные гаджеты, системы навигации GPS – в качестве условий изменения пространства и времени. Следствием доминирования данных систем мобильности является не только расширение границ свободы человека, но и нарушение синхронности и структурированности личного и общественного времени, служащей основой организации коллективного действия и взаимодействия¹⁹⁸.

Урри представляет время как не линейное, а синхронное (отсюда еще одно название описываемого феномена – «синхронное время»). События происходят не последовательно, а одновременно, возникают и разворачиваются по принципу голограммы. Идея «стрелы времени», символизировавшая прогресс и поступательное

¹⁹⁵ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. – М.: ИД «Высшая школа экономики», 2012. – С. 183.

¹⁹⁶ Там же. – С. 274.

¹⁹⁷ Урри Дж. Мобильности. – М.: Праксис, 2012. – С. 246.

¹⁹⁸ Там же. – С. 246–248.

развитие, сменяется идеей «временного коллажа». Урри, также, как и Бауман, полагает, что не существует единого времени, одинакового для всех людей, а есть многообразие времен. Таким образом, краткосрочность времени сопровождается его фрагментарностью, проявляющейся в «эффekte коллажа» и созданной разнообразными, ничем не связанными событиями.

Парадоксальность социального времени современной эпохи, описываемого Урри, состоит в том, что, с одной стороны, оно чрезвычайно динамично, с другой стороны, это не динамика прогресса, т. е. поступательного, поэтапного улучшения жизни. Динамика времени описывается не в терминах прогресса, она имеет разные направления и различные темпы в различных пространственных локализациях и у различных субъектов. Ее влияние амбивалентно, и эта амбивалентность связывается с различными планами существования человека.

«Мгновенное время», по Урри, формирует новые когнитивные, так называемые мультимедийные навыки, обеспечивающие новые возможности. Вместе с тем, фрагментарность и мгновенность времени входит в противоречие со многими традиционными практиками, которые требуют по определению больше времени на раздумья, «созерцание», согласование. Это те практики, которые основаны на линейном представлении о времени.

Влияние фрагментарности временной картины мира в современном обществе проявляется в десинхронизации групповых и индивидуальных траекторий передвижения во времени и пространстве. Урри видит социальную реальность как совокупность временных миров различных групп и даже внутри групп – у индивидов. Примером могут служить различия временных траекторий представителей одной семьи. Ее члены могут работать, учиться, вести бытовую деятельность по разным графикам, зачастую несовпадающим, что не дает возможности осуществлять совместно определенные виды деятельности, традиционно выступающие интегрирующей силой и являющиеся важными функциями семьи – совместные трапезы, отдых, общение.

Кроме того, «мгновенное время» входит в противоречие с эмоциональным, чувственным планом восприятия времени. Следствием его влияния становятся чувства беспокойства, страха, порожденные «чувством сжатия... пространственных и временных миров», так как меняется «структура чувствования» новых темпов, новых типов движения (мобильности)¹⁹⁹. «Сжатие времени-пространства усиливает ощущение, что мы обитаем в мире серьезных

¹⁹⁹ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века... – С. 181.

и непосредственных угроз»²⁰⁰. Это сказывается на самочувствии людей и их представлениях о будущем: они теряют оптимизм, веру в улучшение жизни, их планы и виды на жизнь становятся все более краткосрочными.

Особенно отчетливо заметно влияние нового типа времени и указанные последствия в молодежной среде. Урри называет современную молодежь поколением, лишенным долгосрочных планов и представлений о будущем. Презентистский принцип «здесь и сейчас» становится у молодежи доминирующим. Более того, некоторые молодежные субкультуры культивируют особый режим дня и ночи, при котором границы между ними размыты. Кроме того, он полагает, что мгновенное время разрушает чувство доверия, преданности и ответственности между поколениями²⁰¹.

Последнее выводит нас на проблему преемственности, которая остро встает в практическом плане перед современным обществом и поэтому подлежит серьезному изучению в постмодернизме. Преемственность, как уже отмечалось, тесно связана с коллективной памятью, которая рассматривается как многоплановое явление. Память, в свою очередь, тесно связана с формами и местами проживания, в которых различные социальные группы и институты разворачивают те или иные социальные практики. По сути, память – это результат коллективной деятельности. Принимая во внимание психологические трактовки памяти как особой функции человеческой психики, исследователь подчеркивает активизирующую роль коллективных социальных практик. Так, Урри отмечает, что «формирование воспоминаний о некотором событии, месте или человеке требует совместного труда, часто существенно растянутого во времени и связывающего весьма удаленные друг от друга в географическом отношении контексты»²⁰².

Коллективный характер воспоминания проявляется в институциональных практиках поминовения, или «официальных воспоминаниях», принятых в определенных обществах или социальных группах и обозначенных мемориальными местами, предметами, сооружениями. В постмодернизме памяти приписываются все те же функции, что были обозначены в классической социологии: она выполняет функции социальной интеграции, сохранения и передачи социального опыта, сохранения преемственности поколений.

Однако в условиях распространения и функционирования «мгновенного времени» характер памяти изменяется. Так, напри-

²⁰⁰ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века... – С. 184.

²⁰¹ Там же. – С. 188.

²⁰² Там же. – С. 198.

мер, в традиционном обществе, в котором интеграция поколений осуществлялась через коллективное владение собственностью (прежде всего землей), возникало ощущение темпоральной непрерывности между прошлым, настоящим и будущим, реализующемся в жизни поколений: «...люди считали себя частью множества проектов, начавшихся в прошлом, достигших настоящего и устремленных в будущее»²⁰³. По мнению Урри, возросшая мобильность земельной собственности (и не только ее) уничтожила долгосрочные связи между поколениями²⁰⁴.

Фрагментарность общества и времени создает «коллажи» памяти различных социальных групп и общностей. Наряду с общенациональными практиками воспоминаний существуют альтернативные, а иногда и противоречивые и не признаваемые официально «памяти» женщин, дискриминируемых этнических сообществ, различных возрастных групп (молодежи, старшего поколения). Коллажность памяти препятствует осуществлению преемственности как в синхронном, так и в диахронном разрезе.

Позитивный смысл фрагментации времени видится в присутствии среди других времен («мгновенного», остатков «часового времени») «ледникового времени», которое сдерживает увлечение безумными скоростями. «Ледниковое время» – метафора, придуманная Урри для времени медленного, соответствующего природным скоростям, охватывающего (а значит и связывающего) несколько поколений людей. Изменения, которые несет «ледниковое время», прослеживаются только на протяжении жизни нескольких поколений, т. е. требуют длительного мониторинга. Следы «ледникового времени» несут в себе различные объекты социальной реальности и некоторые социальные практики, привязанные к жизнедеятельности определенных социальных групп.

«Ледниковое время», связывая поколения, повышает значимость будущего и прошлого для настоящего. Именно забота о будущем, о долгосрочных отношениях объединяет поколения, обеспечивает заботу о полноценном проживании в сегодняшнем дне. Носителем «ледникового времени» выступает прежде всего женщина, чьи «естественные» роли по рождению и воспитанию детей предполагают ее погруженность не в «мгновенное время», а во время нескольких поколений²⁰⁵.

Таким образом, в концепции мобильностей Урри нашел отражение практически весь спектр проблем социального времени, ко-

²⁰³ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века... – С. 201.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. – С. 230.

торый начал формулироваться еще в классический период, и прежде всего, проблем динамики социального времени, его чрезвычайного ускорения и компрессии. Социология Урри, основные положения которой тяготеют к постклассической парадигме, в то же время во многих моментах перекликается с постмодернизмом З. Баумана и М. Кастельса (на которого он достаточно много ссылается). Вообще необходимо отметить, что, несмотря на серьезные различия между концепциями постклассической и постнеклассической социологии, в анализе социального времени между тем и другим направлением есть общие моменты, что и позволило соединить их в одном разделе.

Первая общая черта – это наделение социального времени как предмета социологического анализа особой значимостью. Так, Гидденс в теории структуриации прямо утверждает необходимость обращения к системе временных категорий как к наиболее верному способу решения важных исследовательских задач, стоящих перед ним. Например, он полагает, что устройство общественных институтов можно понять, если рассматривать, как социальные деятельности растянуты во времени и пространстве. В само определение социального института он вводит время как одно из его свойств: «Практики, обладающие наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей, рассматриваются нами как социальные институты»²⁰⁶. При этом он придает особое значение междисциплинарным связям социологии и истории, поскольку они позволяют более глубоко проникнуть в изучаемый предмет. В целом обращение к проблеме времени снимает проблему междисциплинарных границ и открывает новые перспективы исследования и решения интеллектуальных задач.

Второй общий момент: в постклассических и постнеклассических работах анализ социального времени осуществляется не автономно от других социальных проблем, а во взаимосвязи с множеством различных аспектов современности. Казалось бы, это роднит их подход с социологией времени классического периода. Но в отличие от классиков, у социологов рубежа XX–XXI вв. время по принципу гештальта превращается из «фона» в «фигуру», становится ведущим фактором социальной действительности. В связи с необходимостью всестороннего анализа и сложностью времени как предмета исследования в социологии разрабатывается целая система темпоральных категорий: «киберпространство, свободное

²⁰⁶ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации... – С. 60.

от времени», «автомобильное время», виртуальное время, «время текущей современности», «компьютер», «ледниковое время» и т. д.

Третья черта в исследовании времени, объединяющая «темпоральные проекты» постклассики и постмодерна, заключается в попытке связать время и социальные эмоции, связанные с его восприятием. Тем самым снимается традиционное для классической и постклассической парадигм противопоставление социальных и естественных наук: в социальных науках резко подчеркиваются отличия социального времени от природного, естественные науки оперируют понятием «чувство времени», описывая явления природные.

Связь времени и социальных эмоций отражена в книге Урри «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия». Британский социолог посвящает телесным чувственным практикам человека, телесным ощущениям отдельную главу, в которой особо отмечает «темпоральные способности» и «темпоральные ритмы» различных видов человеческих чувств. В частности, он отмечает, что наиболее «темпоральным» является зрение, особенно тонко и остро реагирующее на новый тип времени – «мгновенное»: «Иные чувства, по-видимому, обеспечиваются долгосрочным и фрагментированным чувством времени. Они более постоянны и не позволяют нам ухватывать ощущение моментального времени»²⁰⁷.

Через обращение к психологии восприятия времени социологи выходят на проблему эмоционального переживания времени, что, безусловно, актуально для современного человечества, только недавно пережившего миллениум, несколько «концов света», тратящего огромные ресурсы на эксперименты по продлению жизни. Исследователи прежде всего изучают феномен наслаждения временем, тесно связывая его с телесной (или чувственной) природой отношений человека с объектами и средами²⁰⁸. Мы бы расширили спектр эмоций, связанных с временем, от позитивных до негативных – страхов, тревог, фобий, хотя акцентирование на изучении наслаждения, удовольствия, связанных с временем отдыха, неспешностью и размеренностью выполнения деятельности, возможности владеть и управлять своим временем, вполне обоснованно и актуализировано тем, что негативные эмоции, захлестывающие современное общество, чрезвычайно опасны, действуют разрушающе как на индивида, так и на общество в целом.

²⁰⁷ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века... – С. 153.

²⁰⁸ Там же. – С. 156.

Четвертая общая черта различных направлений социологии времени конца XX – начала XXI в. связана с применением для описания социального времени метода метафор. Время приобретает названия «вневременного», «виртуального», «мгновенного», «ледникового», «часового», «жизненного», «мирового» и др. Одно из объяснений этого факта, по-видимому, связано с ограниченными на данный момент возможностями социальной науки адекватно описать явление с помощью традиционных когнитивных конструкций – категорий и понятий. Само время кардинально трансформируется (изменяются его свойства, появляются новые виды) под влиянием новых технологий коммуникации, передвижения. Выясняется, что социальная реальность намного сложнее и быстрее изменяется, чем развитие методологии науки.

В то же время метафора как метод познания обладает определенными когнитивными достоинствами, которые проявляются в междисциплинарном исследовании социального времени. Как уже отмечалось выше, представители постклассической социологии пытаются снять противопоставление естественных, точных и социальных, гуманитарных наук, что приводит к различным заимствованиям для описания социальных процессов, схожих с процессами природными. Постмодернисты же вообще провозглашают отказ от дисциплинарности. Метафоры как нельзя лучше отражают в этих условиях особенности нового времени. Без них «невозможен никакой прорыв в неизвестность, в непознанное. В этом – в артикуляции нового – и состоит важнейшая роль метафоры в науке»²⁰⁹.

Пятая общая черта социологических концепций, возникших на рубеже веков, заключается в укреплении и развитии представлений о релятивистском характере и многомерности времени. Есть многообразные времена или, как пишет Урри, разные режимы времени, «обладающие разнообразными потенциалами по преобразованию физического и социального мира»²¹⁰. Время поливариантно и альтернативно. Многообразие субъектов времени, форм их жизнедеятельности, множественность структур социального пространства, к которому может быть привязано время, и множество других факторов определяют множественности временных феноменов.

Шестая черта, значимая для нашего исследования, касается «примирающей» позиции в отношении объективного и субъектив-

²⁰⁹ Кузьмина М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания [Электронный ресурс]. – URL: isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/kuzmina.pdf (дата обращения: 15.02.2013).

²¹⁰ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века... – С. 156.

ного подходов к времени. Если в классической социологии (О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс) время носит абсолютно объективный характер, а в феноменологии оно рассматривается как феномен субъективного восприятия и интеракции, то представители как постклассической социологии, так и постмодернизма подчеркивают необходимость синтезировать различные подходы к времени в этом отношении.

Последняя, седьмая, черта социологических исследований времени в конце XX – начала XXI в. связана с идеями использования социального времени как средства социального доминирования и управления другими людьми. Постепенно складывается понимание специфической роли различных видов и проявлений социального времени в становлении национальных и мировых систем регулирования, развитии некоторых форм принадлежности и мобильности (Урри), завоевании территорий и приобретении большей свободы (Бауман), регионального зонирования повседневной деятельности и реализации административной власти (Гидденс), формировании регулирующих социальных нормативных систем (Штомпка).

Итак, проведенный анализ концепций, формировавшихся в рамках различных парадигм и метапарадигм, позволил проследить в развитии социологического знания о социальном времени определенные тенденции и границы, задающие логику развития социологии времени.

В самом начале данного раздела мы выделили четыре сквозные проблемы: 1) соотношения динамики и статики социального времени; 2) механизмов и характера поддержания преемственности и социального наследования; 3) субъекта социального времени и 4) восприятия времени. Первая и вторая проблемы оказались наиболее актуальными и разработанными. Их развитие прослеживается на протяжении всей истории социологии. С них началось социологическое освоение времени и они же выступают в качестве лейтмотива в работах современных исследователей – Баумана, Гидденса, Урри, Штомпки и др.

Начиная с Маркса, определился и на протяжении всего XX в. углублялся интерес к субъектам социального времени. Исследователи, работавшие в различных парадигмах, акцентировали внимание на разных уровнях субъектности: марксизм и постклассика – на групповом, феноменология – на личностном. В советской социологии, как и в ряде западных концепций, развивался многоуровневый подход, позволивший реализовать эмпирические исследования социального времени. В результате оформился очень важный методологический принцип, позволяющий, с одной стороны, определить границы социологического подхода к социальному времени, а с другой – соединить теоретический и эмпирический уровни его

изучения, а также отразить специфику свойств времени различных социальных субъектов – личности, группы, социальных общностей, общества в целом.

Не сразу в истории социологии складывается фокусированное внимание на проблеме восприятия времени. Под влиянием психологических и философских концепций «внутреннего времени» к 1930-м гг. в социологии начинает формироваться субъективистский подход, позволяющий рассмотреть ценностно-смысловые аспекты социального времени, его понимания, наделения субъективными значениями. Этому способствовало также формирование микро-социологической парадигмы, представленной феноменологией, символическим интеракционизмом и этнометодологией. Современные социологи – представители как постклассического, так и постнеклассического направлений – пытаются соединить макросоциологический подход с его интересом к объективным свойствам времени с микросоциологией и ее вниманием к времени как субъективной, конструируемой сознанием людей реальности.

Рассмотрение тенденций развития четырех названных проблем, степени активного внимания к ним, полноты их анализа в соединении с хронологическим и парадигмальным подходами позволило выделить три этапа в развитии социологии времени. *Первый этап* охватывает зарождение социологии как науки (от О. Конта) до конца доминирования классической метапарадигмы, представленной позитивизмом, эволюционизмом, марксизмом и веберизмом (примерно до 1920-х гг.). На этом этапе происходит зарождение интереса к проблемам собственно социального времени. Основное внимание уделяется проблемам, возникающим на макроуровне, – динамике социального времени и темпоральным механизмам социальной преемственности. Время находится по большому счету на периферии социологии.

Нижняя граница *второго этапа*, начало которому положили работы П. Сорокина и Р. Мертона, приходится на 1930-е гг., верхняя – на 1970–1980-е гг. В этот период анализ проблемы социального времени начинает занимать заметные позиции в западной теоретической социологии. Чуть раньше (в 1920-е гг.) эти тенденции стали наблюдаться в советской науке. В те годы у отечественных авторов сформировался особый интерес не только к теоретическим аспектам изучения социального времени, но и к прикладным исследованиям бюджета времени различных социальных групп нарождающегося советского общества. Однако советская социология вплоть до конца 1980-х гг. сохраняла ориентацию исключительно на марксистскую парадигму с ее макросоциологическим видением проблемы времени. В этом заключалось ее отличие от западной социологии, в которой до этого же временного рубежа развивался

мультипарадигмальный подход, включающий в том числе «понимающую», интерпретативную социологию времени.

Третий этап в исследовании социального времени охватывает хронологический интервал от второй половины 1980-х гг. до наших дней, когда в ответ на вызовы социальной реальности в социологии вызревает новый импульс к изучению проблем социального времени. В рамках третьего этапа сохраняется в полной мере интерес ко всем обозначенным нами аспектам времени, но при этом формируется интегративный подход, когда все обозначенные проблемы анализируются во взаимосвязи, системно. Это свидетельствует об особом научном статусе проблемы социального времени на рубеже XX–XXI вв.: время само по себе становится сквозной проблемой социологии, имманентно присутствующей практически во всех значимых теоретических исследованиях.

На наш взгляд, третий этап в развитии социологии времени не завершен. Современным социологам приходится не просто осмысливать явление, отдаленное во времени и пространстве, но и жить в нем, не только описывать, но и испытывать на себе все особенности социального времени. В его исследовании появляются новые проблемные поля и новые задачи, связанные, во-первых, с необходимостью эмпирической проверки теоретических схем, а, во-вторых, с использованием накопленного теоретического знания уже в прикладном аспекте, в частности – в сфере управления социальными процессами.

Глава 3

Динамика социального времени: общественные страхи и надежды

- 3.1. Общественные страхи:
понятие, сущность и стратегии преодоления
- 3.2. Проблема страха перед временем
в европейской и отечественной социальной мысли
- 3.3. Надежда – квинтэссенция оптимизма

*Где надежда, там и боязнь:
боязнь всегда полна надежды,
надежда всегда полна боязни.
Франсуа де Ларошфуко*

3.1. Общественные страхи: понятие, сущность и стратегии преодоления

*Человек не станет свободным,
пока не преодолеет страха смерти.
Альбер Камю*

Социальное время не существует вне восприятия человека. В предыдущей главе мы показали, что «открытие» связи между временем и социальными эмоциями, сделанное некоторыми представителями философии, психологии и социологии, позволило сформировать понимание «человеческой» сущности социального времени. В этой главе мы уделим внимание не столько когнитивным механизмам восприятия и осмысления времени, сколько эмоциональной стороне его существования.

Представители социальных общностей неодинаково воспринимают время, переживают его течение, ход, по-разному оценивают прошлое, настоящее и будущее. У одних ситуация дефицита времени вызывает тревогу, панику, у других – драйв, запал. Одни люди панически боятся отмечать сорокалетие, другие полагают, что «в сорок лет жизнь только начинается». Приведем в качестве примера высказывания наших информантов.

П. О., 28 лет, фрилансер: *«Ситуация дефицита времени – это моя ситуация... Возникает элемент какого-то отчаяния, хочется и поддержки, и каких-то резервов, но их нет. Думаю, вот день заканчивается, а я что-то не успела сделать. Чувство отчаяния и беспомощности, может быть собственной бездарности, неполноценности, что я где-то не доделываю, не дотягиваю, не успеваю, что я не могу себя организовать, чтобы все успеть».*

Е. И., 39 лет, преподаватель вуза: *«В ситуации дефицита времени страх бывает, и бывает такое ощущение, когда бросают в первый раз в воду, учат плавать. Не то что бы инте-*

ресно, не то чтобы страшно, но приходится мобилизоваться. Это подстегивает, это некий адреналин».

Социальные эмоции, связанные с восприятием времени и его динамики, играют огромную роль в регулировании жизнедеятельности и поведения людей, поэтому их необходимо учитывать и в интерпретации происходящих социальных процессов, и в принятии управленческих решений. Клодия Хэммонд, американская исследовательница, психолог-педагог, прямо пишет: «Нам трудно представить наше эмоциональное состояние в будущем, и этот факт должны учитывать органы государственного управления и власти»²¹¹. Она отмечает, что эмоциональная реакция общественности на инициативы, например, законодателей, со временем претерпевает изменения (от резко негативной до позитивной и наоборот). Значит, эмоциональные реакции, связанные с изменениями времени, могут служить в одном случае барьером на пути воплощения управленческих проектов, а в другом – помогать его реализации.

На наш взгляд, в огромном спектре человеческих эмоций отнесительно динамики социального времени особое место занимают страхи и надежды. Мы полагаем, что в их континууме развивались и продолжают развиваться по сей день отношения с временем многих поколений людей. Именно поэтому далее мы обратимся к анализу темпоральных страхов и надежд, рассматривая их сначала в контексте социальных эмоций в целом, а затем выделяя их специфическое содержание и формы. Понятие темпоральных страхов является производным от понятия общественных страхов, в связи с чем последнее необходимо рассмотреть подробнее.

«Текущая» современность, порождая в обществе совершенно новые феномены, одновременно запускает процесс трансформации устоявшихся, привычных вещей и явлений, которые приобретают новые формы, качества и смыслы. Эти процессы порой трудно осмыслить с помощью традиционных объяснительных схем и концепций, предлагаемых социальными науками. Еще сложнее жить внутри этих процессов. Социальные настроения в целом и общественные страхи как один из важных их элементов очень точно отражают обозначенную ситуацию и служат объектами, на которых «отрабатываются» новые теоретические и методологические подходы к познанию и пониманию общества.

В современных условиях общественные страхи приобретают новые качества: они становятся глобальными, усложняется их структура, снижается степень «нормальности» и рациональности. Изучение социальных настроений и социального самочувствия –

²¹¹ Хэммонд К. Искаженное время. Особенности нашего восприятия времени. – М.: Livebook, 2013. – С. 336.

одно из развитых направлений отечественной социологии, имеющее хорошо проработанные методологию и методику исследования. В то же время общественные страхи остаются наименее изученным компонентом социальных настроений, социального поведения и взаимодействий. Несмотря на имеющийся массив эмпирических исследований, не сформировались общие теория и методология изучения общественных страхов, серьезно различаются программы и методики эмпирических исследований, что затрудняет сравнение данных по России и в межстрановом аспекте. Все это актуализирует необходимость разработки проблемы общественных страхов на теоретико-методологическом и эмпирическом уровнях исследования.

Неразработанными в социологии остаются и многие другие понятия, связанные с общественными страхами, – социальные страхи, тревожность, паника, фобия и т. д. Общественные и социальные страхи – очень близкие, но не идентичные, категории. Понятие социальных страхов используется в социологии, социальной психологии и антропологии. *Социальные страхи* в широком смысле можно трактовать как *способ адаптации человека к социальной ситуации или социальной среде, обладающей для индивида или группы той или иной степенью неопределенности*.

В социальной психологии сложилось два понимания социальных страхов. В первом случае они трактуются как страхи, источниками которых служат социальные отношения и объекты. Например, выделяют страхи руководства и подчинения, страх ответственности, страх успехов и неудач, страх социальных контактов (одиночества, оценок, влияния другого человека, невнимания со стороны других людей). С позиций социальной психологии специфика социальных страхов заключается в их опосредованном характере (когда объекты, вызывающие страх, не могут непосредственно сами по себе нанести вред человеку) и чрезвычайной распространённости²¹².

Такое понимание страха слишком узко для социологии: источниками массовых страхов, фобий и паник в современном обществе служат не только человеческие отношения, но и явления неживой природы, экологические, промышленные риски, опасности, катастрофы, которые могут нанести прямой вред. Кроме того, массовые социальные страхи могут быть вызваны иррациональными явлениями или верой в них, стремительными изменениями и нарушениями стабильности социальной жизни, отсутствием полной и по-

зитивной информации, неуверенностью в будущем и ностальгией по прошлому. Таким образом, природа социальных страхов может иметь технологические, природные, биологические, психологические, социальные корни.

Второе понимание социальных страхов – более широкое – близко к социологическому. Согласно ему, *социальными являются страхи, приобретаемые внебиологическими способами – в ходе социализации, социального конструирования действительности и накопления личного опыта*. Некоторые социальные страхи вытекают из биологических, но имеют небιологические содержание и форму бытования. Понимание того, что все страхи, присущие человеку, либо изначально социальны по своей природе, либо имеют социальный компонент, расширяет их диапазон.

Понятие общественных страхов, на наш взгляд, имеет несколько иное содержание, нежели понятие социальных страхов. И связано это, прежде всего, с субъектом страхов. Этимологически слово «общественный» означает «принадлежащий всему обществу», «связанный с деятельностью людей в обществе», «организованный коллективом» и используется для отграничения общественных феноменов от явлений индивидуального, частного порядка. Носителями общественных страхов являются социальные группы и общности: благодаря схожим условиям их жизнедеятельности, формированию коллективных практик и группового сознания возникают основания для типичных социальных страхов, разделяемых всеми членами социальной группы и в некоторых случаях становящихся ее маркерами.

Как социальное явление, общественные страхи типичны и распространяются на всю социальную общность или общество в целом. В отличие от индивидуальных, общественные страхи приобретают в определенной степени значение «нормального» явления. Например, арахнофобия рассматривается как патология, а вот страх потерять работу в период экономического кризиса становится некой «нормой» социального самочувствия для целых групп населения. Напротив, ненормальным становится отсутствие подобных страхов как признак отсутствия защитной реакции на кризисную ситуацию. Вот пример высказываний наших информантов из различных социально-профессиональных общностей.

Г. Е., 36 лет, преподаватель вуза: *«Мои опасения связаны с профессиональной сферой. Тут были разговоры о перспективах развития университета. Я не то, что опасаясь, но думаю, что если возникнет необходимость себя искать в новом профессиональном качестве, возникает задор: ну что ж, попробую вот это новое. Это и опасение, и попытка испытать себя*

²¹² Щербатых Ю. Социальные страхи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=371> (дата обращения: 23.10.2012).

на прочность, духовную, профессиональную. С одной стороны опасения, с другой стороны – посмотрим...».

П. О., 28 лет, фрилансер: «Самая главная ценность – здоровье и жизнеспособность моих близких, ребенка. Все другие проблемы легко решить, если есть здоровье. В плане финансового состояния, конечно, переживаешь, когда мужу не выплачивают зарплату, когда на рынке нет стабильности, кризис. Но к этому я отношусь философски. Заработок можно найти всегда, будет ли это квалифицированный или неквалифицированный труд. Обеспечить себя финансово смогу, если будет здоровье».

Другими словами, ситуация страха формирует определенные стратегии поведения, которые, приобретая массовый характер, перестают быть социальной девиацией. Поведенческие реакции на страх можно рассматривать как форму адаптации к социокультурным изменениям.

Не только массовость проявления страха, но и коллективный, согласованный и осознанный характер определяют его принадлежность к общественным феноменам. Паническая толпа (например, паническое бегство от противника на поле боя) – это тоже массовое проявление страха, и все же явление социально-психологического ряда, поскольку здесь присутствует эффект заражения и практически отсутствует рациональное осмысление происходящего. Общественные страхи имеют рациональный характер: люди осознают страх, его образы и источники, формулируют его в виде смысловых проблем, над которыми размышляют и которые разрешают способами, предлагаемыми социальным опытом предыдущих поколений и современников. Человек «приобретает», интериорирует страх и отношение к нему в процессе социализации.

Таким образом, понятие общественных страхов позволяет перейти на уровень социологического осмысления явления, поскольку и общественные, и индивидуальные страхи имеют социальную природу, но только общественные страхи распространяются массово в обществе, влияют на его функционирование в целом, отражают групповые и социальные настроения и представления. Общественные страхи проявляются также на индивидуальном уровне (как и индивидуальные страхи), однако природа их обусловлена жизнью не индивида, а социальной группы или общности.

Что касается соотношения понятий «общественные страхи», «тревога», «фобии» и «паника», то они очень близки, хотя и обозначают различные уровни одного эмоционального состояния. Они различаются также по наличию конкретного предмета страха. В отличие от фобии, всегда связанной с конкретным социальным обстоятельством или объектом, тревога может быть беспредметной, т. е. вызванной неясными, неопределенными причинами.

Характерным примером массовой фобии является ксенофобия, базирующаяся на стереотипах угрозы, которая якобы исходит от различных групп «чужих» – мигрантов, иных этнических групп, враждебных стран и т. д. Исследователи отмечают, что в XX в. наиболее распространены и окончательно сформированными стали комплексы «мирового еврейского заговора» и «желтой опасности», в конце века – «исламская угроза» и «нашествие мигрантов»²¹³. Однако источником и основой ксенофобии являются не только «чужие»: они – чаще всего объекты, на которые направлено социальное недовольство, тревожность, страх, гнев и другие социальные эмоции, вызванные внутренними причинами – резким обнищанием населения, политической нестабильностью, стремлением к реваншу за военные и политические проигрыши и т. д. Ксенофобия становится основой национализма, политики «железного занавеса», инструментом политического манипулирования, дискриминации в сфере труда или культуры и других явлений и процессов, которые определяют общественное настроение и самочувствие.

Страх «чужих» служит мощным инструментом власти и политической деятельности. Институты власти и СМИ, отдельные политические и общественные деятели и партии могут искусственно конструировать его или использовать бытующие в обществе страх «чужих» или установки на него. Например, исследователи отмечают, что у российских чиновников сохраняются выработанные еще в советское время стандарты поведения, позволяющие исключить обвинение их в национализме и ксенофобии, но сохранять дискриминационные практики «за фасадом» толерантности²¹⁴.

Боязнь катастроф – еще один пример массового страха, проявляющегося в виде и фобий, и паники. Это – один из самых устойчивых страхов, испытываемых большинством населения. Результаты социологических исследований показывают, что в современном обществе не просто сохраняются отдельные страхи катастроф (например, природных). Общественное сознание характеризуется катастрофизмом, определяющим мировоззрение и социальные практики²¹⁵. В общественном сознании, помимо страхов

²¹³ Дятлов В. И. «Великие ксенофобии». Взаимовлияние и взаимодействие на опыте России // Идеи и идеалы. – 2010. – № 2 (4). – Т. 1.

²¹⁴ Верховский А. Место ксенофобии в политике государства // Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России: сб. статей [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mhg.ru/publications/19DE0F1> (дата обращения: 10.11.2013).

²¹⁵ Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова [Электронный ресурс]. – URL: gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/18.ph (дата обращения: 29.06.2012).

экологических и технологических катастроф (страх химического, радиоактивного заражения), значительное место занимают страхи экономических и политических кризисов, расцениваемых как катастрофы.

Страх катастроф заслуживает особого внимания в силу того, что он порождает особое «*нетерапевтическое сообщество*» (термин А. Г. Абдуллина), характеризующееся высокой степенью конфликтности, нетипичными массовыми дезадаптивными реакциями, отклоняющимся поведением и рентными установками²¹⁶. Сознание людей, переживших экологические или техногенные катастрофы, и людей, испытывающих страх перед ними, специфично и формирует особое отношение ко всем жизненно важным социальным, экономическим, культурным аспектам жизни.

Следует также сказать еще об одной форме общественных страхов – социальных тревогах и тревожности. Эти явления необходимо поместить в «тревожный ряд» и сопоставить с другими его элементами. Тревога отличается от напряжения, настороженности или ужаса как по количественным, так и качественным критериям. Можно полагать, что тревога – это исторически первичный модус страха. Страх может перейти в две деструктивные формы: активную (паника) и пассивную (отчаяние). Тревога может быть беспредметной, т. е. вызванной неясными, неопределенными причинами. Страх же возникает в результате осознания угрозы или угрожающего объекта.

Общественные тревоги, рассматриваемые как ожидание неблагоприятных перемен в ситуациях неопределенности и опасности, и тревожность как социально-психологическое состояние – самые изученные в эмпирическом плане проявления общественных страхов. Однако многие социологи для замера уровня тревожности и страха используют не только социологические методы, но и психологические тесты, что, во-первых, подтверждает междисциплинарный характер исследования социальных страхов, а во-вторых, показывает определенные трудности в их социологическом определении и операционализации понятия²¹⁷.

В социологических исследованиях недостаточно внимания уделяется классификации общественных страхов, хотя она имеет особое методологическое и практическое значение. Типология и

²¹⁶ Абдуллин А. Г. Социально-психологические последствия крупномасштабных техногенных катастроф в отдаленном периоде: на примере Уральского региона : дис. ... д-ра психол. наук. – Магнитогорск, 2006.

²¹⁷ Иванова В. А., Шубкин В. Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. – 2005. – № 2.

классификация позволяют выявить различия между страхами и установить связь между ними на уровне категорий и понятий. Важным остается вопрос об основаниях классификации общественных страхов, принципах их выделения и полноте классификации. В качестве оснований можно выделить:

1. Значимость для поддержания нормального социального функционирования человека (базовые и второстепенные страхи).
2. Источник страха (экологические, природные, технологические, экономические, политические, социально-психологические, иррациональные и др. страхи).
3. Субъект страха (индивидуальные и групповые страхи).
4. Временная ориентация (страх прошлого, страх забвения и страх перед будущим).
5. Степень выраженности страха (острое переживание – нормализованный страх).
6. Характер влияния на общественное сознание и поведение (функциональный и дисфункциональный страхи).
7. Соответствие реальным опасностям (страхи реальные и мнимые).
8. Степень осознания и осмысления в общественном сознании (страхи явные и латентные).

Выделение различных видов страха имеет условный характер, оно необходимо для решения определенных исследовательских задач. В реальной социальной жизни эти виды страхов взаимопересекаются и накладываются друг на друга. В то же время социологические исследования показывают, что общественные страхи неравнозначны и соответственно выстраиваются в индивидуальном и групповом сознании иерархически.

Взаимосвязь общественных страхов проявляется в том, что одни страхи способны усиливать другие, порождая «резонансный эффект», описанный в физике как возрастание амплитуды волнового процесса вследствие наложения одной волны на другую. В особенности эффектом резонанса обладает такой вид общественных страхов, как страх перед временем, рассматриваемый нами как ощущение и переживание опасности, связанной с темпоральными изменениями социальной действительности. Изменения эти могут проявляться в динамике социального времени, а также темпоральных изменениях самого субъекта страха и его окружения.

Временное измерение социальных процессов и явлений приобретает особое значение в социологическом исследовании современного общества. Этот вид страха можно рассматривать как сквозной, «встроенный» в различные системы страхов и тревог. Страх перед временем является своеобразной адаптивной реакцией на изменение темпоральных характеристик существования и

жизнедеятельности социального субъекта. Чем выше степень неопределенности ситуации или среды, тем острее переживание страха перед временем. Обострение этого страха в свою очередь вызывает усиление тревожности в отношении различных реальных, потенциальных и воображаемых опасностей.

Страх изменений во времени и страх перед динамикой самого времени очень близки, хотя и не совпадают по своему содержанию и объектам. На восприятие и переживание трансформации общественных отношений, изменения политической ситуации в стране и материально-экономического положения различных групп, происходящие в определенной временной перспективе, влияет неопределенность будущего, туманность перспектив социальных преобразований. На индивидуальном уровне это переживание может усиливаться биографическими изменениями в личной жизни.

Характер и остроту проявления общественных страхов перед временем определяет баланс социального оптимизма и пессимизма, бытующих в общественном сознании. Социальный оптимизм, характерный для советского общества, снижал уровень некоторых общественных страхов (например, страх перед будущим) или вообще их исключал (например, страх перед безработицей). Тем резче и сильнее ударили по россиянам опасности и риски постсоветского времени (неопределенность сегодняшнего дня и будущего, безработица, падение социально-экономического уровня). Они вызвали стремительное ухудшение социального самочувствия людей, стимулировали развитие социального пессимизма и, соответственно, породили новые виды общественных страхов и остроту их переживания. Каждый новый кризис общества (1998, 2008, 2014 гг.) демонстрирует тенденцию усиления общественных страхов, в том числе и перед временем.

Фактор анонимности становится определяющим в развитии и взаимодействии общественных, особенно темпоральных страхов. В период кризиса происходит дезориентация в ценностном пространстве, разрушаются адаптивные способности индивида и группы к социальным преобразованиям и, в конечном счете, устойчивые связи с обществом. Расшатываются и привычные темпоральные структуры: темп, скорость, временные границы социальных процессов и деятельности. Сама по себе динамика социального времени вызывает у людей страх, поскольку в такой ситуации теряется способность и возможность перспективного видения, рвется преемственность поколений и традиций, обостряются витальные страхи (страхи болезней, смерти, судьбы).

Т. В., 65 лет, преподаватель вуза: *«Опасения у меня следующие. Грустные, конечно, мысли-то. Мне нужно беречь здоро-*

вье, как можно дольше вести активный образ жизни. Но то, что неизбежно, то должно случиться. Не надо испытывать иллюзии, что можно потратить большие деньги на оздоровление, и все будет хорошо. Думаю, что не надо тратить на это семейный ресурс, а надо заниматься душой. Мне бы не хотелось оставлять в одиночестве супругу, так как ей не справиться с ее состоянием здоровья. Я думаю, что сын у меня достаточно разумный и, конечно, сделает все правильно. Но опасения такие есть. Не будем о грустном».

Существуют постоянные источники страхов, связанные с фундаментальными проблемами человеческой жизни, – субъективные переживания возраста, биографические события. По данным исследования М. К. Горшкова, россияне, чувствующие себя уверенно, с позитивным мироощущением, в большинстве своем (59 %) связывают динамику собственного мировосприятия с изменениями в своем Я, собственном внутреннем мире. То есть изменения, которые происходят в их мироощущениях, связываются просто с течением времени, обычными биографическими изменениями. Только 33 % в этой группе объясняют динамику своего восприятия окружающего мира внешними причинами (переменами в жизни общества, страны). Вторая группа россиян – с высоким уровнем тревожности – объясняет свое настроение с точностью «до наоборот»: на первое место ставятся внешние источники страха (47 % опрошенных), а на второе – внутренние (36 %) ²¹⁸.

Основой возникновения социальных страхов могут стать и «привычные» социально-психологические явления – потеря групповой солидарности и доверия, слухи, дефицит информации. Все эти факторы определяют колебания уровня тревожности в обществе в пределах некой нормы. Однако уровень тревожности даже в ситуации «привычности» к страхам резко возрастает в периоды кризиса, которые характеризуются состоянием анонимности и запросом на стабильность. Перемены в обществе обостряют это эмоциональное состояние. 20-летний постсоветский период характеризовался тотальной нестабильностью, которая породила острый страх перемен.

Источники общественных страхов можно увидеть, изучая специфические исторические и ментальные особенности того или иного общества. Историко-психологические, историко-культурологические, историко-политологические исследования показывают, как складываются специфические для России и Западной Европы об-

²¹⁸ Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М. : Альфа-М, 2009. – С. 91.

щественные страхи. Например, в европейской культуре сформировались понимание и страх смерти, отличные от российских. Это страхи индивидуализированные, мистические и в то же время натурализованные. Образным выражением этого страха смерти, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, служат произведения Иеронима Босха²¹⁹. Переживание страха смерти, характерное для традиционной российской культуры, более спокойное и окрашено, как правило, лирическими, возвышенными религиозными чувствами.

Для современного «текущего» общества общественные страхи становятся его сущностной характеристикой. Они обусловлены глобальными трансформациями, когда меняется тип общества. Источником общественных страхов в связи с этим можно назвать принципиальную открытость общества в условиях глобализации, которая усиливает внешние влияния и тем самым повышает нестабильность и неопределенность в социальной системе²²⁰.

Возникновение принципиально новой конфигурации общества приводит к изменению его фундаментальных основ – пространства и времени. Трансформация ранее казавшихся незыблемыми пространства и времени происходит, по мнению Дж. Урри, вследствие радикальных технологических, организационных, коммуникационных инноваций. Они проявляются, во-первых, во внутритерриториальности реализации многих социальных процессов и функций (о «бес-телесности» власти, виртуальном терроризме писали также З. Бауман²²¹, М. Кастельс – об информационном сетевом обществе со сложными пространством и временем – пространством потоков и экстерриториальным пространством²²²). Во-вторых, временные и пространственные дистанции приобретают особые способности сжиматься, растягиваться, скручиваться. Урри говорит о «сворачивании времени и пространства продвинутыми телекоммуникационными и транспортными структурами, где каналы, минуя одни области, соединяют другие плотными в информационном и транспортном отношении “туннелями”»²²³.

²¹⁹ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм : ЭКС-МО, 2006.

²²⁰ Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 5.

²²¹ Бауман З. Текучая современность. – СПб. : Питер, 2008.

²²² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2000.

²²³ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012. – С. 57.

Время истории становится нелинейным, что влечет за собой разрывы в преемственности, параллелизмы, неожиданные возвраты не только к предыдущим этапам, но и к более ранним состояниям (архаизмы). Может быть также, что эти состояния «прорастают» в современном обществе, приобретая псевдоновые формы бытования. В этих условиях для большинства людей страх и тревожность становятся константами эмоционального состояния, а общество переживает рост массовой тревожности и общественных страхов.

Как видим, рассмотрение новой социальности, порождающей качественно новый тип общества, дает понимание глубинной связи общественных страхов с особенностями динамики социального времени и интегрированности страха перед временем в систему общественных страхов в целом.

Выбор стратегии преодоления страха служит индикатором развития личности, а на уровне социальной общности определяет потенциал ее адаптивности и выживания. Все стратегии преодоления страха можно разделить на два типа – активные и пассивные. Пассивные, по мнению У. Бека, возникают в случае, когда в общественном сознании доминирует одновременно безысходность и желание защититься от страха. Это состояние порождает особую форму действия – отрицание опасности и пассивность²²⁴.

Исследование соотношения стратегий активности и пассивности, за которыми всегда стоят их носители – социальные группы, группы социальных интересов, сил, общественные партии, служит лакмусовой бумагой для выявления расстановки сил, зон социальной напряженности и тенденций и направлений их изменений. Поскольку общественные страхи являются инструментом приобретения, поддержания и реализации политической и экономической власти, активность в отношении преодоления страхов сама по себе становится источником страха для носителей этих видов власти. Действия представителей различных структур гражданского общества, политических, культурных, экологических организаций, реализующих активные стратегии, позволяют снизить патологически высокий уровень страха в обществе и обеспечить адекватную адаптацию населения к социальным переменам. Таким образом, изменение уровня страха и распределения его источников и точек концентрации становится важным условием выживания и развития общества.

²²⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.

3.2. Проблема страха перед временем в европейской и отечественной социальной мысли

*Вот говорят – время все изменит,
но всякий раз оказывается,
что приходится все менять самому.
Энди Уорхол*

Бытование различных видов страхов перед временем и их содержание обусловлены социальным и историческим контекстом функционирования культуры, общества или конкретной социальной общности. Первым основанием возникновения или обострения страха перед временем, характерным для всех обществ и исторических этапов, является состояние кризиса, перехода к новой социальной конфигурации или типу социальной системы. Многие исследователи считают, что страх перед временем – постоянный спутник человечества, и он функционирует не в режиме «возникновение – исчезновение», а в режиме «обострение – ослабление». Второе основание для этого вида страха – ценностные ориентации и ценностные отношения, складывающиеся и функционирующие в обществе. Человек боится потерять то, что для него наиболее ценно. Время само по себе является ценным ресурсом и представляет собой важнейший аспект существования других ценностных объектов. Поэтому страх перед временем всегда связан с ценностным измерением жизни социального субъекта.

Таким образом, проблема темпорального страха актуализируется в переломные, нестабильные периоды, связанные с трансформацией культуры и общества. В такое время человеческие страхи видоизменяются и аккумулируются, на смену одним страхам приходят другие²²⁵. Кроме того, исследование социологов показало, что ситуации аномии разрушают социализированные формы страха и возбуждают несоциализированные его формы, что ведет к примитивизации и даже архаизации культуры и социальных отношений²²⁶.

Страх перед временем как целостное явление остается малоизученным, хотя исследования страхов и социального времени

²²⁵ Орехова Л. Г. Социально-философское осмысление страха : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2002.

²²⁶ Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / подред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова [Электронный ресурс]. – URL: gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/18.ph (дата обращения: 29.06.2012).

вообще не новы и попытки их осмысления не раз предпринимались в истории науки. Вслед за А. Я. Гуревичем, который утверждал, что не существует особой «истории смерти», по-видимому, можно говорить, что не существует особой истории страха перед временем. Переживание страха перед временем является элементом различных социокультурных систем, встроено в картину мира, поэтому проследить понимание его обыденным и научным сознанием можно, применяя специальный инструмент, позволяющий вычленивать страх перед временем из общей картины мира или соответствующей научной концепции. Для этого необходимо, по крайней мере, конкретизировать структуру страха перед временем, т. е. определить его виды. Нам представляется возможным выделить в структуре темпоральных страхов следующие их виды: страх перед смертью, страх перед будущим, страх перед судьбой, страх перед забвением, страх потери контроля над временем, страх потери преемственности времен.

Основные этапы осмысления страха перед временем можно проследить по нескольким линиям. Первая связана с развитием концепций социального времени, вторая – с развитием философских, психологических и социологических концепций страха. Третья линия дает представления об отдельных аспектах страха перед временем (страха смерти, страха будущего, страха судьбы), вписанных в исторический и культурологический анализ, который направлен на конструирование картины мира, в том числе темпоральной, характерной для того или иного общества.

Донаучный период осмысления страха перед временем связан с развитием мифологического и религиозного сознания. Обозначим здесь лишь некоторые формы и особенности понимания страха перед временем этого периода. Страх перед временем мог появиться у человека только тогда, когда началось осознание времени как особого явления и появились первые представления о его структуре (разделение на прошлое, настоящее и будущее). В античном мире страх перед временем воплотился в представлениях о Хроносе, пожирающем своих детей, и богинь судьбы, безжалостных и безучастных к человеку. Так зарождается и развивается страх перед конечностью бытия, в конечном счете – страх перед смертью и судьбой.

Религиозные системы включают в себя представления о времени и страхе перед ним, а также способах его преодоления. В этом отношении религия выполняет двойственную роль: с одной стороны, она формирует страх перед временем, с другой – вырабатывает и предлагает способы избавления от этого страха.

И то, и другое используется как средство регулирования поведения человека. Эсхатология и апокалиптические представления

в христианстве являются сферами формирования и развития страха перед временем и включают одновременно такие его аспекты, как страх перед смертью и страх перед будущим.

В архаичном и средневековом обществах преодоление страха перед временем осуществлялось посредством ритуалов и традиций, которые представляли собой механизмы закрепления и повторения социокультурного опыта и исключения изменений и инноваций. Ритуалы и традиции становились ключевыми элементами культуры, одна из функций которых заключалась в трансляции содержания социокультурной памяти в настоящее и будущее, делая их понятными и предсказуемыми.

В. Э. Шляпентох и В. А. Ядов высказали интересную мысль о связи письменной культуры и времени. Они полагают, что письменная культура сущностно связана с временем, его переживанием и отношением к нему. Именно письменная культура дала людям ощущение преодоления времени, поскольку позволила сохранять прошлое, независимо от свидетелей и непосредственных носителей информации о нем; она также дала будущим поколениям возможность вновь испытать чувства, пережитые предыдущими поколениями²²⁷. Это замечание дает возможность говорить о таком виде страха перед временем, как страх забвения, который преодолевается в устной культуре бесконечным повторением знания, а в письменной культуре снимается возможностью записи и авторитетом письменного источника, порождая историческое сознание и историческое научное знание. Сразу заметим, что современные зарубежные и отечественные историки достаточно часто обращаются к теме исторической памяти и в меньшей степени – к теме забвения.

Как видим, страх перед временем уже в древности и средневековье приобретает те устойчивые формы, которые сохранились и по сей день: это страх перед будущим, страх перед судьбой, страх перед смертью, страх перед забвением. В каждую новую историческую эпоху и в каждом обществе эти виды страха перед временем наполнялись собственным содержанием и спецификой.

Основой страха является пессимизм (равно как и наоборот, основой пессимизма может быть страх). В связи с этим преодоление страха перед временем способствует появлению концепций времени, лишенных пессимизма и финалистских настроений. Примерами могут служить прогрессистские концепции линейного времени и истории, сформировавшиеся в рамках идеологии Просве-

²²⁷ Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова...

щения. Они содержали идею постоянного совершенствования человека, культуры, общества, утверждали веру в человеческие разум, силы и возможности. Достаточно привести известное высказывание Спинозы о том, что мудрость человека состоит в размышлении не о смерти, а о жизни.

Новая волна пессимистического мировидения наступила в конце XIX – начале XX в. Именно с этого момента страх перед временем начинает осмысливаться в европейской философии как особая проблема. Предпосылками формирования этих настроений и содержательного наполнения страха перед временем в новом качестве становятся следующие моменты.

Во-первых, это время становления европейского индустриального общества и формирования кризисных тенденций, которые достигнут своего апогея в XX в. Но уже сейчас, в конце XIX в. философское провидение говорит о кризисе западноевропейской культуры и общества. Западная система ценностей теряет статус абсолютного идеала. Ее состояние расценивается не как расцвет, а как закат.

Во-вторых, начало века омрачилось Первой мировой войной и тремя революциями в России, которые замкнули на себе многие социальные, культурные, исторические процессы и на десятилетия определили развитие и этой страны, и Европы в целом. Они стимулировали социальную апатию и мировоззренческий пессимизм, проникшие в массовое сознание и определившие характер социальной и философской мысли этого периода.

Предтечей философского пессимизма XIX и XX вв., мыслителем, в чьих работах категории смерти, времени и страха занимают значительное место, был датский философ С. Кьеркегор. В своей концепции, изложенной в книге «Страх и трепет», он различал обычный страх-боязнь (Furcht) и неопределенный безотчетный страх-тоску (Angst)²²⁸. Первый вид страха испытывают люди и животные перед конкретными предметами и обстоятельствами. Источником второго вида страха, который присущ только человеку, является знание о том, что он не вечен. Это одновременно страх и перед неизвестным будущим, которое неумолимо наступит со временем. Кьеркегор считал, что в страхе перед конечностью своего существования человек оказывается перед выбором своего отношения к смерти, и в возможности этого выбора проявляется свобода человека.

Другим идеологом философии пессимизма можно считать А. Шопенгауэра, который сформулировал проблему «истинности»

²²⁸ Кьеркегор С. Страх и трепет. – М. : Республика, 1993.

смерти, «подлинности» небытия, понятого как небытие вечно живущей Воли, и этот взгляд сменил традиционный для европейской культуры вопрос об истинной жизни. Сама жизнь была объявлена предельным воплощением всякой неистинности.

Ф. Ницше противопоставил оптимизму просвещенческой идеологии свою антиутопию, представленную в книге «Так говорил Заратустра», идеях «воли к власти» и «вечного возвращения». Смерть для него – не аморфное существо, а катализатор действия, побуждающий человека напрягать все жизненные силы. Интересно высказывание Ницше о «демоне времени»: «Люблю ли я прошлое? Я уничтожал его для того, чтобы жить. – Люблю ли я настоящее? Я отворачиваюсь от него для того, чтобы быть в состоянии жить»²²⁹.

Философия целой плеяды других европейских и российских мыслителей, в том числе О. Шпенглера, А. Бергсона, Э. Гуссерля, Л. Шестова, Ф. Достоевского, подготовила почву для более полной и глубокой разработки темы страха перед временем в различных ее аспектах, осуществленной в экзистенциализме и фрейдистском психоанализе.

М. Хайдеггер развил кьеркегоровскую идею экзистенциального страха (книга «Бытие и время»). Главный вопрос философии немецкого мыслителя – это существование одинокого, внутренне изолированного индивида и поиски такого способа бытия, в котором наиболее полно раскрывалось бы его существование. По Хайдеггеру, таким способом является страх перед внешним враждебным миром и силой, толкающей существование человека к концу. В конечном счете, это есть страх перед смертью, раскрывающийся в ее ожидании между рождением и уходом из жизни. Из этого вытекает, что учиться жить – это значит учиться и умирать. Именно в этой ситуации страха перед смертью человек понимает свое существование. Осознавая смерть и страшась ее, человек ощущает себя живым. От человека не зависят ни начало, ни конец его существования, он полностью подвластен судьбе, она управляет человеком, но именно в этом раскрывается человеческая природа, его отличие от животных²³⁰.

Человек, преследуемый страхом перед смертью, спасается в обществе, растворяясь в нем и утешаясь мыслью, что все остальные люди тоже смертны. И все же смысл существования человека – в его одиночестве. Смерть человек переживает в одиночку, за него никто не может умереть – это та ситуация, когда не спасает даже «бегство в общество».

²²⁹ Ницше Ф. Злая мудрость. – М.: Триада, 1993. – С. 23.

²³⁰ Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 396.

Экзистенциалисты утверждали, что человек должен быть мужественным и научиться жить, осознавая и принимая хрупкость и конечность всего. Таким образом, страх, наряду с совестью, виной, заботой, становится необходимым элементом самоопределения личности. Постоянная готовность к смерти есть, таким образом, один из ответов на невыносимый страх перед неопределенностью будущего.

Для всей экзистенциальной философии характерно понимание времени через человеческое измерение: время человека, в отличие от физического, качественно, конечно и неповторимо. Кроме того, характерно подчеркивание значения будущего, которого человек одновременно ждет и страшится. В экзистенциализме время связано с понятием судьбы, которая раскрывается содержательно в рождении, смерти, любви, отчаянии и раскаянии. Таким образом, с позиций философов-экзистенциалистов управлять страхом перед временем, для того чтобы снизить его давление, напряжение, не нужно и невозможно. Это состояние естественно для человека и даже необходимо для его самоопределения.

Ж.-П. Сартр связал страх вообще и страх перед будущим с другим основополагающим понятием человеческого существования – свободой. Он считал, что страх выступает важным фактором свободы. Страх не может полностью овладеть человеком, если он свободен. И способ освобождения он видит в тех решениях и действиях, которые предпринимает человек.

Другое философское направление, в котором категория страха является одной из ключевых, – психоанализ. Психоаналитическая философия (З. Фрейд, Ф. Риман) анализирует рациональный страх (перед внешней опасностью) и иррациональный страх как результат не реализованных жизненных стремлений и желаний. З. Фрейд ввел понятие «инстинкта смерти» или «влечения к смерти» для обозначения бессознательной тенденции к саморазрушению²³¹. Для Фрейда источником различных страхов является сам человек, его бессознательное, поскольку в нем сконцентрировано разрушительное начало.

Ф. Риман писал о неизбежности страха в жизни человека и невозможности избавиться от него: «Надежда на возможность прожить без страха остается иллюзией; он содержится в нашем существовании и является отражением нашей зависимости и нашего знания о неизбежности смерти»²³². Появление страхов, таким об-

²³¹ См.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М.: Фолио, 2014; Он же. Недовольство культурой. – М.: Фолио, 2013.

²³² Риман Ф. Основные формы страха / пер. с нем. Э. Л. Гушанского. – М.: Алетея, 1999.

разом, связано не с регрессом или прогрессом общества, а с самим существованием человека. Источником страхов является смерть. Поскольку смерть никуда не исчезает, то не могут исчезнуть и страхи. Они как бы пульсируют: обостряются и утихают, на место одних приходят другие, меняется объект страха.

В неофрейдизме проблема страха наиболее ярко представлена в работах Э. Фромма²³³ и К. Хорни²³⁴. Рассматривая противоречивость человеческого существования в обществе, они утверждают, что появление страха связано с рассогласованием способов человеческого бытия и противоречий во взаимоотношениях между людьми, которые порождают у индивида чувство базальной тревоги, неуверенности, страха.

В психоанализе страх понимается как механизм социализации, который позволяет ограничивать те проявления личности (ее свойства, действия), которые противоречат культурным и социальным нормам. Иначе говоря, человек должен страшиться того, что входит в противоречие с культурой. Психоанализ показывает, что человечеству не следует вовсе отказываться от страха и от культуры, даже если она носит репрессивный характер. В то же время исследования Хорни продемонстрировали, что страх может быть очень сильным механизмом подавления и регулирования, приводить к деформации личности и порождать неврозы²³⁵.

Философские школы и течения первой половины XX в. связали понятия времени, страха, смерти и войны (не забудем о двух мировых войнах в этот период). Их интерес был направлен прежде всего на изучение страха смерти и способов его преодоления. Остальные модусы страха перед временем (судьбой, будущим, историей), хотя и затрагиваются в связи с главным вопросом, но оказываются вторичными. Примечательно, что если для предыдущих эпох страх времени был связан с внешними силами и обстоятельствами, то в XX в. источником страха становится не только внешний мир (войны как главное его порождение), но и сам человек. Анализ страха перед временем, таким образом, перемещается с макроуровня на микроуровень, оказывается завязан на человеке.

Вторая мировая война и трагедия Хиросимы, угроза ядерной войны во второй половине XX столетия не позволили снизить уровень тревожности и пессимизма в обществе. Однако острота смыс-

²³³ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. – М. : АСТ, 2004.

²³⁴ Хорни К. *Невротическая личность нашего времени*. – М. : Прогресс, 2000; Она же. *Женская психология*. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993.

²³⁵ Хорни К. *Невротическая личность нашего времени...*

ложизненных поисков экзистенциализма несколько сгладилась. В 1960–1970-х гг. сохранилась актуальность темы смерти и страха перед ней. Только теперь к ней обратились историки и культурологи. Результаты их научных поисков нашли отражение в известных сочинениях Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти», М. Вовелля «Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней», А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Большой вклад в развитие этой темы сделали представители французской школы Анналов, изучавшие ментальность людей прошлых веков. Ярким и в то же время спорным было исследование отношения к смерти Ф. Арьеса.

Он отмечает, что люди раннего Средневековья не боялись смерти, она была явлением обыденным, не вызывающим особого страха. Не случайно он называет это время эпохой «прирученной смерти». Дело в том, что человек не воспринимал свою смерть как личное дело или трагедию. Подготовка к смерти и сама смерть были обставлены ритуалами, включающими широкий круг людей – родственников, представителей общины и т. д. Еще одним свидетельством отсутствия страха перед смертью и миром мертвых было близкое расположение к поселениям кладбищ.

Современность Арьес называет эпохой «перевернутой смерти», для которой характерен страх перед смертью и умиранием. Смерть исключается из коллективного сознания, люди избегают упоминания и разговоров о ней. Молчание о смерти становится способом преодоления страха перед ней в западном обществе.

Вовелль и Гуревич указывают на ошибочное распространение представлений о смерти на всех представителей общества, которое присутствует в сочинении Арьеса. Арьес считал, что существует общая для всех ментальность, в то время как Гуревич уверен в существовании различий между ментальностью представителей высших сословий и бедняков. Это, действительно, важное замечание, поскольку носителем страха перед временем с точки зрения социологии выступает не аморфное образование – общество, а конкретная социальная группа, чье мышление, социальные представления, мировидение задаются множеством параметров их специфической жизнедеятельности.

К теме смерти обращались и другие европейские историки и культурологи, которые настаивали на плодотворности изучения явлений социально-психологического порядка в корреляции с социальными отношениями. Некоторый материал для понимания изучаемого феномена дают работы медиевистов М. Блока и Ж. Ле Гоффа, а также Й. Хейзинги.

Исторические и культурологические исследования ментальностей прошлых веков, безусловно, были вызваны актуальными вопросами современности. Через призму сравнения различных ис-

торических эпох исследователи пытались осмыслить страхи, возникшие в послевоенном обществе. Наряду со страхом смерти на одно из первых мест выходит проблема страха забвения и исторической памяти.

В 1960-е гг. в зарубежной науке наметился перелом в интересе к определенным модусам социального времени. Необходимость преодоления ужасов Второй мировой войны и последствий тоталитарных режимов потребовала переориентации на будущее, что послужило причиной формирования футурологии. Футурология складывалась как научное направление исследований будущего и имело междисциплинарный характер. Анализ и прогноз осуществляли представители естественных (геология, биология), точных (физика, геофизика), экономических, социальных наук. Самыми известными явлениями, порожденными данным направлением, были доклады и заседания Римского клуба, книга А. Тоффлера «Футуршок», труды Б. де Жувенеля и Д. Белла, появление глобалистики.

Первый период развития футурологии (1960-е гг.) породил эйфорию насчет будущего развития человечества. Но уже через десять лет, после выхода в свет «Футуршока» и первых докладов Римскому клубу, общественность снова испытала состояние пессимизма, однако теперь в отношении будущего. И этот пессимизм породил множество страхов, связанных с переживанием будущего и подготовкой к нему. Вновь возникает потребность в объяснении темпорального страха и поиске новых способов его преодоления.

Начинается активная разработка проблем социального времени на основе самых разнообразных методологических подходов. Все эти поиски направлены на обретение возможности управлять временем, понимать его объективный характер и закономерности. Доминировало сайентистское понимание времени, лишенное пессимистических установок в отношении времени человека. В психологии и социологии складывались гуманистические представления о возможностях человека, разворачивании его сущностных сил.

Первый, особенно популярный в отечественной науке, – философский анализ социального времени основывался на концепции времени, выработанной в естествознании (работы А. Грюнбаума, Ю. Б. Молчанова, А. М. Мостепаненко, Г. Рейхенбаха, Дж. Уитроу), в которых время рассматривалось как всеобщая форма координатии изменяющихся состояний объектов. Социально-философская мысль этого периода перенимает стремление исследовать объективные стороны темпоральности социальных объектов и поэтому в меньшей степени интересуется ее социально-психологическими аспектами, такими, как эмоциональное переживание времени, событий, чувство времени, страх перед временем.

Другой подход, реализованный в психологии, философии и социологии, сформировал гуманистическую перспективу в понимании смысложизненных проблем, связанных со временем. В этом ряду стоят исследования отечественных философов и социологов Л. Н. Когана, М. С. Кагана, Н. Н. Трубникова, В. Н. Ярской и др.

Интересным социальным явлением этого периода можно считать появившийся в конце XX в. страх потери преемственности времен. Концепция презентизма французского исследователя Ф. Артога показывает, что в восприятии времени наступил резкий перелом. Особенностью современного восприятия времени становится подавление настоящим прошлого и будущего и «изоляция» настоящего. Типично признание распада связи времен, разрыва непосредственной преемственности между прошлым, настоящим и будущим.

Информационное общество развило до логического предела идею социального времени как важнейшего ресурса или капитала, принадлежащего индивидам, группам или организациям, и превратило ее в основание стратегии преодоления темпорального страха. Этим ресурсом человек в состоянии управлять, распоряжаться, обменивать, продавать. Его можно также потерять, упустить, неправильно распределить. Истоки этой идеи обнаруживаются в работах К. Маркса, который исследовал время как меру стоимости и меру труда.

Во второй половине XX в. она легла в основу многочисленных исследований социологов и экономистов, посвященных бюджету времени трудящихся, величине, структуре, содержанию рабочего, вне рабочего и свободного времени (работы Ж. Дюмазедье, Л. Зайверта, В. А. Артемова, Э. А. Елизарьева, Г. Е. Зборовского, Г. П. Орлова, В. Д. Патрушева, Г. А. Пруденского и др.). Огромную роль в развитии данного подхода в конце XX в. сыграла концепция социальных полей и символического капитала П. Бурдьё.

Социальные предпосылки такого понимания времени были связаны с развитием индустриального общества, в котором время оказалось вторым пространством (вслед за первым – физическим) как сферой осуществления материального производства. Ценность времени в условиях индустриального производства постоянно росла. Временные ресурсы потребовали строгого учета и рационального использования. В связи с этим появился тайм-менеджмент, включающий искусство и приемы экономии времени и превращения его в материальные ценности. Выросло значение планирования как особой функции управления. Создаются стратегии планирования и организации времени социальных групп, организаций, территорий, общества. Управление временем (изначально категория экономическая) стало использоваться в практической психологии для повышения эффективности личности. Такой подход контрастирует с

фатализмом, чувством бессилия перед бегом времени. Вот пример высказывания одного из наших информантов.

С. Н., 40 лет, преподаватель вуза: *«Я всегда ставлю цель и иду. Многие мне говорят: что ты так далеко загадываешь? Я не загадываю, а иду к своей цели. Многие люди плывут по течению, а я все цели ставлю на три, пять, семь лет. Мне это помогает достигать успеха».*

Все выше обозначенные особенности и противоречия современного общества были обоснованы в концепциях информационного общества Д. Белла и М. Маклюэна, общества риска У. Бека, теории социальных полей и символического капитала П. Бурдьё, футурологических работах О. Тоффлера и нашли свое подтверждение в эмпирических исследованиях современных психологов и социологов.

Страх исследуется не только как психологический, но и как социокультурный процесс. Проблема социального страха и попытки его осмысления в различных аспектах, в том числе и темпоральном, в современных условиях предпринимались Т. И. Заславской, В. А. Андрусенко, С. Я. Матвеевой, В. Э. Шляпентохом, В. Кавториным и др. Одно из интересных и масштабных исследований, посвященных страху перед будущим, воплощающемся в формировании катастрофического сознания, было проведено В. Э. Шляпентохом, В. А. Ядовым и В. Н. Шубкиным. Оно показало, что страх и боязнь грядущих катастроф характерны для всех мировоззренческих систем, которые исходят из представлений о пассивности человека перед лицом внешних сил.

Вообще исследования социальных страхов и их роли в жизни общества немногочисленны, и они в основном появились в последние годы. Примечательно то, что отечественные исследователи страха анализируют специфику проявления социальных страхов в России, их причины, воспроизводство и способы преодоления.

В конце XX – начале XXI в. в исследованиях времени и страха перед ним качественно изменился угол зрения. Смысложизненная проблематика стала сочетаться с прагматизацией и поиском средств преодоления страха перед временем. Новое качество культуры и новые технологии дают возможность овладения как объективным, так и субъективным временем. По мнению исследователей, время перестало быть неконтролируемым параметром общественного бытия, фатумом, роком, чему способствует выработка новой схемы темпоральности, резко отличающаяся от концепций эсхатологического типа²³⁶. Впрочем, социальной действи-

²³⁶ Хворостьянова Т. А. Социоментальное настоящее как темпоральная характеристика человеческого бытия : дис. ... канд. филос. наук. – Магнитогорск, 2005.

тельности есть что противопоставить этому теоретическому взгляду, в частности, распространение религиозных сект, исповедующих эсхатологические взгляды, рост самоубийств и танатофилии в их самых различных изощренных проявлениях, паранаучный интерес к жизни после смерти и массовое обращение к практикам гадания и астрологии. Все это свидетельствует о неизбывности страхов перед временем и сохранению их в массовом сознании современников.

3.3. Надежда – квинтэссенция оптимизма

*Наша надежда на бессмертие
не порождена ни одной
из существующих религий;
наоборот, почти все религии
порождены этой надеждой.*

Роберт Грин Ингерсолл

В современном обществе, состояние и развитие которого описывается понятиями социальной турбулентности, алармизма, катастрофичности, актуализируется потребность в позитивных смысложизненных основаниях. В связи с этим особое значение приобретает исследование феномена надежды, выступающего неотъемлемым атрибутом субъективного переживания действительности и регулятором социального поведения человека.

Как духовное явление надежда интересовала религиозных мыслителей (А. Аврелий, Ф. Аквинский, М. Лютер), в научном плане, как социально-психологическое явление, – прежде всего философов и социальных психологов (Э. Блох, Г. Марсель, Л. Бовенс, Кл. Квинн, О. С. Разумовский). Несмотря на то, что надежда является феноменом социальным, она практически не изучена социологами. Мы попытаемся представить обоснование необходимости и возможности социологического анализа надежды и сделаем это в контексте концепции динамики социального времени.

Переживание человеком темпоральности своего существования всегда вызывает ряд эмоциональных и когнитивных состояний, от которых зависит выбор поведенческой стратегии. Память о прошлом может вызвать чувство вины, сожаления, ностальгию. Переживание настоящего может сопровождаться острым чувством скоротечности жизни или удовлетворенности и счастья от наступления определенного события. Приведем одно из высказываний наших собеседников.

Е. И., 39 лет, преподаватель вуза: *«Бывает иногда страх, конечно. Я до сих пор болезненно вспоминаю ситуацию перед*

защитой диссертации. Это было очень тяжелое время. Это ощущение полнейшей неопределенности. Этот критический момент совпал со смертью отца, когда я впервые осознал, что что-то не успеваю. Это был 2004–2005 год. Я остался без главной поддержки, потому что он сильно поддерживал меня в научной деятельности. Я тогда сильно боялся. После этого страх пошел как-то на спад. Защита диссертации сильно помогает успокоить нервы (смеется). А вот в преддверии таких рубежных событий страх возникает. Я не сказал бы, что такие же страхи у меня возникали в последнее время. Есть страх постоянный за детей. Куда они придут, что с ними будет. Вот о них, их будущем я больше думаю, чем о себе. Но это неизбежно.

Я не назвал бы себя оптимистом. Как, помню, говорили на занятиях английского: «Ай эм нот пессимист, ай эм реалист» (смеется). Надеюсь, что дети будут счастливы, а я буду рядом с ними в этот момент».

Самоопределение в отношении будущего сопровождается возникновением целой системы социальных чувств и ожиданий – предвосхищения событий или состояний и условий жизнедеятельности самого социального субъекта и значимого для него социального окружения: индивидов, групп, общностей, институтов, с которыми он взаимодействует. Ожидания в отношении будущего представляют собой сложное образование, включающее знание того, что произойдет, оценку вероятности наступления этих событий, эмоциональное отношение к ним, установки и намерения действовать определенным образом. Объектами ожиданий могут стать самые разные аспекты жизнедеятельности – экономическое положение, личная и семейная жизнь, профессиональный статус, судьба страны и пр. Приведем несколько примеров из наших интервью.

Т. В., 65 лет, преподаватель вуза: «Надежда всегда есть. Я надеюсь, во-первых, на разумность своих детей, что они правильно поступят, примут правильное решение в любых ситуациях. Надеюсь дожить до 20-летия внука. Ему сейчас шестой год. Я надеюсь выдать замуж старшую внучку, ей сейчас 21 год. Я надеюсь, что она вновь поступит в институт. Я надеюсь, что дочери будет легче со временем со своими детьми, а зять поправит здоровье».

Т. Г., 60 лет, преподаватель вуза: «Опасаясь потери близких, потери себя. Чего еще можно опасаться? С чем я связываю свои опасения? С тем, что не все в жизни мне подвластно. Как оцениваю то, что мои опасения сбудутся? Фифти-фифти. Я буду стараться, а как... Моя дочь живет в другой стране, с которой наша страна сейчас в контрах. Я понимаю, что не

могу изменить внешнюю политику России и Америки. Как Бог даст. Надеюсь, что здравый смысл возобладает и у той, и у другой стороны, и мои близкие останутся живы и здоровы. Какова вероятность того, что отношения России и Америки улучшатся? Фифти-фифти».

Ожидания будущего сопровождаются такими эмоциональными состояниями, как надежда, страх или безразличие. Названная триада встроена в систему социальных отношений и социально-психологического регулирования поведения, соотносится с ценностями, интересами, стереотипами. Страх, надежда и безразличие в обыденном сознании и научном дискурсе связываются с различными модусами социального времени. Например, надежда ориентирована на будущее, но одновременно основана на оценке прошлого и настоящего. Страхи, вызванные динамикой социального времени, приобретают форму страха перед будущим, страха воспоминаний, страха неуспешности, отражающим негативную оценку соответствия требованиям современности. Надежда, страх и безразличие являются своеобразными результатами «темпорального самоопределения» индивида или группы. Различия названных социальных эмоций проявляются в оценке степени благоприятности и полезности для человека или общества возможного сценария будущего.

К. Л., 28 лет, менеджер: «Опасения есть всегда. Все зависит от самого себя. Если не делать ничего, наверно, все будет плохо. Я спокойно могу влиться в любую сферу. Может быть, это будут не те деньги, не тот распорядок работы. Но все равно что-то будет. А надежда умирает последней. Планов много, но они исполняются медленно, и не от меня это все зависит».

В. И., 39 лет, менеджер: «В ситуации быстрых изменений я, естественно, чаще испытываю неуверенность. Больше, наверно, негативные эмоции. В первую очередь от неуверенности, справлюсь ли я с этими быстрыми изменениями, и к чему это приведет. Ой-ой-ой, ай-ай-ай (смеется). Есть небольшой страх, испуг за то, как я с этой ситуацией справлюсь, получится или не получится у меня сделать так, как хочется. Я, наверно, не позитивный в этом плане человек. Но потом я беру себя в кулак. Ну, а куда деваться?»

Не знаю насчет опасений. Да, в принципе, я наверно опасаясь потерять привычное окружение, то, что вокруг меня есть. Почему у меня возникают такие предчувствия? Не знаю, почему-то боюсь потерять.

Я надеюсь все-таки не потерять интерес к жизни, потому что он движет мною. Чтобы не опустить руки в старости, превратиться в растение. И даже сейчас чего-то желать, хотеть, жить интересно».

В надежде отражен оптимистический прогноз ожидаемого будущего. Она несет положительную оценку предстоящих событий и имеет различную степень выраженности и уверенности в реализации, более или менее четкие и понятные очертания и содержание. Выступая квинтэссенцией оптимизма, надежда выполняет очень важные социальные и психологические функции, помогающие преодолеть кризисные состояния. Например, по мнению Л. Е. Кесельмана и М. Г. Мацкевича, объем социального оптимизма коррелирует с адаптивным потенциалом индивида и общества и в условиях его трансформации определяет успех и степень завершенности преобразований²³⁷. В то же время надежда и оптимизм, несмотря на их тесную взаимосвязь, – различные явления, прежде всего в темпоральном аспекте. Оптимизм как разновидность социального настроения связан прежде всего с удовлетворенностью сегодняшним положением дел, в терминологии авторов, актуальным благополучием²³⁸. Надежда выступает видом социальных эмоций и всегда ориентирована на будущее. Приведем развернутое мнение одной из наших информанток, ведущей семейный бизнес.

С. Н., 27 лет, предприниматель: *«Больше испытываю негативные эмоции, когда все вокруг меняется. Вначале испытываю легкий испуг, поскольку не знаю, как можно повлиять на ситуацию. Мне надо остановиться и понять. Сразу, в тот же момент не понимаю, что делать. Первоначально это происходит на уровне бессознательного.*

Сначала это было из-за курса доллара, смотрю, а уже 35, 36, 37, 40. Расстроилась, а потом думаю: ну, что делать. Буду не косметикой заниматься, буду заниматься чем-то другим, связанным с внутренним рынком.

Надежда обычно связана с планами на будущее. Из больших надежд у меня есть планы поменять квартиру родителям на большую. Мама у меня советского воспитания, она консерватор. Она, например, боится того, что у меня нет постоянной работы, как я буду жить, как я буду пенсию получать. А я ей говорю: вот ты работала, у тебя пенсия 6 тысяч, ты на нее сможешь прожить? Только на квартплату хватит. На эту пенсию нельзя надеяться. В будущем вообще не понятно, как будут пенсию платить. Главное, не заслужить пенсию, а заработать денег, чтобы ты смог жить спокойно и

²³⁷ Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Межпоколенческий сдвиг индивидуального оптимизма/пессимизма в современном российском обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 2.

²³⁸ Там же.

без пенсии. Мама консерватор: ей нужна официальная работа, стабильная зарплата...

Есть надежды на наш бизнес, который мы с сестрой развиваем. У меня планы грандиозные. Развить его в большое производство, чтобы другие объемы производить, чтобы было больше клиентов, выйти за пределы города. Большие у меня надежды на бизнес и на личную жизнь».

Структура и содержание социальных эмоций меняются в зависимости от динамики социального времени, которая проявляется и конкретизируется в развитии различных процессов – экономических, политических, культурных, демографических. Изменение выраженности надежды определяется и другими темпоральными факторами – возрастом человека, этапом жизненного пути, принадлежностью к определенному поколению – генерации, скоростью изменений, происходящих в жизни конкретного субъекта и его окружения. По мнению И. С. Мансуровой, выраженность надежды зависит от субъективной значимости будущих и прошлых событий. Она отмечает, что «выраженность эмоционально-оценочного, когнитивного и мотивационно-поведенческого компонентов надежды сопряжена с количеством, временем ретроспекции и антиципации жизненных событий»²³⁹.

Надежда встроена в систему темпоральных регуляторов на всех уровнях социальной реальности. Ее содержание и направленность позволяют обратить внимание и сосредоточить усилия на актуальном моменте жизнедеятельности, повышая его вес и значимость. Вместе с тем надежда может ориентировать на преодоление сегодняшнего дня и направлять активность в будущее. Она обладает потенциалом инициировать ускорение или замедление социального времени, выступать регулятором его динамики. Нужно отметить, что это одна из универсальных функций социальных эмоций, которая касается и социальных страхов. Они, так же как и надежды, влияют на восприятие социального времени, отношение к его проявлениям и использованию.

Вторая особенность надежды как темпоральной категории, наблюдаемая во многих национальных культурах, – это ее временная безграничность²⁴⁰. Надежда «растягивает» временные горизонты существования человека, снимает временные границы осу-

²³⁹ Мансурова И. С. Особенности выраженности надежды в связи с удовлетворенностью жизнью и оценкой значимых событий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2008.

²⁴⁰ Жогина Н. Н. Национальная специфика репрезентации концепта «надежда» в паремиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Филология». – 2002. – Вып. 4 (12).

ществления планов и ожиданий. Об этом говорят пословицы, бытующие в русском и английском языках и имеющие примерно одинаковое значение: «Счастье скоро покидает, надежда – никогда», «Вся жизнь впереди, надейся и жди», «Hope springs eternal in the human breast» («Надежда вечно прыгает в душе человека») ²⁴¹.

Содержание и выраженность надежды связаны с социальными характеристиками ее носителя – потребностями, интересами, ценностями и пр. Надежда может быть смысложизненным ядром системы ценностных ориентаций – в противовес пессимизму и страху, как это свойственно, например, некоторым конфессиональным группам. Так, в христианстве надежда является одной из самых значимых добродетелей, наряду с верой и любовью, и противопоставляется унынию как тяжкому греху. Христианство вообще использует два очень сильных инструмента, позволяющих регулировать поведение людей как на индивидуальном, так и групповом уровне, – это страх и надежда. Именно надежда «скрепляет» религиозную картину мира, компенсируя мощное негативное воздействие страхов, на которых основана христианская идеология Конца света ²⁴².

Надежда является общечеловеческой ценностью, однако в реальном бытовании приобретает национально-специфические черты. В частности, З. В. Сикевич считает, что устойчивость надежды как одной из доминант общественного сознания является характерной чертой россиян, несмотря на фиксируемое в последние годы (середина 1990-х. – П. А.) эмпирическими исследованиями снижение оптимизма и удовлетворенности жизнью в различных социальных группах ²⁴³. В этом нет ничего удивительного, поскольку русская культура темпорально ориентирована не на ценность настоящего (в отношении сегодняшней жизни оптимизм россиян снижается), а на ценность прошлого и будущего (с прошлым связаны представления о «золотом веке», а с будущим – надежды на лучшую жизнь).

Приведем отрывок из интервью, которое было взято летом 2014 г., как раз в период усиления внешнеполитической и внешнеэкономической напряженности. В своих ответах информант (человек очень осведомленный в экономическом и политическом планах) тем не менее демонстрирует отсутствие опасений.

²⁴¹ Жогина Н. Н. Указ. соч.

²⁴² Ахметова М. В. Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. – М.: ОГИ: РГГУ, 2010.

²⁴³ Сикевич З. В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования. – 1999. – № 1.

К. Д., 44 г., предприниматель: *«На сегодняшний день я спокоен. Ни в одной сфере никаких опасений, страхов нет. Опасения, страхи – это, на что ты не можешь повлиять. Что такое страх? Это то, чего нет на самом деле. А если что-то произошло, то чего этого бояться? Это скорее животное состояние – страх. Если человек планирует, то бояться нечего. Бояться надо того, на что ты повлиять не можешь. Это может касаться, например, здоровья. Уже возраст такой, что утром встаешь, там в спине защемило, тут... В физиологии есть опасения (улыбается). А по работе, бизнесу у меня нет ни опасений, ни других негативных эмоций. А надежды самые радужные. Бизнес развивается, растет. Мы с партнером понимаем друг друга. Есть только уверенность, что все будет хорошо».*

Зависимость содержания и формы проявления надежды как феномена национальной культуры отмечает и О. С. Разумовский. По его мнению, представители стран «третьего мира» лишены социальной алармизма, который противопоставит надежде как ценностной ориентации, в силу культурных традиций, условий жизни, верований ²⁴⁴.

Надежды зачастую связаны со стереотипами: они могут быть результатом действия стереотипных представлений, либо сами обладают возможностью усиливать их действие. Связь социальных стереотипов и надежды не только функциональная, но и содержательная: и в том, и в другом феномене имеются серьезные когнитивные деформации; и в том, и в другом высока доля необоснованной, искаженной информации и присутствует не критическое ее восприятие.

Взаимосвязь надежды и других элементов сознания (например, ценностей и мотивов поведения) является чрезвычайно интересным индикатором социокультурного состояния той или иной социальной общности или общества в целом. Надежда, обладая потенциалом регулирующего механизма, запускает процесс переоценки ценностей и повышения социальной активности, инициирует поиск новых способов адаптации и достижения целей. Таким образом, посредством возникновения, поддержания и усиления надежды возможно преодоление аномического состояния общества.

Говоря о влиянии различных социальных факторов на возникновение и формирование надежды, следует обозначить еще одну характеристику ее носителя – социальный статус. Мы полагаем, что маргинальные группы в меньшей степени обладают сформиро-

²⁴⁴ Разумовский О. С. Социальный алармизм // Полигнозис. – 1999. – № 2 (6).

рованной системой социальных ожиданий и соответственно – надеждами. Основой надежды является память: именно на базе имеющегося опыта, обобщенного, «просеянного» через сознание множества людей, поколений формируются представления о будущем и перспективах реализации такого предвидения.

Социальные группы, чей статус устойчив в системе социальных отношений, имеют возможность не только конструировать будущее, но и на основе имеющегося опыта оценить риски и перспективы его реализации. Социальный статус группы или индивида определяет содержание и объекты надежды. Иногда содержанием ожиданий становится надежда на сохранение социального статуса в условиях «турбулентного общества». Маргинальные группы лишены такой возможности в силу неопределенности их настоящего и будущего.

Надежда как особый вид социальных эмоций проявляется в умонастроении (социальном оптимизме), чувствах и различных формах общественного сознания – обыденном, научном, религиозном, национальном и т. д. В соответствии с видами общественного сознания можно выделить различные темпоральные формы бытования надежды. Одна из них – *утопия*, выступающая интеллектуальным продуктом литературно-художественного или социально-философского творчества. Утопия содержит позитивный образ будущего общества – совершенного, справедливого, символизирующего торжество добра, блага для всех людей. При этом исследователи отмечают, что сущностной чертой утопии является желанный, но заведомо несбыточный и не претендующий на реализацию проект будущего²⁴⁵.

Другой формой воплощения надежды является *мечта*, которая, в отличие от утопии, характеризует сознание не конкретного мыслителя или автора, а различных социальных субъектов (социальных общностей) и может иметь анонимный, обобщенный характер (например, «американская мечта», «мечта советского человека»). Мечта, таким образом, выступает продуктом не только индивидуального, но и общностного (группового) сознания и содержит образ желаемого блага, приносящего счастье и пользу.

Особо можно выделить *упования* как разновидность позитивных *эсхатологических представлений*, в которых надежда на спасение, вечную жизнь, избавление от зла и несчастий существует наряду с апокалиптическими образами. Об особенностях и функциях надежды в религиозном сознании мы писали выше, отмечая тесную взаимосвязь страха и надежды как регулятивных

²⁴⁵ Желтикова И. В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. – Орел : Изд-во ОГУ, 2011.

механизмов. Упования, в отличие от мечты, содержат твердую убежденность, уверенность в реализации благоприятных прогнозов. Такой характер упований связан с тем, что в их основе лежит вера, не требующая доказательств истинности и оценки вероятности прогноза. В силу этих обстоятельств социальные функции надежды-упования приобретают особую силу и значимость для социально-психологического самочувствия верующих.

Анализ сущностных характеристик надежды как социального явления позволяет выделить ее важнейшие функции.

1. *Функция адаптации*. В условиях кризиса, аномии высокий уровень надежды сохраняет и повышает адаптационные способности индивида, группы и общества в целом. Надежда заставляет человека более спокойно воспринимать трудную жизненную ситуацию и более выдержанно в ней действовать.

2. *Функция мобилизации*. Надежда задает активную жизненную позицию, стратегию преодоления трудностей, кризиса, мобилизуя для этого психологические, интеллектуальные, физические, социальные силы.

3. *Функция конструирования и гармонизации картины мира*. Надежда формирует жизненные перспективы, соединяет прошлое, настоящее и будущее в непротиворечивое целое, примиряя человека с потерями, неуспехом. По мнению И. А. Джидарьян, оптимизм, вера в будущее, надежда являются характеристиками счастливого человека²⁴⁶, что особенно важно в условиях алармистского общества, функционирование которого определяется множественностью безнадёжных прогнозов будущего в плане социально-экономического, политического, культурного развития, экологии, демографии и т. д.

В истории социально-философской мысли надежда не всегда получала позитивное истолкование. В философии А. Шопенгауэра, Ф. Ницше подчеркивались ее необоснованность и иррациональность, действующие разрушительно на жизнь человека²⁴⁷. Надежда, по их мнению, дисфункциональна, поскольку приносит человеку страдание. Понятно, что речь идет прежде всего об особом виде надежд – несбыточных, необоснованных.

Противоречивость, двойственность в трактовке сущности и значения надежды опять же связаны с пониманием социального времени. Если рассматривать время в хайдеггеровской интерпретации как бытие-к-смерти, то надежда приобретает функции одур-

²⁴⁶ Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб. : Алетей, 2001.

²⁴⁷ Жогина Н. Н. Категория надежды в осмыслении человеческого существования : дис. ... канд. филос. наук. – Кемерово, 2003.

манивающего средства, снижающего остроту страха перед временем.

М. Мамардашвили также рассматривал надежду в контексте своих размышлений о времени. Для него время выступало формой бытия, наполненного жизнью, а не страхом смерти. Надежда, по его мнению, — удел слабых, поскольку ее возникновение порождено необходимостью преодоления страха перед конечностью жизни²⁴⁸. Такое понимание надежды расходится с позицией представителей гуманистической психологии и социологии, для которых она становится средством конструирования социальной реальности как пространства бесконечного развития, повторения, инструментом позитивного самоопределения человека, формирования смысла его жизни.

Далее коротко коснемся вопроса о принципах социологического подхода к исследованию надежды. Первый из них предполагает ее рассмотрение во взаимосвязи с социокультурным окружением и социокультурной ситуацией. Надежда — это не только индивидуально и субъективно переживаемая эмоция. Это когнитивная и эмоциональная составляющая общественного сознания, формирующаяся под влиянием ряда объективных социальных факторов — качества жизни, стабильности политической и экономической ситуации, ценностных ориентаций, образа жизни, удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности. В связи с этим нужно отметить, что надежда как социальный феномен имеет не иррациональный, а рациональный и объективный характер.

Второй принцип социологического анализа надежды предполагает исследование содержания и структуры надежд во взаимосвязи со свойствами и особенностями их носителей. Важной задачей социологического анализа становится выявление степени выраженности этого явления в различных социальных группах и общностях, например, возрастных, поколенческих и выстраивание на этой основе стратегий преодоления неблагоприятных жизненных ситуаций как в плане личностно-биографическом, так и социетальном.

Третий методологический принцип конкретизирует исследование надежды в контексте концепции динамики социального времени и позволяет рассматривать ее как темпоральный феномен. Надежда является порождением временных отношений и временного самоопределения человека, социальной группы, социальной общности, общества в целом. В то же время она сама регулирует

временные параметры жизнедеятельности человека и социальной общности, их темпоральную картину мира. Являясь, с одной стороны, показателем социального самочувствия, надежда, с другой стороны, выступает активным фактором социальной жизни, стимулирующим активность социальных субъектов, определяющим ее скорость, направленность и результативность.

Социальные эмоции в спектре страхов и надежд представляют собой одну из граней зеркала, отражающего характер и особенности социального времени. Складывающиеся на уровне социальной общности темпоральные страхи и надежды определяют ее социальное самочувствие и выбор жизненной стратегии. Тесно переплетаясь с когнитивными схемами восприятия времени, они формируют регулятивные механизмы темпорального поведения людей. Содержание и характер этих социальных эмоций может соответствовать смысловым представлениям о времени, а может входить в диссонанс с ними, порождая у представителей социальной общности противоречия сначала на уровне темпорального сознания, затем и на уровне темпорального поведения.

Социологическое исследование темпоральных страхов и надежд позволит более глубоко осмыслить роль социального времени в жизни людей, понять ключевые механизмы управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей. Именно поэтому в следующей главе книги мы обратимся к понятию темпоральных стратегий поведения, в структуре которых социальные эмоции (страхи и надежды) занимают особое место и выполняют особые функции.

²⁴⁸ Аронсон О. Этика времени у Мамардашвили [Электронный ресурс]. — URL: <http://mamardashvili.com/about/aronson/2.html> (дата обращения: 05.06.2013).

Глава 4

Темпоральные стратегии поведения социальных общностей

- 4.1. Темпоральное измерение жизненной стратегии социальной общности
- 4.2. Теоретико-методологические основы исследования темпоральных стратегий поведения социальных общностей
- 4.3. Структура темпоральной стратегии поведения социальных общностей
- 4.4. Типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей в условиях мегаполиса
- 4.5. Темпоральные «складки» современного города: линейная и нелинейная динамика социального времени горожан

4.1. Темпоральное измерение жизненной стратегии социальной общности

*И поступь и голос у времени тише
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов.*

С. Я. Маршак

В естественных науках (физике, биологии, химии, минералогии) существует особая группа методов исследования объектов в отраженном свете (метод светлого поля, метод темного поля). Эти методы позволяют изучать структуру и свойства объектов, которые нельзя обнаружить иными способами. По аналогии с естественно-научным знанием в социологическом исследовании время – феномен-невидимку – можно увидеть в отраженном свете темпоральных стратегий поведения социальных общностей.

Мы рассматриваем темпоральную стратегию поведения в качестве разновидности жизненной стратегии социальной общности и важного фактора ее формирования. Поэтому прежде всего обратимся к понятию жизненной стратегии социальной общности.

*Жизненная стратегия социальной общности, по нашему мнению, представляет собой главную линию ее поведения и жизнедеятельности, интегрирующую в себе жизненные планы и программы социальной общности для достижения основных целей и преодоления противоречий, характерных для нее*²⁴⁹. Результатом реализации жизненной стратегии является создание такой жизненной ситуации (или преобразование существующей), которая позволяет достичь социальной общности ее оптимального состояния.

Обращение к проблеме жизненных стратегий социальных общностей обусловлено рядом причин. Прежде всего, очевидно, что современное общество становится в высшей степени неопределенным и рискованным, его существование и развитие описываются

²⁴⁹ Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности : монография / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 41.

в терминах турбулентности и непредсказуемости. Связано это как с традиционными факторами – высокими темпами изменений, гетерогенностью, поляризацией (разделением на противостоящие друг другу части, общности, группы), так и новыми – глобализацией, атомизацией, индивидуализацией и пр. В этих условиях не могут сохраняться устойчивые, предопределенные традициями, предыдущим историческим и социальным опытом траектории существования и развития индивидуальной человеческой жизни, размываются, казалось бы, неизменные позиции, границы и векторы движения социальных групп и общностей, хаотичным становится функционирование всего социума. Не случайно наше исследование показало, что в ряде случаев темпоральный опыт родителей не имел никакого значения для формирования взглядов, поведенческих траекторий наших информантов.

З. Т., 22 года, преподаватель вуза: *«Мое понимание времени сложилось само собой... Никто меня специально не учил. В институте я никогда не испытывала дефицит времени. У меня мама не умеет планировать свое время. Я ей давала советы. Правда, она никак не прислушивалась к моим советам. Она слушает только тех, кто для нее авторитет. Мне кажется, что она забыла то, что я ей говорила... У меня в семье есть брат, его воспитывают также, но у него такая же проблема с временем, что и у мамы. Они сидят ночью, потому что днем ничем не занимались».*

Г. А., 36 лет, преподаватель вуза: *«Что-то я читала, на что-то меня наталкивали другие авторы, другие работы, исследования, выводы. Плюс личные наблюдения, когда ты наблюдаешь за своей жизнью, когда ты погружен в нее, внутренний эксперимент, собственный опыт. Пример родных, родителей? Нет. Мой личный опыт».*

П. А., 32 лет, предприниматель: *«У меня было желание работать с временем как ресурсом. Родители не были для меня примером. Это осознание важности времени возникло само».*

Высокий уровень сложности и динамизма социальной среды по необходимости заставляет задуматься о стратегическом видении жизненной ситуации и формировании стратегического способа жизнедеятельности. Это положение актуально как для отдельных людей, так и для целых социальных общностей.

Изменение характера общества, быстрые преобразования, происходящие в нем, вызывают различные реакции у представителей социальных общностей, выраженные в разнообразных стратегиях поведения.

С. А., 49 лет, предприниматель: *«Ускорение очень большое идет, интенсивность. Время сжимается. Сейчас неделя как*

день раньше, раз в 5–6 ускорилось. И не только мы, но дети об этом говорят.

Сильно не успеваю участвовать в жизни детей. У них все расписано. Дочь ходит в рисовальную школу, ей нравится очень. У нее заканчиваются уроки в основной школе и через полчаса уроки в художественной школе. За полчаса надо переодеться, поест и доехать. И она делает это одновременно. И я подъезжаю с одеждой и едой. Она запрыгивает в машину, тут же ест, переодевается и бежит на уроки. Очень весело это. У нас такая веселая жизнь».

Как видим, одни стараются «шагать в ногу с временем», угнаться за его быстрыми трансформациями, даже опередить их, другие, наоборот, стремятся сохранить status quo, ориентируются на традиции, все больше и больше отстают «от века»; одни пытаются самостоятельно найти новые способы решения жизненных проблем, другие «плывут по течению», превращаются в социальных иждивенцев.

Почему так происходит? Как могут взаимодействовать социальные общности, реализующие различные стратегии поведения? Какова динамика социокультурного развития общества в этих условиях? Все эти вопросы актуализируют исследование жизненных стратегий на уровне социальных общностей, живущих в современном городе.

Кроме того, есть еще одна причина, вызывающая необходимость исследования жизненных стратегий именно городских общностей. Связана она с особым характером формирования, развития и функционирования социальных общностей в условиях городской среды, в нашем исследовании – в мегаполисе. Город всегда был и продолжает оставаться источником социокультурной динамики, обусловленной тесными и постоянными социальными контактами, компактным проживанием массовых общностей (которые вступают в интенсивные и многообразные взаимодействия), быстрым развитием техники и технологий, особой структурой социального времени и пространства и др.

Эти обстоятельства вызывают необходимость поиска новых форм социального поведения, одной из которых выступают новые жизненные стратегии. Актуально знание особенностей процесса формирования таких магистральных направлений жизнедеятельности горожан, влияния их разнообразных поведенческих стратегий на изменение тех или иных сфер городской жизни, облик, имидж города, долгосрочные перспективы его развития.

Ключевой термин «стратегия», если посмотреть на его словарные трактовки, имеет два основных аспекта: военный и экономический. Исторически первым, вплоть до XX в., было понимание

стратегии в военном аспекте. В XX в. термин «стратегия» стал очень часто употребляться в экономическом смысле: стратегия фирм, предприятий, стратегическое управление и т. д. Общим для обеих трактовок является определение стратегии как искусства руководства, плана ведения работы, исходя из сложившейся деятельности на данном этапе.

Стратегия – это долговременные, наиболее принципиальные, важные установки, планы, намерения. Это интегрированная модель действий, предназначенных для достижения цели. Содержанием стратегии служит набор правил принятия решений, используемый для определения основных направлений деятельности. Оформилась научная дисциплина, которая занимается проблематикой стратегий деятельности, под названием «стратегическое управление».

Особняком стоят трактовки понятия жизненных стратегий социальных общностей. Можно ли говорить об управлении стратегиями их поведения – так, как говорят о стратегическом управлении организациями, территориями, городами? Корректна ли сама постановка вопроса? Можно ли управлять поведением, тем более не одного человека, а целых общностей? И, если да, то что собой может представлять это управление? Контроль? Предписание вести себя так, а не иначе? Жесткое регулирование поведения? Или «мягкое» регулирование через создание определенных условий, при котором социальная общность может свободно «волеизъявляться»? В этом случае возникает еще одна линия исследования – обращение к самоорганизации такой общности как конкретизации ее жизненной стратегии.

Жизненные стратегии, реализуемые различными социальными субъектами, – проблематика не новая для науки. Однако в сложных и трансформирующихся социальных условиях она приобретает особую значимость, наполняется новым содержанием, что связано, прежде всего, с усилением ее практической ориентированности.

В последние десятилетия, за время которых активно развивалась практика менеджмента, понятия стратегического управления, стратегии развития прочно вошли в качестве ведущего элемента мышления и деятельности экономических субъектов – от индивидуальных предпринимателей до крупных корпораций, а также государственных структур, локализованных в пространственно-временном континууме города.

Понятие стратегии в его экономическом понимании (в данном случае мы не рассматриваем его военную интерпретацию) закрепилось в общественном сознании и продолжает существовать в таком виде. В то же время это понятие «мигрирует», и теперь стратегический подход к пониманию и конструированию моделей поведения и жизнедеятельности охватывает не только экономи-

ческую составляющую. Он является более широким и востребован в современных условиях как способ адаптации и развития не только организаций и территорий, но и особых социальных образований, каковыми являются социальные общности.

Общности выступают базовыми элементами структуры общества, его «генами», их социальные качества определяют все общественные процессы, потенциал развития в целом и пр. Именно поэтому в центре нашего исследовательского внимания оказываются жизненные стратегии социальных общностей. В таком ракурсе проблема жизненных стратегий звучит, на наш взгляд, остро, ново и актуально.

В отечественной науке интерес к изучению жизненных стратегий формировался, начиная с 1970-х гг., в рамках психологии и социальной философии. В силу социальных и дисциплинарных особенностей он был «замкнут» на личности, а не на социальной общности. В 1980–1990 гг., в условиях перестройки и постсоветского развития общества, разработка личностной проблематики усиливается в ответ на необходимость «реабилитации» личностного начала в российской культуре и обществе. И самое главное: сама социальная общность как объект социологического исследования появляется в отечественной социологии лишь в начале 1990-х гг.²⁵⁰ Тем более никто не ставил вопрос об управлении социальными общностями, особенно такими сложными поведенческими комплексами, как их жизненные стратегии.

Существует несколько дефиниций понятия «социальная общность». Не вдаваясь в дискуссию по поводу различных интерпретаций, имеющих в социологической литературе²⁵¹, мы, вслед за Г. Е. Зборовским, будем трактовать *социальную общность как взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относителем единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности*²⁵².

²⁵⁰ Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. – 1990. – № 2; Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2006; Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Введение в социологию. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992; Зборовский Г. Е. Общая социология. – М. : Гардарики, 2004.

²⁵¹ Определения социальной общности см.: Ядов В. А. Размышления о предмете социологии...; Мнацаканян М. О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) // Социологические исследования. – 2003. – № 2.

²⁵² Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – С. 100.

Интерес к социальным общностям в конце «нулевых» годов связан с кризисным состоянием общества, как экономическим, так и политическим. Этот кризис коснулся не только индивидов, но и больших социальных общностей, в том числе организаций, трудовых коллективов и семей. Особым образом кризис проявился в крупных городах, в которых разорялись целые банковские группы, организации различного масштаба – от мелких до крупных предприятий. Очень остро кризис отразился на судьбе жителей малых и закрытых городов. В эпицентре событий оказывались целые группы (социальные общности), которые выступали источником социальной активности населения.

Как отражение этих процессов в социологии возникает интерес к социальным общностям. Между тем, в ней жизненные стратегии по-прежнему продолжали изучаться на личностном уровне, хотя сама жизнь подсказывала актуальность научного осмысления стратегического поведения целых общностей.

На современном этапе развития общества необходимость изучения социальной общности как субъекта жизненных стратегий усиливается вследствие противоречий, вызванных тенденциями индивидуализации и атомизации. С одной стороны, возрастает значимость и свобода индивида как субъекта жизненных стратегий. С другой стороны, индивидуализация создает барьеры на пути взаимодействия представителей социальной общности, снижает степень ее управляемости, закономерно усложняет процесс формирования общих (общностных, единых) жизненных стратегий. Между тем, процессы эволюции социальных общностей продолжают на фоне индивидуализации и атомизации общества и проявляются в новых типах связей, отношений и взаимодействий внутри общности, в новых ее типах и разновидностях.

Социальные общности продолжают оставаться важнейшим элементом общественной системы. Они трансформируются, приобретают новые качества, конфигурации. В условиях высокой неопределенности и социальных рисков проблема стратегического выстраивания жизни и жизнедеятельности социальных общностей приобретает свою научную актуальность и социальную значимость.

Важным признаком жизненной стратегии социальной общности является ее интегрирующий характер: она подчиняет себе все стороны и направления жизнедеятельности общности (отдельных представителей), обеспечивая тем самым ее целостность, упорядоченность и эффективность. В реальности этот признак проявляется в формировании системы поведенческих стратегий, касающихся различных сфер жизнедеятельности социальной общности. Назовем некоторые из них: это образовательная, профессиональ-

ная, финансовая, репродуктивная, культурно-досуговая стратегии, стратегия жизнеобеспечения и др.

«Сильная» жизненная стратегия представляет собой «веер» непротиворечащих, поддерживающих друг друга стратегических линий поведения, способных обеспечить целостность существования и самореализации социальной общности. Невозможно представить какую-либо социальную общность, имеющую одну «сильную» стратегию (например, профессиональную), идущую вразрез с другими (скажем, репродуктивной или финансовой). Все они взаимосвязаны и соподчинены по определенным принципам.

Основными структурными элементами жизненной стратегии общности являются ее цели и способы их достижения.

Целеполагание – важнейший механизм реализации жизненной стратегии. Благодаря ему выстраивается иерархическая система жизненных целей. Она является основным признаком жизненной стратегии общности, поскольку устанавливает системную связь общих целей и конкретных задач, их соподчиненность в качестве способа достижения главной цели путем последовательного, систематического решения конкретных жизненных проблем.

Целевые ориентиры складываются под влиянием диспозиций, установок, потребностей и интересов, ценностных ориентаций, характерных для той или иной социальной общности или ее отдельных слоев. Поскольку в процессе формирования и последующей реализации жизненной стратегии социальной общности задействован весь комплекс диспозиционных механизмов, изменение его в целом или отдельных его элементов влечет за собой кардинальную трансформацию жизненных стратегий общности.

Содержание и значимость жизненных целей связаны с необходимостью разрешения трудностей или противоречий, присущих жизнедеятельности той или иной социальной общности. Серьезность масштабов, острота, смысловая насыщенность этих проблем вызывают необходимость не просто ситуативного (или реактивного), а именно стратегического подхода к их разрешению. Для социальной общности это может быть вопросом ее выживания, сохранения себя как целостности, повышения социального статуса, конкурентоспособности в борьбе за различные ресурсы.

Стратегический подход к решению жизненных противоречий социальной общности подразумевает наличие временной перспективы в постановке целей и задач. Система целеполагания в ее темпоральном разрезе включает в себя долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные цели и задачи. Это своеобразный «каркас» стратегии общности, который поддерживает единую линию поведения в течение тех периодов времени, которые требуются для решения более частных задач.

Наряду с целеполаганием, важным элементом жизненной стратегии является система способов достижения жизненных целей, основанная на социальных умениях и навыках, а также выработанных алгоритмах, последовательности определенных действий – так называемых моделях поведения. Многоуровневая и многоструктурная система способов целедостижения воплощается в жизненных планах и программах действий социальной общности.

Жизненные планы и программы выстраивают траекторию жизнедеятельности членов социальной общности, подчиняют ее коллективным, осознанным ими целям и ценностям, придают ей направление, содержат конкретные меры по последовательному преобразованию жизненных обстоятельств. Названные механизмы реализации жизненной стратегии снижают зависимость социальной общности от внешних обстоятельств, поскольку организуют и делают более или менее предсказуемыми окружающую среду и события. Выработка жизненных планов и программ является важным фактором развития самосознания общности.

Вопрос о жизненных планах и программах социальной общности закономерно выводит нас на проблему временного измерения ее жизненной стратегии. Стратегии социальной общности во временном аспекте охватывают жизнь целого поколения, а иногда могут реализовываться в жизни даже нескольких поколений. Характерный пример – стратегии некоторых диаспоральных общин, этнических или поселенческих общностей, которые формируют надындивидуальные цели (например, повышение социального статуса, обеспечение безопасности, воссоединения и пр.) и стремятся к их достижению на протяжении жизни нескольких поколений. При этом установки на реализацию определенной жизненной стратегии сохраняются посредством создания и трансляции мифов, сверхидей, миссии и пр.

Таким образом, временное измерение жизненной стратегии включает представления о прошлом как фундаменте для выстраивания жизненной перспективы и образы будущего, которые определяют настоящее социальной общности, способы ее поведения и ценностные приоритеты в этом настоящем.

Временные характеристики жизненной стратегии – показатели ее конструктивности. Стратегическое поведение общности основано на определенных социальных ожиданиях и представлениях о будущем. Сложность становления жизненных стратегий зависит от состояния среды. Стабильная среда, поддающаяся прогнозированию и проектированию, обеспечивает возможности формирования четкой, «до конца сформулированной», устойчивой стратегии жизни. Среда, характеризующаяся неопределенностью, динамизмом, заставляет постоянно корректировать стратегию, создает пос-

тоянные риски для ее реализации, вынуждая представителей социальной общности осуществлять выбор в сложных изменяющихся условиях, зачастую интуитивно.

Нелинейная динамика времени создает дополнительное «давление» на поведение общности, влияет на ее целостность, непротиворечивость, способы реализации, степень активности и последовательности действий. В этих условиях постоянно необходима корректировка стратегий поведения социальной общности.

Жизненная стратегия реализуется посредством широкого спектра поведенческих стратегий, охватывающих основные сферы жизни социальной общности (работу, домохозяйство, быт, досуг, семью и пр.). Если жизненная стратегия характеризует сущностный уровень бытия социальной общности, то поведенческие стратегии связаны с тактическими действиями, реализующимися в ее повседневной жизни.

*Поведенческая стратегия представляет собой устойчивый способ организации жизнедеятельности социальной общности в определенной сфере путем концентрации ее ресурсов и способов осуществления деятельности вокруг значимой цели*²⁵³.

Стратегия поведения социальной общности может рассматриваться как результат социальных интеракций как внутри общности, так и вне ее (в отношениях с другими общностями). Выстраивание стратегии поведения – это своеобразная форма проектирования и реализации социальных взаимодействий между различными социальными субъектами.

Стратегии поведения общности основаны на совпадающих позициях, установках, нормах и ценностях, единых для ее представителей. Это своеобразные внутренние «скрепы», которые их связывают. Стратегии поведения можно рассматривать как «опознавательные», идентификационные знаки и символы общности. Они могут охватывать основные направления деятельности общности и в определенном смысле выражать их «миссию». Поскольку стратегии поведения формируются на уровне общности и транслируются в сознание ее представителей через сложную систему социальных регуляторов, они не всегда могут четко осознаваться их отдельными членами, несмотря на то, что в реальном поведении люди придерживаются этих стратегических линий и установок²⁵⁴.

²⁵³ Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности... – С. 44.

²⁵⁴ Култыгин В. П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. – 2004. – № 1.

Стратегии могут касаться как поведения в целом, так и отдельных его сторон. Некоторые виды стратегий связаны исключительно с узкой, разворачивающейся в определенных границах, сферой социальной жизни. Так, например, стратегии могут касаться профессиональных установок и ценностно-нормативных характеристик деятельности, типов внутренних отношений между членами общностей. Примером «сквозных», интегрирующих стратегий как раз служат темпоральные стратегии поведения, касающиеся отношения к социальному времени, его восприятия и проявляющиеся во всех сферах жизнедеятельности общности, следовательно, во всех иных стратегиях ее поведения – репродуктивной, финансовой, адаптационной, образовательной и пр.

4.2. Теоретико-методологические основы исследования темпоральных стратегий поведения социальных общностей

*Проклятье века – это спешка,
и человек, стирая пот,
по жизни мечется, как пешка,
попав затравленно в цейтнот.
Поспешно пьют, поспешно любят,
и опускается душа.
Поспешно бьют, поспешно губят,
а после каются, спеша.*

Е. Евтушенко

Теоретико-методологическим основанием исследования темпоральных стратегий поведения служат социологические теории и концепции, посвященные различным аспектам социального поведения и действия – их структуре, диспозиционным механизмам, последствиям и т. д.

В зарубежной и отечественной социологии сложились различные подходы к исследованию социального поведения, в том числе и в отношении его стратегической модели. Идейной основой поведенческих концепций стала теория социального действия М. Вебера. Практически все социологи последующих (после него) поколений апеллировали к ней как классическому образцу анализа и типологии социального поведения. В нашем исследовании темпоральных стратегий поведения мы обратимся к той части социологического наследия и к тем современным теориям и концепциям, которые позволяют осмыслить временные аспекты поведения. При этом мы исходим из двух посылок: во-первых, рассматриваемые временные характеристики представляют собой факторы об-

разования и дифференциации социальных общностей; во-вторых, они определяют стратегическую направленность поведения, маркируют границы, целевые ориентиры и конфигурацию действий представителей той или иной социальной общности.

Большое значение для разработки обозначенной проблемы, на наш взгляд, имеет неклассическая социология, в частности, такие ее парадигмы, как символический интеракционизм, феноменология, теории социального обмена и социального конструирования. Все они, помимо философских оснований, имеют связи с социальной психологией и из нее берут свои ключевые идеи и положения.

В рамках парадигмы символического интеракционизма инструментом исследования социальной реальности становится анализ и расшифровка символических структур, конструируемых людьми во взаимодействии. Будучи символической структурой, социальное время, в силу своей физической невидимости и нематериальности, может быть отнесено к *абстрактным объектам*, и оно особым образом определяется акторами через систему символов и значений²⁵⁵. Дж. Ритцер замечает: «...акторы символически могут выходить за пределы времени, пространства и даже собственной личности. С помощью использования символов они могут вообразить, что представляла собой жизнь в прошлом или какова она может оказаться в будущем»²⁵⁶.

Используя методологию символического интеракционизма, *темпоральные стратегии поведения* можно рассматривать как *результат и способ социального взаимодействия социальных субъектов на основе конструирования символов, их значений и смыслов, касающихся темпоральных аспектов социальных действий*²⁵⁷. Агенты формируют символическое содержание темпоральных характеристик взаимодействия. Его адекватная расшифровка или, напротив, непонимание определяют результаты и эффективность взаимодействия. Опоздание и пунктуальность, неспешность и своевременность, время визита, количество приглашений и напоминаний о них, желание выполнять работу или принимать пищу совместно (вспомним исследование повседневных взаимодействий Э. Гоффмана) и т. д. не просто обозначают хронологические границы или точки социальных контактов и действий.

²⁵⁵ Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002. – С. 261.

²⁵⁶ Там же. – С. 262.

²⁵⁷ Амбарова П. А. Теоретико-методологические основы исследования темпоральных стратегий поведения социальных общностей // Вестник СурГПУ. – 2014. – № 2 (29). – С. 46.

Они являются свидетельством допустимого и недопустимого в отношении другого субъекта, проявления уважения к нему, признания его авторитета, ориентацию на темпоральные особенности другого и значимость синхронизации собственной деятельности с его деятельностью.

Все эти темпоральные условия, взаимно определяемые субъектами взаимодействия, есть ничто иное «как приспособление к другому в рамках социального процесса» (Дж. Мид)²⁵⁸. Время ожидания приглашения на разговор или ответа на запрос, как правило, символизирует статус ожидающего (чем ниже социальный статус, тем дольше ожидание). Намеренное отдаление девушкой момента ее появления на свидании и покорное ожидание ее возлюбленного – не случайность, а устойчивый, повторяющийся элемент ритуала ухаживания, который постепенно исчезает из практики их взаимодействия по мере укрепления отношений.

Темпоральные стратегии поведения складываются в символических полях, формирующихся вокруг важнейших социальных структур и объектов. В своей работе «Социология: Биографический подход» П. и Б. Бергер показывают в качестве важнейших темпоральных объектов старость, смерть и болезнь, которые приобретают особые символы и смыслы в американском обществе²⁵⁹. Различные социальные субъекты формируют свои темпоральные стратегии поведения в зависимости от понимания этих символов и отношения к ним. Так, большинство американцев придерживаются стратегии избегания старости, смерти и болезни, как в прямом, так и в переносном смысле, старясь продлить физическую, духовную, профессиональную активность, здоровье, социальную востребованность, а также ограничивая свои контакты с престарелыми, умирающими и больными людьми.

Наверно, не последнюю роль в этом играет и американская философия оптимизма, суть которой отражена в поговорке «Улыбайся или умри» («Smile or die»). Американский публицист Барбара Эрейнрейх, например, полагает, что у народа, у которого всегда «хороший день» («have a nice day» nation), есть своя темная сторона. За культ жизнерадостности американцы платят «пошлину» – от одиночества до финансового кризиса и политической апатии²⁶⁰.

²⁵⁸ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2007. – С. 199.

²⁵⁹ Бергер П., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 353–364.

²⁶⁰ Ehrenreich B. Smile Or Die: How Positive Thinking Fooled America and the World. – London: Granta Books, 2010.

Доминирующая философия оптимизма заставляет американцев изолировать негативные социальные практики, порождающие пессимизм.

Может быть, еще и поэтому американское общество стремится создавать и поддерживать институциональные структуры и организации, деятельность которых связана с так называемым «пограничным» опытом — уходом за смертельно больными, умирающими, умершими. Данная практика объединяет людей в определенные социальные общности медиков, социальных работников, волонтеров, представителей религиозных общностей.

Основатель феноменологии А. Шюц рассматривал переживание особым образом времени в качестве элемента когнитивного стиля, конституирующего тот или иной «жизненный мир»²⁶¹. В описании разных «жизненных миров» (повседневности, мира фантазии, игры, научной теории) он отмечал различия временной перспективы. Для повседневности это необратимое, стандартное, трудовое время. Для фантазии это может быть остановившееся и обратимое вспять время. Соответственно, пребывание в том или ином «жизненном мире» предполагает не только особое состояние сознания, ту или иную форму личностной вовлеченности в этот «мир», способы взаимодействия с другими, но и переживания особой формы времени и выстраивание в соответствии с ним всего социального опыта²⁶², в том числе и темпоральных стратегий.

В концепции «возвращающегося домой» А. Шюц связывает время с понятием «дома». «Дом» означает способ жизни, состоящий из привычных человеческих связей, отношений, вещей, практик и т. д. А. Шюц пишет: «жизнь дома означает по большей части жизнь в актуальных или потенциальных первичных группах, т. е. в общем с другими пространстве и *времени* (курсив мой. — П. А.), в общем окружении объектов как возможных целей, средств и интересов, основанных на непрерывной системе релевантностей. Жить дома — это значит воспринимать другого как уникальную личность в *живом настоящем*, разделять с нею *антиципации будущего* в качестве планов, надежд и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны»²⁶³.

«Дом», по Шюцу, это сфера *временной общности*, понятие которой он определяет следующим образом: «Временная общность — здесь имеется в виду не только внешнее (хронологическое), но также и внутреннее время — означает, что каждый партнер со-

участвует в непосредственно текущей жизни другого, что он может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникает надежды, беспокойство. Короче говоря, каждый из партнеров включается в биографию другого; они вместе взрослеют, старятся; они живут в чистом «мы-отношении»»²⁶⁴.

Таким образом, мы видим, что категория времени выделяется в ряду других, конституирующих «жизненный мир» человека и рационально познаваемый «большой социум». Временное измерение пронизывает и определяет все отношения и практики повседневности, вместе с тем подвергаясь сакрализации и ускользая от рефлексии в обыденном сознании²⁶⁵.

В связи с этим исследователи отмечают ограниченность применения традиционных методов в исследовании темпоральности. Так, В. Н. Ярская пишет: «Более глубинные форматы времени, которые мы сами конструируем как жизненный путь и его отдельные этапы, отрезки, гораздо труднее форматировать в количественных измерениях, если, конечно, речь идет не о привычной хронологии и продолжительности лет и десятилетий. Тем более невозможно измерить в часах или секундах время интеракций агентов социального взаимодействия, экзистенциальное время человека, отдельные фрагменты биографий, которые не сводимы к простой хронологии прошлого»²⁶⁶. Это суждение можно отнести и к темпоральным представлениям, изучение глубинных пластов которых возможно, на наш взгляд, с использованием феноменологического подхода.

Примером эмпирической реализации данного методологического видения темпорального самоопределения и самоощущения может служить работа Ю. М. Беспаловой, в которой целая глава отводится исследованию переживания социального времени и конституирования на этой основе «жизненного мира» и жизненных стратегий одной из сибирских семей²⁶⁷.

²⁶⁴ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С. 133.

²⁶⁵ Амбарова П. А. Феноменологический подход к исследованию темпоральной картины мира // Общество — культура — человек: актуальные проблемы социологии культуры : материалы Всерос. научно-практ. конф. памяти В. Т. Шапка (УрФУ, 28–29 февраля 2012 г.). — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — С. 26.

²⁶⁶ Ярская В. Н. Методология науки: время как метод // Поволжский торгово-экономический журнал. — 2011. — № 3 (19) [Электронный ресурс]. — URL: [http://sarsute.ru/images/stories/articlefoto/rio/journal/journal3\(19\)/Yarskaya.pdf](http://sarsute.ru/images/stories/articlefoto/rio/journal/journal3(19)/Yarskaya.pdf) (дата обращения: 15.12.2011).

²⁶⁷ Беспалова Ю. М. Обращение к себе: повседневная жизнь западносибирской семьи глазами социолога. — Тюмень : Мандр и Ка, 2014. — С. 241–249.

²⁶¹ История теоретической социологии : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. — М. : Канон, 1997. — С. 288.

²⁶² Там же. — С. 288–289.

²⁶³ Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. — 1995. — № 2. — С. 140.

Исходя из главной посылки парадигмы обмена – рассматривать стремление человека к обмену различными благами как фундаментальное основание его жизни²⁶⁸, мы можем интерпретировать *темпоральные стратегии поведения как способ деятельности, осуществляемый через темпоральные механизмы и посредством обмена темпоральными благами*. При этом время может быть основным ресурсом, который обменивается на иные блага и ценности, а может играть вспомогательную роль (например, отсроченный во времени обмен, обмен в долг), т. е. является одним из условий обмена.

Американские психологи Дж. Тибо и Х. Келли применили в анализе социального обмена понятия вознаграждения и издержек. Они полагали, что агенты взаимодействия получают дополнительные выгоды, если минимизируют свои издержки при обеспечении максимального вознаграждения другого человека²⁶⁹. Данное положение соответствует обмену с использованием темпоральных ресурсов, особенно если речь идет о современной социальной реальности, характеризующейся нарастанием нелинейности. Время как ресурс имеет свои особенности: его нельзя растянуть, накопить, но между тем время можно использовать нелинейно, осуществляя, например, несколько совместимых действий в единицу времени, осуществляя тем самым несимметричный обмен, минимизируя потери драгоценного ресурса при соблюдении всех условий обмена.

Цели использования времени в процессах социального обмена могут быть связаны со спецификой функционирования социального субъекта – приобретением материальных благ, денег, опыта, возможности достичь определенных моральных целей и состояний и т. д. К. Леви-Стросс придерживался той точки зрения, что обмен между людьми носит символический характер и порой имеет чисто моральный смысл (в отличие от Дж. Хоманса, который полагал, что в основе обмена лежат личные интересы человека). Так, например, выросшие дети вместо усиленной заботы о родителях могут «отплатить» им, посвятив себя воспитанию своих детей²⁷⁰.

Основатель теории социального обмена Дж. Хоманс при разработке ее аксиом вводит в объяснительную схему, наряду с понятиями деятельности и взаимодействия, психические состояния и чувства²⁷¹. Он оперирует понятиями *пресыщения, удовлетво-*

²⁶⁸ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века... – С. 215.

²⁶⁹ Там же. – С. 216.

²⁷⁰ История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г. В. Осипов. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. – С. 404.

²⁷¹ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века... – С. 217.

ренности и агрессии, которые возникают при обмене: первое чувство связано с привыканием к вознаграждению, которое получает индивид, второе чувство возникает в результате обмена с ожидаемым результатом (или с результатом, превышающим ожидания), третье чувство сопровождает асимметричный обмен²⁷². Для исследования темпоральных стратегий поведения это положение является методологически важным, поскольку в структуре темпоральных стратегий поведения мы можем выделить эмоциональный компонент и исследовать спектр и особенности социальных эмоций, связанных с темпоральными аспектами обмена.

При анализе темпоральных стратегий поведения с позиций парадигмы обмена возникает два вопроса: 1) чем детерминировано соотношение времени и тех ресурсов, на которые оно обменивается, какова при этом степень свободы субъектов взаимодействия; 2) можно ли перенести анализ темпоральных стратегий поведения с микроуровня (повседневного межличностного взаимодействия) на мезо- и макроуровень (например, на уровень социальных структур, групп и общностей).

Ответом на первый вопрос служит введение в теорию обмена идеи ценностно-нормативной регуляции, согласно которой содержание и форма социального обмена определяются нормативными ожиданиями и запросами тех социальных групп и общностей, чьи представители вступают в отношения обмена. Утвердительно ответить на второй вопрос позволяют работы последователя Дж. Хоманса Питера Блау. Американский исследователь показывает, что основные положения теории социального обмена «работают» в анализе поведения социальных групп и общностей, приобретая еще большую социологичность, чем у Дж. Хоманса²⁷³. Такой же вывод содержится в работах других представителей парадигмы обмена – Р. Эмерсона²⁷⁴ и К. Кук²⁷⁵.

Р. Эмерсон разрабатывает понятие сети обмена, подразумеваемая под ним взаимосвязанные и взаимообусловленные отношения. Взаимосвязь обменных отношений может быть положительной (когда один обменный процесс положительно влияет на другой)

²⁷² Фотев Г. Хоманс: теория социального обмена // Современная американская социология. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 127–128.

²⁷³ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века... – С. 220–221.

²⁷⁴ Emerson R. Exchange Theory. Part I: A Psychological Basis for Social Exchange // Sociological Theories in Progress. – Vol. 2. – Boston : Houghton Mifflin. – Pp. 38–57.

²⁷⁵ Cooc K. Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // Annual Review of Sociology. – № 18. – Pp. 109–127.

или отрицательной (когда один обмен препятствует другому, делает его невыгодным)²⁷⁶. Экстраполируя этот тезис на темпоральные стратегии поведения, можно выявлять явные и латентные, положительные и негативные последствия темпорального обмена. Например, время, потраченное на получение образования как стратегически важного ресурса, может быть сопряжено с упущенной выгодой (получение дохода в обмен на то же само время) или сокращением времени на отдых либо общение с друзьями.

Таким образом, представители неклассической (микросоциологической) парадигмы, напрямую никогда не исследовавшие темпоральные стратегии поведения, затрагивали темпоральные аспекты поведения, реализуемого на микроуровне. В их поле зрения оказались смысловые структуры социального действия, которые определяют его направленность, эмоциональное переживание, связь с внутренним миром социальных субъектов. Темпоральные стратегии поведения, являясь разновидностью жизненных стратегий, на индивидуальном уровне формируются и реализуются в соответствии с закономерностями, выявленными Дж. Хомансом, А. Шюцем, П. Бергером и др. Изучение эволюции социологических представлений о социальном поведении позволяет говорить о том, что их развитие двигалось в направлении от микроуровня к мезо- и макроуровням.

Для нас важно было установить момент, когда возникает необходимость и возможность переноса микросоциологических идей, в том числе и в отношении темпоральных аспектов поведения, на уровень социальной общности. Это происходит в работах Дж. Хоманса и особенно четко – в работах поздних представителей теории социального обмена. В рамках интегративной парадигмы проблема противопоставления индивидуального поведения и поведения социальной общности снимается, что дает возможность экстраполяции теоретико-методологического опыта исследования структуры, источников, механизмов формирования темпоральных стратегий поведения с индивидуального плана на общностный.

Одна из интегративных теорий – теория структуризации Э. Гидденса позволяет рассмотреть *темпоральные стратегии поведения как рекурсивные, т. е. регулярно повторяющиеся социальные практики, формирующие определенные социальные структуры и сознание людей*. Подход Гидденса к анализу социального агента чрезвычайно продуктивен для рассмотрения социальных субъектов – носителей темпоральных стратегий поведения. В модели социального агента Гидденс выделяет три уровня: мо-

²⁷⁶ Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002. – С. 337.

тивацию действия, его рационализацию и рефлексивный мониторинг действия²⁷⁷.

Принимая данную модель социального агента, мы можем выделять в темпоральных стратегиях поведения: 1) мотивационную составляющую, связанную с влиянием темпоральных установок, потребностей и ценностей²⁷⁸; 2) сознательное (рациональное), регулярное поддержание условий и оснований для воспроизводства необходимых форм использования времени и разворачивания действий во времени; 3) оценку эффективности выбранной стратегии в целом и ее отдельных элементов для достижения индивидуальных целей, а также ее соответствия темпоральным особенностям других субъектов (индивидов или групп) и различных социальных структур.

К анализу темпоральных стратегий поведения и их роли в функционировании социальных общностей применимо понятие структуральных свойств – одного из центральных понятий в теории структуризации. Э. Гидденс отмечает: «...в контексте социального анализа структура существует в виде структурирующих свойств социальных систем, благодаря которым в них обеспечивается “связность” времени и пространства, свойств, способствующих воспроизводству более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве, что придает им “систематическую” форму»²⁷⁹.

Темпоральные стратегии поведения, рассматриваемые как особые поведенческие системы, обладают такими *структуральными свойствами* – это свойства или характеристики данной поведенческой системы, которые позволяют в ее границах воспроизводить определенные действия с временными ресурсами или определенные взаимодействия в их темпоральном аспекте, делать их «систематическими», устойчивыми. Гидденс отмечает, что глубоко укоренившиеся структуральные свойства (он называет их структуральными принципами) участвуют в воспроизводстве социальных общностей²⁸⁰.

Мы считаем это замечание важным, поскольку оно проясняет значимость специфических темпоральных структур и темпоральных поведенческих систем, обеспечивающих функционирование

²⁷⁷ Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 41–44.

²⁷⁸ Амбарова П. А. Темпоральные стратегии поведения // Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 2.

²⁷⁹ Гидденс Э. Указ. соч. – С. 59.

²⁸⁰ Там же. – С. 60.

и сохранение социальных общностей. Рекурсивность²⁸¹ основных элементов темпоральных стратегий поведения (действий, взаимодействий, актуализации темпоральных потребностей и мотивов и т. д.) позволяет сохранить и возобновить темпоральные условия осуществления основных видов деятельности, характерных для той или иной общности. Например, темпоральными основаниями и условиями предпринимательской деятельности являются постоянство практики стратегического планирования, прогнозирования будущего, предполагающие постоянный «бег с опережением» настоящего времени. Названные элементы темпоральной стратегии поведения, регулярно повторяющиеся, структурируют в целом деятельность, образ жизни и мышления предпринимателей и бизнесменов как особой социально-профессиональной общности, создают определенные нормативные рамки их существования, являются неперенными условиями достижения разделяемых представителями данной общности ценностей успеха, инновационности, современности.

Необходимо заметить, что структура темпоральных стратегий поведения нам видится в двух планах: субъективном и объективном. С одной стороны, поведенческие стратегии формируются на основе диспозиционных механизмов, имеющих субъективную природу. С другой стороны, они проявляются в объективных формах (действиях, образе жизни и т. д.), репрезентирующих их внутреннее субъективное содержание. В стремлении объединить эти два плана в методологии исследования темпоральных стратегий поведения мы опираемся на теорию, появившуюся в истории социологии как раз на стыке объективизма и субъективизма и имеющую интегративный характер. Речь идет о теории социального пространства П. Бурдьё.

Французский социолог структурирует социальную реальность дважды: первый раз, когда выстраивает ее через объективные социальные отношения, определенные в распределениях ресурсов; второй раз – через субъективные представления агентов об этих отношениях²⁸². Сущность времени как феномена социальной реальности раскрывается во взаимосвязи объективного и субъективного. Этот же принцип лежит в основе понимания его влияния на эмоциональное состояние, социальное самочувствие и поведение людей.

²⁸¹ Рекурсивность – еще одно важное понятие теории структуриации, означающее возвратность, регулярную повторяемость социальных практик.

²⁸² Шматко Н. А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 33.

Безусловно, теория социального пространства Бурдьё прямо не включает в себя рассмотрение темпоральных структур и факторов, однако общая логика построения объяснительной схемы показывает возможность такого анализа. Кроме того, научная биография ученого свидетельствует о его интересе к проблемам социального времени. Он проявился в исследовании структур восприятия и ощущения времени алжирских крестьян, эмигрировавших во Францию²⁸³, и в антропологическом исследовании организации пространственно-временных структур кабилыского дома²⁸⁴.

Социальное пространство и социальное время функционируют нераздельно. В контексте теории Бурдьё время можно рассматривать как особый вид ресурса, как важнейший элемент социального капитала той или иной социальной общности. Наряду с другими видами капитала и их элементами время структурирует социальное пространство через распределение его между социальными агентами.

При этом темпоральные стратегии поведения, создаваемые социальными общностями, представляют собой способ освоения данного социального ресурса и способ формирования социальных полей. Именно через принадлежность времени социальным общностям и распределение его как элемента социального капитала между ними формируются поля науки, политики, экономики, образования, культуры, религии и т. д. О поле науки Бурдьё пишет так: «Одним из факторов, определяющих самые явные социальные различия в научных карьерах..., является *дар предвосхищения* тенденций, который, как замечают, всюду тесно связан с высоким социальным происхождением и хорошим образованием и который позволяет завладеть в нужный момент выгодными темами, хорошими местами публикаций... и т. д. Это чувство игры есть в первую очередь *чувство истории* игры и *чувство будущего* игры»²⁸⁵.

Рассуждая о научном капитале, французский социолог говорит о двух его разновидностях, имеющих разные темпоральные характеристики. Первая разновидность – «чистый» научный капитал, приобретаемый вкладом в прогресс науки, накапливаемый медленно в ходе обучения, научных исследований и сотрудничества²⁸⁶. Вторая разновидность – «институциональный» научный капитал, образуемый посредством стратегий, общей характеристикой ко-

²⁸³ Шматко Н. А. Указ. соч. – С. 20–21.

²⁸⁴ Там же. – С. 20.

²⁸⁵ Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 57.

²⁸⁶ Там же. – С. 66.

торых является расход времени на участие в различных научных мероприятиях и учреждениях. Как разновидность бюрократического, институциональный научный капитал накапливается и транслируется достаточно быстро²⁸⁷. Таким образом, обладание различными видами научного капитала (или обладание обоими видами научного капитала в той или иной пропорции) продуцирует различные темпоральные стратегии поведения внутри научного сообщества.

Другие причины различий между формируемыми и реализуемыми темпоральными стратегиями поведения внутри социальной общности позволяет раскрыть понятие габитуса, трактуемое как интериоризованные диспозиции и складывающиеся на этой основе постоянные, устойчивые во времени способы поведения. По мнению Бурдьё, агенты развивают свои стратегии в пределах имеющихся у них диспозиций. Те агенты, чьи диспозиции сформировались вне рассматриваемого поля, «рискуют всегда отставать, быть отесненными или неуместными, чувствовать себя не в своей тарелке, оказаться не с той стороны и не в то время, со всеми вытекающими отсюда последствиями»²⁸⁸.

Основные категории и принципы социоанализа французского социолога позволяют реализовать особый подход в исследовании темпоральных стратегий поведения, согласно которому:

1. *Темпоральные стратегии поведения выступают специфическим видом социальных практик, связывающих социальное время и социальное пространство и репрезентирующих эту взаимосвязанность в объективных поведенческих актах и субъективных установках их носителей.*

2. *Основным субъектом темпоральных стратегий поведения становятся социальные общности, деятельность которых разворачивается в социальных полях и предполагает использование ресурсов социального времени как инструмента властного доминирования, конструирования силовой напряженности поля.*

3. *Различия между темпоральными стратегиями поведения детерминированы различиями позиций, которые занимают социальные агенты внутри конкретного социального поля или которые определяются отношениями конкурирующих полей в социальном пространстве. Различия между темпоральными стратегиями обусловлены также различиями между постоянными диспозициями, которые формируются в процессе пребывания в данных позициях и получения определенного социального опыта.*

²⁸⁷ Бурдьё П. Указ. соч. – С. 66.

²⁸⁸ Там же. – С. 58.

Для понимания процессов формирования и распространения различных типов темпоральных стратегий поведения значимы некоторые положения другой теории, сложившейся в рамках интегративной парадигмы, – теории культурной травмы П. Штомпки. С ее помощью мы можем выдвинуть и обосновать гипотезу о малочисленности носителей конструктивных и активных темпоральных стратегий поведения. На наш взгляд, такая ситуация характерна для всех обществ (в том числе и для современного российского общества), остро испытывающих (или испытывавших) негативные последствия травмирующих культурных и социальных изменений.

По мнению Штомпки, большая часть общества или социальной общности, испытывавших культурную травму, формирует и реализует пассивные стратегии поведения. Это своеобразная форма адаптации к травмирующим событиям. При этом социальные изменения интерпретируются как травмирующие в зависимости от «значений, закодированных в культуре конкретной общности (общества)»²⁸⁹. Травмирующее воздействие могут оказывать различные типы социокультурных изменений: перемещение в иную культурную среду, обновление образа жизни под влиянием новых технологий, смена политического режима и т. д. Травмой польский исследователь считает также *асинхронность развития различных сегментов культуры*, которая переживается людьми как проблема, болезнь²⁹⁰.

Пассивные, неконструктивные стратегии поведения, в том числе, как мы полагаем, и темпоральные стратегии поведения, возникают не во всех социальных общностях, а только в тех, которые особенно болезненно восприимчивы к культурным изменениям или не имеют ресурсов адаптации к ним. В связи с этим уместно привести слова Штомпки: «Не все группы общества равно восприимчивы к культурным травмам и способны выражать это. Скорее, у каждой травмы есть центральные группы, глубоко переживающие и воспринимающие ее, и периферийные группы, для которых она – незначительна, маргинальна. У разных групп дифференцирован и доступ к фонду культурных моделей интерпретации, используемому для описания событий как травм. Влияние одних и тех же потенциально травматических событий (ситуаций) может быть качественно противоположным для различных групп. Для одних оно деструктивно, разрушительно, для вторых полезно и желанно, третьи его игнорируют. ... Иными словами, некоторые группы вследствие

²⁸⁹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 9.

²⁹⁰ Там же. – С. 13.

структурного и культурного положения более восприимчивы к травме, обладают более высокой способностью истолкования и выражения травмы, другим не хватает навыков. Некоторые группы располагают средствами совладания с травмой, борьбы с ней и ее преодоления, другие могут не иметь таких средств»²⁹¹.

Рассуждая о факторах, определяющих способность социальной общности адаптироваться к последствиям культурной травмы, Штомпка выходит на проблему социального и культурного капитала общности, в том числе образования.

Рассмотренные теории и концепции, несмотря на разность подходов, все же достаточно традиционно рассматривают поведенческие структуры, определяемые фактором времени. Современная же социальная реальность приобретает новые черты и качества, особенно заметным среди которых становится нелинейность. Темпоральные стратегии поведения в условиях нелинейной социальной реальности и нелинейного социального времени требуют иных теоретико-методологических оснований, о чем свидетельствует мнение украинской исследовательницы Л. Д. Бевзенко: «С точки зрения нелинейных моделей совсем под иным углом могут быть увидены многие парадоксальные факты на уровне социального поведения индивида. Соотношение стихийных и сознательных элементов в системе социального действия всегда было актуальной проблемой социологии и социальной психологии. Стихийность, неосознанность деятельностиных проявлений плохо вписывались в модернистские объяснительные конструкции, в те модели личностных трансформаций, которые утвердились в западной культуре со времен Просвещения и предполагали, в соответствии с той же прогрессивистской схемой, де-мифологизацию, расколдовывание сознания, растущую роль рационального, логического мышления в процессах выстраивания поведенческих стратегий. Современная практика говорит о неоправданности подобных ожиданий и требует иных теоретических объяснительных конструкций»²⁹².

Идея нелинейности и множественности лежит в основе синергетики, интегративный потенциал которой (в плане сближения естественно-научного и социогуманитарного знания, а также системного и поведенческого подходов в социологии) отмечают практически все ее сторонники²⁹³. Таким образом, методологические

²⁹¹ Штомпка П. Указ. соч. – С. 13–14.

²⁹² Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. – Киев: Институт социологии НАН Украины, 2002. – С. 111–112.

²⁹³ Ахиезер А. С., Гольц Г. П. Критические пороги социальных систем // ОНС. – 1992. – № 1. – С. 45–56; Бевзенко Л. Д. Социальная самооргани-

основы исследования нелинейности междисциплинарны и представляют собой достаточно широкий спектр теорий и концепций естественно-научного и социогуманитарного плана.

В то же время исследовательское поле по изучению нелинейных темпоральных стратегий поведения пока еще не сложилось, несмотря на актуализацию проблемы социального времени и его новых динамических свойств, а также влияния на различные аспекты социальной жизни. Можно отметить пока «пунктирную» траекторию развития данного направления в российском социогуманитарном знании. Исследователи затрагивают отдельные временные аспекты поведения социальных субъектов в рамках анализа таких проблем, как «образование в нелинейном обществе»²⁹⁴, «международные отношения в нелинейном обществе»²⁹⁵, «презумпции нелинейности» в социоисторическом развитии общества²⁹⁶ и др.

Темпоральные стратегии косвенно затрагиваются в исследованиях, посвященных «очевидным» проблемам нелинейного общества, тогда как социальное время и его влияние на поведение социальных субъектов остается во многом латентным явлением. Так, например, В. А. Колесников и О. А. Полюшкевич, рассматривая формы развития высшего образования в многовариантной системе нелинейного общества, отмечают: «Чтобы управлять будущим, нужно держаться за настоящее. Те, кто крепко держится за настоящее, расширяет свои знания и возможности сейчас, тот в будущем может рассчитывать на успешность в делах и личном развитии. Те же, кто живет прошлым, упуская множество возможностей в настоящем, вполне возможно, что не найдут для себя приемлемого места в будущем. Получение образования, знаний, нового опыта сегодня – это залог прыжка с более высокой планки завтра. Но при этом не следует забывать о существующих проблемных полях современной системы образования, которые могут не дать уверенности в своих перспективах в будущем, для тех,

зация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций...; Добронравова И., Финкель Л. Динамический хаос в социуме как среда социальной самоорганизации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 1. – С. 168–180 и др.

²⁹⁴ Колесников В. А., Полюшкевич О. А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 12 (20) [Электронный ресурс]. – URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 24.12.2013).

²⁹⁵ Арзуманян Р. В. Метафора нелинейности в социальных системах // 21 Век. – 2004. – № 2 (4). – С. 123–153.

²⁹⁶ Ахиезер А. С., Гольц Г. П. Критические пороги социальных систем... – С. 45–56.

кто его получает сегодня»²⁹⁷. Данная позиция не является бесспорной, поскольку в ней делается акцент на необходимости «крепко держаться» за настоящее, что само по себе сдерживает устремленность человека в будущее.

Обозначенные теоретико-методологические ориентиры теорий и концепций, описывающих нелинейность, можно экстраполировать на темпоральные стратегии поведения с тем, чтобы раскрыть их новые типы и конфигурации.

4.3. Структура темпоральной стратегии поведения социальных общностей

*Вот бы построить волшебный город,
Время с гармонией подружить,
Чтобы был каждый кому-то дорог
И не опаздывал жить.*

С. Трофимов

По нашему мнению, темпоральная стратегия поведения представляет собой *систему жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени с целью достижения каких-либо жизненных целей*. Темпоральные стратегии поведения выступают как разновидности жизненных стратегий, формируемых на индивидуальном и общественном уровнях. Фактор времени играет большую роль в индивидуальной жизни, но особое значение он приобретает в жизни социальных общностей. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей не просто характеризуют их стиль и образ жизни, степень адаптированности и успешности в современных условиях. Они задают вектор и скорость их развития, служат маркером специфики социальных общностей, механизмом их образования и внутренней интеграции.

В структуре темпоральных стратегий поведения мы можем обозначить такие элементы, как философия времени, темпоральные ценности и установки, цели, устойчивые принципы организации деятельности и взаимодействия, способы темпоральной организации жизнедеятельности, темпоральные ориентиры (по модусу времени) и пр. (рис. 1). Все структурные элементы темпоральных стратегий поведения объединяются в три блока, которые мы условно выделяем в теоретическом анализе и наблюдаем как синкретичное явление в реальном поведении социальных субъектов.

²⁹⁷ Колесников В. А., Полюшкевич О. А. Высшее образование в нелинейном обществе...

Рис. 1. Структурные элементы темпоральной стратегии поведения

Философия времени представляет собой результат работы сознания (а, возможно, и бессознательного, например, архетипов, ментальных установок). Она отражает ту темпоральную картину мира, которая имеется в обществе, функционирует на уровне общности или складывается в индивидуальном опыте человека.

П. Л., 49 лет, преподаватель вуза: «Для меня время больше философское понятие. Это река, в которую мы погружены, которая нас обтекает. Время – это вечность, неподвластная человеку».

Г. Е., 36 года, преподаватель вуза: «Мне кажется, время – это ресурс, который мы используем либо по назначению, либо не совсем по назначению. Мне очень нравится, как подает эту тему автор Стивен Кови. Он ссылается на матрицу времени, которую разрабатывал Эйзенхауэр и другие американские политики. Суть в том, чтобы правильно простроить свои планы и в зависимости от этого организовать свое время.

Когда мы со студентами обсуждаем эту тему, то приходим к выводу о том, что сидение в соцсетях – это трата времени не по существу. Да, время – это ресурс, с которым надо обращаться очень трепетно, очень вдумчиво, и тогда оно срабатывает на нас. Это лучший вариант».

Е. И., 39 лет, преподаватель вуза: *«Честно говоря, подробно не задумывался над тем, что такое время. Но думаю, что это ощущение себя в изменяющемся мире. Ощущение возникает, что время не меняется. Меняются сезоны, а время как таковое вечно и неизменно. Наверно, историческое образование наложило свой отпечаток на меня. Мои современники не могут ощутить, что такое 5, 6, 10 тысячелетий, а каждый историк это невольно ощущает, как будто это произошло вчера. Время – это некая продолжительность и связь со всеми эпохами. Может быть, здесь присутствует консервативный элемент восприятия времени. Но... есть такая версия, что наши предки в традиционном обществе по-другому выстраивали временные координаты. Говоря о будущем, они показывали за спину, а о прошлом – указывали впереди себя. Я наверно где-то близок к ним. То, что ощущаю как результат времени – передо мной, а то, что будет, не известно, не чувствую его, как будто оно позади меня.*

На этой мировоззренческой основе формируются сложные диспозиционные механизмы выбора темпоральной стратегии поведения – установки, потребности, совокупность жизненных целей и задач, жизненная позиция. Ценность времени определенным образом соотносится с другими ценностями и раскрывается в представлениях о нем. Классическое понимание времени как ресурса, конвертируемого в деньги или власть, как способа накопления и развития человеческого и социального капитала и развития личности, по-прежнему актуально и определяет темпоральное поведение многих людей и целых общностей.

Еще более сложную картину мира формируют представления о нелинейном социальном времени. Время приобретает в ней особые динамические свойства – напряженность, разнонаправленность, текучесть и т. д., что, по мнению некоторых исследователей, не совпадает с линейными темпоральными возможностями и способностями большинства людей.

Представления о нелинейном времени не чужды многим нашим информантам. Приведем отрывки из некоторых интервью с ними.

Г. Н., 42 г., преподаватель вуза: *«Когда мы говорим о времени, то оно представляется мне в осях. Это 3D-измерение и еще оно закручивается вверх. Причем это не черно-белый ва-*

риант, с приятной растушкой от сиренево-фиолетового до сложных цветов. Время движется по экспоненте и усиливает свою интенсивность».

Т. Г., 60 лет, преподаватель вуза: *«Я стараюсь выбирать одно-два, от силы три направления в работе, которые мне интересны, и под них подбирать постоянно, каждодневно новую и новую информацию, следить за трендами, кто что говорит, в какую сторону ситуация разворачивается. Параллельно еще два-три направления того, что будет в будущем. У меня время как бы наслаивается, то, что делаю сегодня, то, что делаю завтра, но в текущем времени все сосуществует: это первое, это второе. С интервалом в полтора-два года меняются темы, та, которая начиналась, становится доминирующей. В повседневной жизни я не переключаюсь. Это у меня идет как бы в параллель, как несколько этажей одного здания, на которых постоянно идет своя жизнь. Я просто знаю, что сейчас нужно свет включить в этой комнате, а в другой комнате будут медленно совершаться на подсознательном уровне какие-то свои процессы, а потом на другом этаже. У меня нет такого, что это закончилось, а это началось. Одновременно у меня примерно от 5 до 7 событий, которые идут в параллели».*

Между тем, способность почувствовать и рационально выстроить нелинейную темпоральную картину мира позволяет социальным субъектам приобретать новые возможности и реализовывать их при условии использования определенных темпоральных стратегий поведения. С этой точки зрения для социологического исследования интересны те социальные общности, стратегии поведения которых соответствуют нелинейной темпоральной картине мира и, соответственно, новым требованиям социальной жизни. Актуальность изучения данной проблематики усиливается в условиях становления и развития гражданского общества в России, требующего активной жизненной позиции, самостоятельного выстраивания жизненного пути и одновременно включенности в разнообразные траектории развития социума либо учета их воздействия на жизнедеятельность.

Особенности темпоральных стратегий поведения заключаются в том, что они, помимо непосредственного «включения» в себя временных характеристик и параметров действий, регулярного восприятия времени и формирования отношения к нему, содержат в себе эмоциональные характеристики, связанные с его переживанием, вызывающим такие состояния, как страхи и надежды (о чем ранее уже говорилось). Мы специально рассматриваем эту пару как диаметрально противоположные эмоции, между которыми есть и промежуточные эмоциональные состояния (например, безразличие).

В исследовании временных характеристик социальной общности важно помнить, что психологические факторы восприятия социального времени оказывают существенное влияние на особенности ее функционирования, прежде всего на ее социальное самочувствие. Страх перед временем, выраженный в боязни перемен, потере, увеличении различных рисков, затрагивающих как быденные, так и смысложизненные аспекты бытия, формирует социальный пессимизм. Противоположная эмоция – надежда на перемены к лучшему или на поддержание стабильности, на успешное осуществление в будущем каких-либо намерений, планов, мечтаний – позволяет сохранить и укрепить оптимизм, особенно необходимый в кризисные периоды развития общества. Социальное самочувствие общности отражает баланс двух социальных эмоций (страха и надежды), выявление которого составляет субъективный аспект исследования темпоральных стратегий поведения.

В структуре темпоральных стратегий поведения можно выделить умения и способы организации времени, объединенные понятием *временной компетентности*. Под ней понимается совокупность умений и навыков рационального планирования и использования времени. В социальной психологии данное понятие достаточно широко используется, наполняясь конкретным содержанием в виде тех или иных умений и навыков использования ресурса времени. Так, Л. П. Енькова в качестве структурных элементов временной компетентности рассматривает адекватную оценку временных затрат (или «чувство времени»), умение конструировать программу достижения цели во временном континууме (пространстве), правильное определение временных затрат²⁹⁸. Временная компетентность включает также чувство времени, навыки планирования, умение учитывать время другого человека.

Исследователи отмечают тесную связь временной компетентности с профессиональной, трудовой деятельностью и дифференциацию элементов временной компетентности в зависимости от характера профессиональных (трудовых) задач. В.И. Дендерина рассматривает временную компетентность как предпосылку и критерий профессиональной адаптированности человека²⁹⁹.

²⁹⁸ Енькова Л. П. Структура и содержание временной компетентности в контексте психолого-педагогического образования // Вектор науки ТГУ. – 2001. – № 4 (7). – С. 98.

²⁹⁹ См. о позиции В. И. Дендериной: Горюнова Л. В. Ориентированность содержания профессионального образования на подготовку мобильных специалистов // Психолого-педагогические исследования в системе образования : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 7 ч. – Челябинск : Образование, 2008. – Ч. 4.

Временная компетентность позволяет на уровне повседневной жизни определять необходимое количество времени и способы его экономии для каждого вида деятельности (например, с помощью методов тайм-менеджмента), а на уровне биографического времени «выстраивать» различные этапы, периоды жизни, устанавливать оптимальную последовательность жизненных событий³⁰⁰. Такое понимание организации времени связано с классическими представлениями о природе и свойствах социального времени.

Нелинейная динамика социального времени потребовала не только переосмысления ценности времени, но и способов его регулирования и использования. Новые подходы к организации времени связаны с умением быстро переходить от одного вида деятельности к другому (мы называем это темпоральной мобильностью), необходимостью сочетания реального и виртуального времени, готовностью к быстрым, стремительным изменениям темпоральных условий социальной среды и способностью предвидеть их. В условиях «напряженного», мобильного, текучего времени актуализируется проблема навыков компенсаторного поведения, направленного на минимизацию рисков и последствий такого временного режима деятельности, который не конгруэнтен обычным человеческим способностям и возможностям и может нанести урон психическому и физическому здоровью человека.

Темпоральные возможности, которыми обладают представители той или иной социальной общности, определяются не только социальными, но и социально-психологическими факторами – свойствами темперамента, памяти, степенью гибкости/ригидности, способностями к переработке и структурированию информации и т. д. Сознательное увеличение скорости мыслительных процессов и деятельности, эффективные действия в условиях ограниченного времени или хаотичного, неупорядоченного временного режима, интуиция служат основой выстраивания конструктивных темпоральных стратегий поведения.

Безусловно, принимая в расчет влияние социально-психологических факторов на темпоральное поведение, мы отступаем от рамок строго дисциплинарного подхода, но приобретаем возможность более глубокого и всестороннего анализа такого сложного явления, как темпоральные стратегии поведения. Тем более что сам объект изучения имеет двойственную социальную и психологическую природу, и в его структуре тесно переплетаются объективные и субъективные характеристики поведения, устойчивое сочетание которых позволяет типизировать темпоральное поведение социальных общностей.

³⁰⁰ Абульханова-Славская Л. К. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – С. 130–131.

4.4. Типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей в условиях мегаполиса

*Алиса в изумлении огляделась.
 – Что это? – спросила она.
 – Мы так и остались под этим деревом!
 Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?
 – Ну, конечно, нет, – ответила Королева.
 – А ты чего хотела?
 – У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух,
 – когда долго бежишь со всех ног,
 непременно попадешь в другое место.
 – Какая медлительная страна! – сказала Королева.
 – Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать
 со всех ног, чтобы только остаться
 на том же месте!
 Если же хочешь попасть в другое место,
 тогда нужно бежать
 по меньшей мере вдвое быстрее!
 Л. Кэррол. Алиса в Зазеркалье*

Для типологизации темпоральных стратегий поведения горожан необходимо ввести в качестве критерия установку на линейный/нелинейный темпоральный режим как стратегический ориентир жизнедеятельности и поведения общности. В соответствии с этим критерием мы можем выделить традиционные темпоральные стратегии поведения, ориентированные на линейное видение темпоральной реальности, и новые (авангардные) темпоральные стратегии поведения, ориентированные на нелинейное время как ресурс общности.

Социальные общности, продуцирующие и реализующие в своем поведении новые темпоральные стратегии, мы относим к авангардным, инновационным. Мы предполагаем, что одним из ресурсов, обеспечивающих инновационность и вариативность поведения представителей данных социальных общностей, являются имеющиеся в их распоряжении время, а также способность и способы управления им в условиях нелинейной реальности, новое осмысление его ценности и роли в профессиональной и личной жизни, иное понимание возможностей и рисков, которые несут в себе темпоральные явления в усложняющейся социальной реальности.

В рамках вышеназванной типологии мы можем выделить еще несколько типов темпоральных стратегий поведения, введя дополнительно два критерия – степень активности субъекта в использовании времени и характер его эмоционального переживания. Со-

циальная активность выступает объективным показателем поведения, проявляющимся в наблюдаемых, фиксируемых поведенческих актах. Использование социальных эмоций в качестве показателя поведенческой стратегии не противоречит принципам социологического подхода, а наоборот, обогащает его возможностью расширения представлений о влиянии на социальное поведение временного фактора через субъективные механизмы. Эмоциональное переживание времени рассматривается в континууме двух социальных эмоций – страха перед временем и надежды на благоприятное развитие событий и завершение изменений. Полнос страха образует «поле» социального пессимизма, полюс надежды – «поле» социального оптимизма. Баланс этих «полей» будет служить типологической характеристикой социальных общностей.

На основании названных двух критериев формируются четыре типа темпоральных стратегий поведения (рис. 2), характеризующиеся:

- 1-я – активным темпоральным оптимизмом,
- 2-я – пассивным темпоральным оптимизмом,
- 3-я – активным темпоральным пессимизмом,
- 4-я – пассивным темпоральным пессимизмом.

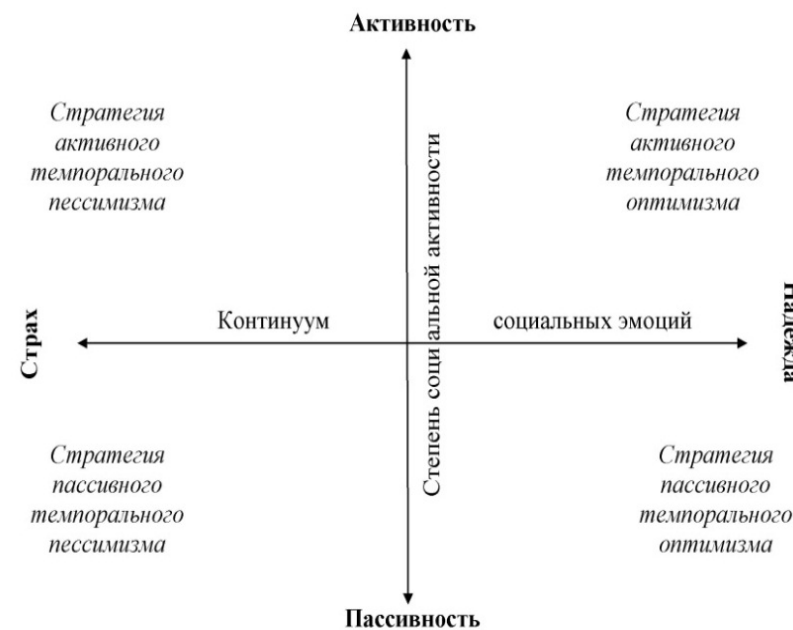

Рис. 2. Типология темпоральных стратегий поведения

Активный темпоральный оптимизм проявляется в активном использовании временных возможностей и ресурсов, стремлении и способности к оптимальной организации собственного и, при необходимости, чужого времени. Носители данной стратегии обладают развитыми навыками стратегического, тактического и текущего планирования жизни в целом и ее отдельных сторон. При этом субъекты поведения могут формировать ее осознанно или интуитивно. Характерным примером данного типа темпоральной стратегии является поведение одного из наших информантов.

З. Т., 60 лет, преподаватель вуза: *«Роль фактора времени я осознала, когда пришла работать в вуз. В общем-то и раньше, когда работала в ССУЗе (тогда уже начали организовывать курсы повышения квалификации для практиков, и я в них участвовала), я это почувствовала, но особенно – когда пришла в вуз работать. В вузе другие критерии оценки труда и приходится очень много работать, заниматься наукой. Чем больше появлялось дел, тем больше приходилось планировать, чтобы все успеть. Ежедневник – это моя настольная книга. Конечно, я не все успеваю вовремя, но мне все-таки удается благодаря тщательному планированию запрыгнуть в последний вагон».*

Такая стратегия базируется на понимании времени как особой ценности, ограниченного, но чрезвычайно мощного ресурса для осуществления многих жизненных целей и задач (достижения жизненного и профессионального успеха, самореализации, получения прибыли, повышения статуса и пр.). Время осознается как особый вид энергии, запускающий в движение и «питающий» практически все жизненные процессы и состояния.

Более того, представителям описываемой типологической группы присуща способность воспринимать время как нелинейное или, по крайней мере, способность рационально выстраивать соответствующую темпоральную картину мира, учитывая особенности нелинейной динамики социального времени.

Социальные субъекты, формирующие и реализующие такой тип стратегии, одинаково эффективно действуют в условиях как дефицита времени, так и отсутствия такового. Они способны к регулированию скорости, ритма времени, которое находится в их распоряжении, а также к синхронизации его в соответствии с внешними условиями, иногда – к изменению внешних условий в соответствии с собственными темпоральными потребностями. Они могут влиять на носителей иных темпоральных стратегий, адаптируя их к собственным, «заставляя» совмещать и согласовывать их. Темпоральная картина мира представителей данного типа гармонична, динамична, легко, относительно безболезненно претерпевает постоянные трансформации. В этой связи приведем отрывок из интервью.

З. Т., 22 года, преподаватель вуза: *«Мне кажется, я умею выставлять на первый план важные задачи, которые нужно сделать сегодня, а второстепенные отодвигать на второй план. Вообще-то я не очень тщательно планирую, я просто ответственная и умею организовать себя так, чтобы сделать то, что особенно важно. У меня, конечно, есть ежедневник, но я не всегда в него успеваю заглядывать. Но я все равно все успеваю сделать. У меня есть четкие цели на ближайшие 3 года, и я в общем-то знаю, чего хотела бы достичь в течение 10 лет. Дефицита ни времени, ни денег я не чувствую. Но меньше у меня сейчас денег (улыбается)».*

Темпоральная активность носителей данной стратегии (активного темпорального оптимизма) направлена в будущее и/или в настоящее и сочетается с позитивным переживанием времени. Время в его нелинейной конфигурации наполнено для них новыми возможностями и конкурентными преимуществами, которыми они уверенно могут воспользоваться. Динамизм, плотность, многоструктурность темпоральной реальности воспринимается ими как позитивное явление, соответствующее вызовам современности. Адаптируя свое поведение под эти новые темпоральные условия, «активные оптимисты» чувствуют себя современными людьми, шагающими «в ногу с веком» или даже стремящимися обогнать его.

П. А., 32 года, предприниматель: *«Я заметил, что время стало плотнее. Планирую сейчас все очень четко, и, действительно, одно дело сменяет другое очень быстро и плотно. Приходится где-то быстрее что-то делать, приходится успевать. Да, сжатие какое-то происходит. ...В ситуации чрезвычайной загруженности, интенсивной жизни я чувствую эйфорию».*

Надежды на лучшее будущее при минимальных проявлениях негативных эмоций (страха, неуверенности, растерянности) характеризуют социально-психологическое самочувствие данной типологической группы. Активный темпоральный оптимизм в большей степени присущ людям, стремящимся к продлению своей физической и интеллектуальной жизни и молодости.

С. Н., 28 лет, предприниматель: *«Что я предпринимаю для душевной и физической молодости? У меня муж молодой (смеется). Думаю, что это мне помогает. Друзья у меня молодые, хотя хорошо общаюсь с людьми любого возраста».*

К. Л., 28 лет, менеджер: *«Жить надо весело. Грустить – это не вариант. Начинаешь грустить – сразу тебе и 30, и 40, и 60 лет и помирать можно. У меня дед у жены до последних лет, месяцев, дней был мегапозитивный человек. Он делал все, для всех, всегда. Масса у меня знакомых людей есть, которые*

в любом возрасте могут для других сделать все. И есть знакомые, которые в 20 лет загубили свою жизнь, непонятно за чем. Просто они так захотели. А так... живем, радуемся, пока живы».

Типичной в этом случае является общность научно-педагогических работников, представители которой сохраняют в среднем дольше и физическую форму, духовный и интеллектуальный тонус. Эта стратегия реализуется также некоторыми слоями бизнес-общества.

Второй тип темпоральной стратегии поведения, проявляющийся в *пассивном темпоральном оптимизме*, не предполагает стремления к активному управлению временем и сознательному совершенствованию темпоральных умений и способностей. Течение времени воспринимается представителями данной типологической группы позитивно, как приносящее положительные результаты или, по крайней мере, не ухудшающее положение дел и в целом жизнь. Все негативные последствия временных изменений (безвозвратность потерь, невозможность что-либо изменить в ходе времени и т. д.) воспринимаются как нормальные явления, не требующие вмешательства. «Плыть по течению» времени – девиз, соответствующий сущности данной темпоральной стратегии.

В. И., 39 лет, менеджер: *«Время – это вечность, неподвластная человеку. Я почему-то не чувствую времени. Не знаю. Хотя с возрастом каждый чувствует длительность времени. У маленького ребенка день медленно тянется, а у меня сейчас пролетает один, другой Новый год. Я иногда мужу говорю: вот как время быстро летит! А он мне говорит, что время никуда не летит, не бежит, это наше восприятие. Я долго почему-то часы не носила. Последнее время ношу. Но не каждый день, только тогда, когда я тороплюсь, бегу куда-то после работы. А если никуда не тороплюсь, то и не надеваю их. Часы становятся для меня каким-то аксессуаром, браслетом. Я на работе их не надеваю».*

Носители пассивного темпорального оптимизма, ориентированные, прежде всего, на сегодняшний день, приспособляются под внешние темпоральные условия часто с определенными потерями для себя. Но они спокойно могут отказаться от тех целей, на достижение которых у них нет временных ресурсов или которые они не могут реализовать в существующих условиях.

Безусловно, такой тип поведения базируется на особом мировоззрении и особой картине мира, в которых видны следы прогрессистского мировидения. В них время выступает механизмом усовершенствования социальной жизни, но только действующим по своим собственным законам, а не по воле человека, что необ-

ходимо принимать как данность. Это своеобразная форма презентизма, выражающаяся в позитивной оценке сегодняшнего положения дел и нежелании что-либо активно менять для достижения целей в будущем.

Нелинейность времени обладает для носителей пассивного темпорального оптимизма потенциальными альтернативными возможностями, которые они позитивно воспринимают, но активно не используют. Осознание этих возможностей дает основание для уверенности и оптимизма в отношении будущего, поскольку обеспечивает достижение жизненных целей при минимальных усилиях.

Е. И., 39 лет, преподаватель вуза: *«В моей жизни сочетается хаос и последовательность. Определенный момент хаотичности присутствует, но я не назвал бы это беспорядочностью. Слово “хаотичность” мне нравится, а “беспорядочность” нет. Хаос предшествует порядку, но это не полный беспорядок. Восприятие моего режима все-таки как последовательности. Но определенную хаотичность я вижу. Мой день состоит из того, что я загоняю хаос в рамки».*

Благодаря такому режиму я могу зарабатывать больше денег, чем мои коллеги. Я чувствую положительный эффект от такого режима. Поэтому я доволен таким режимом. Конечно, в какой-то момент наступает усталость. Но вовремя наступает Новый год или отпуск».

По нашему предположению, данный тип стратегии локализуется в тех социальных общностях, временные параметры жизнедеятельности которых заданы внешними условиями (организационными, семейно-бытовыми и т. д.). Кроме того, их возможности самостоятельно распоряжаться социальным временем ограничены отсутствием развитых навыков планирования в условиях высокой неопределенности, мобильности, подвижности времени.

Г. А., 36 лет, преподаватель вуза: *«Не всегда я могу рассчитать время. Есть чувство страха опоздать или прийти слишком рано. Есть чувство страха, что времени будет мало или его будет очень много, и что мне тогда делать? И это чувство страха не дает мне возможности прийти вовремя. Очень часто я опаздываю на какие-то дела. А есть ситуации, когда я хорошо рассчитываю. Когда ситуация подлежит моему контролю, например, когда я иду пешком из точки А в точку Б, тогда я имею возможность время рассчитать. Но когда эта ситуация подвержена влиянию случайных факторов, типа трафика в городе, тогда я понимаю, что не смогу спрогнозировать. Когда-то движение побыстрее, когда медленнее, и я не могу рассчитать. У меня были реальные ситуации, когда я чуть-чуть не опаздывала на самолет и буквально в последнюю*

минуту прибежала вся в мыле. Но это не оттого, что я не умею рассчитывать время, а от каких-то внешних обстоятельств».

Наше предположение подтверждается исследованием И. Шмерлиной, которое показало, что культура самоорганизации развита плохо у людей, живущих по навязанному расписанию³⁰¹. Названные характеристики темпорального поведения, на наш взгляд, присущи определенной части современного российского студенчества, которая в силу и возрастных, и поколенческих особенностей с большим оптимизмом оценивает настоящее и будущее, но одновременно ограничена в возможности активно формировать его и в целом темпоральное поведение собственными усилиями.

Третья темпоральная стратегия поведения связана с проявлением активного *темпорального пессимизма*. Главный ее признак – ярко выраженное состояние страха перед временем, его динамикой, социальными изменениями и ограниченное проявление надежды на лучшее будущее. Множественность, вероятностность, неопределенность социального времени воспринимается носителями данной стратегии в большей степени как угроза, а не потенциальная возможность. Но при этом в поведении демонстрируется активная позиция в отношении преодоления данного состояния. У носителей названной стратегии сформирована потребность в конструктивном решении проблемы дефицита и неопределенности времени. Они также обладают развитыми навыками организации времени жизни или стремятся к их развитию и реализации в практической деятельности.

Отношение к социальному времени в данной типологической группе связано с пессимистическим взглядом на сущность и последствия любых изменений (по принципу «новое всегда хуже старого»). Тем не менее, в сознании сформирована установка на активное преодоление негативных последствий, объективную оценку рисков и планирование допусков (возможных способов минимизации) в их отношении.

Фактором, который может препятствовать в определенной степени реализации конструктивного потенциала данной модели темпорального поведения, является состояние страха. Повышенный уровень тревожности, фобии могут привести к выбору радикальных и не всегда успешных форм поведения. Однако «нормализованный» страх, стимулирующий защитную активность, не мешает трезвому, сознательному выбору форм и способов ее проявления, способствует объективной, осторожной оценке настоящего и будущего и

³⁰¹ Шмерлина И. Свободное время – навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. – 2007. – № 8.

формированию адекватных способов адаптации к ним. Активная жизненная позиция и развитые темпоральные навыки и умения в организации времени отчасти компенсируют негативные последствия социального пессимизма, распространенного в определенных слоях «класса интеллектуалов», в том числе российского бизнес-и научно-педагогического сообществ.

Четвертая темпоральная стратегия поведения основана на *пассивном темпоральном пессимизме*. Она характеризуется отсутствием потребности и/или способности управлять временем и усилением этой установки в условиях нелинейности его социальной динамики. Ярко выраженные негативные эмоции, прежде всего, страх в самых разных его формах, купируют возможность построения объективной картины мира в ее темпоральном разрезе. Нелинейное время с его ускорением, интенсивностью, сочетанием различных траекторий и ритмов формирует представления о полном хаосе и неуправляемости миром, собственной жизнью, невозможностью ее планирования на какой-либо даже маленький срок. Отсутствие развитых темпоральных навыков и способностей (к оценке, организации времени или хотя бы приспособлении личного и внутреннего времени к внешним временным структурам и ритмам) усиливают социальный пессимизм и ухудшают социальное самочувствие.

Пассивность в отношении настоящего и будущего и их негативные оценки и эмоциональное восприятие сопровождаются социальной ностальгией, ориентацией на прошлое, которое известно, определено, а главное – уже безопасно. Чрезвычайно болезненно носители четвертой стратегии воспринимают попытки «переписать», дискредитировать, «стереть» прошлое, так как это единственная надежная их опора в мире неопределенности и текучести. Нужно отметить, что это один из распространенных в российском обществе типов темпоральных стратегий поведения. Он характеризует поведение пенсионеров, маргинальных общностей, социально депривированных слоев населения.

Открытым остается вопрос о степени конструктивности названных темпоральных стратегий. Конструктивность определяется возможностью помочь человеку в реализации его социальных потребностей и целей, повышении адаптационного потенциала и устойчивости к негативным последствиям «текущей современности». Конструктивной, на наш взгляд, является первая стратегия, хотя усиление полюса надежды в виде доминанты утопических представлений или мечты несет в себе риск неадекватных и неэффективных действий.

Средней степенью конструктивности обладают вторая и третья темпоральные стратегии, опять же при условии нормализации

эмоционального состояния и переживания времени. Очевидно, деструктивный характер имеет четвертая стратегия, поскольку влечет за собой снижение социальной активности и усиление полюса страха. Деструкция может иметь как явно выраженное, так и латентное проявление и распространяться не только на жизнь отдельного человека, но и целой социальной общности.

В качестве примера сошлемся на исследование наркомании как аномальной формы адаптации молодежи, проведенное в 2000-е гг. уральскими социологами³⁰². Они полагают, что одной из социальных причин наркотической зависимости в молодежной среде является страх перед неуспешностью и стресс от чрезвычайно быстрых социокультурных изменений. Отсутствие адаптационного потенциала у некоторых групп молодежи приводит к желанию «остановить время», «убежать» от его неумолимого и безжалостного хода. В состоянии наркотического опьянения искажается восприятие собственного времени – оно начинает течь либо очень медленно, либо ускоряется; при выходе из наркотического состояния острота переживания времени также снижается из-за физической и психологической «ломки». В любом случае это приводит к снятию, хотя бы на короткий срок, «темпорального» напряжения. Подобная стратегия поведения чрезвычайно деструктивна и опасна, поскольку развивается по законам социально-психологического заражения и приобретает масштабы национальной катастрофы.

Отдельно следует остановиться на вопросе о распространенности различных типов темпоральных стратегий поведения в российском обществе. Вторичный анализ результатов социологических и социально-психологических исследований показывает, что первый тип темпоральной стратегии формируют и развивают представители инновационных социальных общностей. Среди них исследователи выделяют особое социальное образование, которое в современном «мобильном обществе» занимает доминирующие позиции в социальной иерархии – «knowledge-class» (в западной литературе) или «класс интеллектуалов»³⁰³. С этим можно согласиться, тем более что определенные слои данного «класса» образованы представителями научно-педагогического сообщества, для которых проблема времени известна как с профессиональной, так и практической, обыденной стороны.

Названный тип стратегии, несмотря на его эффективность, – наименее распространенный. Если принять за один из признаков

³⁰² Талалаева Г. В., Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Наркомания: аномальная форма адаптации молодежи. – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2007.

³⁰³ Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. – 2000. – № 6.

данной стратегии особую ценность (и соответственно дефицит) времени, то, по исследованиям И. Шмерлиной, только 10 % россиян можно признать носителями этой стратегии. Для подавляющего большинства россиян время не является остродефицитным ресурсом³⁰⁴.

Мы предполагаем, что достаточно распространенным первый тип стратегии становится в некоторых слоях бизнес-сообщества, «продвинутые» представители которого владеют методами тайм-менеджмента и стратегического планирования собственной жизни и личностного развития. Исследование, проведенное под руководством М. К. Горшкова в 2006 г., показало выраженность тенденции индивидуализации в средних слоях городского населения, что позволяет сформулировать гипотезу о формировании новых темпоральных стратегий поведения, инновационных для российского общества, именно в среде городского среднего класса³⁰⁵.

Стратегии пассивного оптимизма и пассивного пессимизма общим признаком имеют отсутствие развитых навыков организации времени. Исследование И. Шмерлиной показывает, что большинство россиян по-прежнему не умеют организовать такой вид личного времени, как свободное, а 19 % не удовлетворены его качеством³⁰⁶. Самое же главное – отсутствует понимание ценности и возможностей данного временного ресурса.

Более серьезного, глубокого эмпирического исследования требует темпоральное поведение религиозных общностей, которое укладывается в рамки второй и третьей стратегий в зависимости от эсхатологической картины мира, формируемой религиозной традицией и современным религиозным сознанием.

Новые темпоральные стратегии поведения, соответствующие особенностям нелинейного общества, характеризуются тем, что в них содержится не одна, а совокупность линий поведения, зачастую имеющих разнонаправленный характер. Эти линии поведения соответственно формируются и поддерживаются различными структурами индивидуального и группового сознания. Особенностью темпорального поведения становятся гибкие и быстрые переходы между этими линиями.

Многообразие вызовов внешней социальной реальности соответствует многообразию диспозиционных комплексов (целей, ус-

³⁰⁴ Шмерлина И. Указ. соч.

³⁰⁵ Городской средний класс в современной России : аналитический доклад (подг. в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации). – М. : ИС РАН, 2006. – С. 87.

³⁰⁶ Шмерлина И. Указ. соч.

тановок, интересов и т. д.), лежащих в основе способов освоения социального времени социальными субъектами. Например, в деловой жизни реализуется один комплекс установок на темпоральное поведение, связанный с высокими скоростями, ориентацией на будущее, опережение и т. д. В семейной жизни реализуется другой комплекс, связанный с неспешностью, традициями, устойчивостью к изменениям.

Отличительной чертой темпоральных стратегий становится принципиальная установка на постоянное обновление траекторий поведения, способствующих решению тех или иных жизненных и профессиональных проблем, достижению целей и т. д. В отношении использования временных ресурсов это проявляется в поиске новых способов их оптимизации, конвертации в другие виды ресурсов, поиске новых форм временной организации жизни в различных сферах – в быту, на работе, в сфере досуга.

Кроме того, обозначенная установка способствует развитию новых темпоральных навыков, например, гибкого и быстрого переключения с одного вида деятельности на другой, поддерживание в поле зрения сразу нескольких объектов или процессов, умение видеть развитие этих процессов и объектов во времени и управлять им. Эта установка, реализующаяся в поиске принципиально нового темпорального порядка и организации с учетом особенностей динамики социального времени современного общества, соответствует такому принципу функционирования нелинейных систем, как непредсказуемость развития и невозможность воспроизвести поведение, адекватное начальным условиям и параметрам.

Логика нелинейного мышления в поведении и деятельности социального субъекта приводит к тому, что время становится так называемым *управляющим параметром*, манипулирование которым ведет к серьезным и глубоким изменениям в жизни самого субъекта и его окружения³⁰⁷. Нелинейная динамика социального времени позволяет произвольно «играть» этим фактором – сжимать и растягивать его, ускорять и замедлять, дробить или формировать единый временной континуум, синхронизировать или десинхронизировать, делать более напряженным. При этом линейность и нелинейность не исключают, а дополняют друг друга. Линейно организованное время может быть одной из нескольких возможных линий или траекторий темпоральной стратегии поведения, не доминирующей и не единственной.

³⁰⁷ Пьянкова С. Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив // Психологические исследования. – 2009. – № 1 (3) [Электронный ресурс]. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/57-pyankova3.html> (дата обращения: 23.12.2013).

В соответствии с выше обозначенными принципами методологии нелинейного анализа *темпоральные стратегии поведения* можно рассматривать как способ перевода социального объекта (системы, ситуации, индивида, группы и т. д.) с одной траектории развития на другую за счет изменения свойств социального времени методом «иглоукалывания реальности» (выражение С. Курдюмова). Этот метод, описываемый известной метафорой «эффект бабочки», предполагает выстраивание такой линии поведения, когда манипулирование временем происходит в точно определенные моменты и с четко рассчитанной силой, способной произвести нужные изменения в социальном субъекте или его окружении и закрепить ситуацию или систему в подходящем аттракторе.

Обозначенные научные подходы, безусловно, только рамочно задают направления дальнейшего теоретического и эмпирического исследования темпоральных стратегий поведения многообразных социальных общностей. Отдельной проработки требует определение эмпирических показателей той или иной темпоральной стратегии поведения и изучение тех социальных общностей, которые ее продуцируют и транслируют в социальной среде.

4.5. Темпоральные «складки» современного города: линейная и нелинейная динамика социального времени горожан

*Внутри всякого города есть
другой город*

Жиль Делез

Темпоральные стратегии поведения городских социальных общностей формируются под влиянием разнообразной и чрезвычайно специфичной городской среды. Образ жизни горожан, их видение жизненной перспективы и способов решения жизненных проблем во многом определяются темпоральными факторами городской жизни. Специфика социального времени города ощущается прежде всего на быденном уровне, на уровне ощущений и психологического восприятия городской жизни и поведения горожан. Научный анализ позволяет не только сформулировать научные доказательства специфичности времени города, но и зафиксировать механизмы, условия и факторы формирования темпоральных стратегий поведения горожан, принадлежащих к различным общностям.

Для изучения времени современного крупного города – мегаполиса – недостаточно применить какой-то один, узко дисципли-

нарный подход – философский, социологический или культурологический. Требуется мультидисциплинарное и мультипарадигмальное видение этого явления. Кроме того, для описания и анализа времени города уместно использование категориального аппарата не только гуманитарных, но и естественных наук. Так, используя понятие «складчатой» Вселенной Д. Бома в качестве метафоры для описания социального времени города, мы выходим на понимание сущности темпоральности современного мегаполиса.

Город политемпорален, т. е. имеет «время, собранное из многих складок»³⁰⁸, которые «разворачиваются» и «сворачиваются», осознаются или скрываются от сознания тех или иных субъектов городской жизни. «Складчатое» время города как целостность воспринимается в виде абстракции, формирующейся в сознании исследователя. В повседневной, обыденной жизни воспринимаются, как правило, лишь переходы от одного темпорального порядка «складки» к иному. Так, горожанин вдруг открывает для себя особые темпоральности представителей других этнических групп (например, трудовых мигрантов из Средней Азии), молодежных субкультур (создающих не только свои специфические временные режимы, но специфическое отношение к течению времени, к таким экзистенциальным сущностям, как рождение и смерть), мобильное время бизнес-сообщества и т. д. Такое «открытие» (встреча) иного времени порой весьма болезненно переживается, вызывая (по аналогии с культурным шоком) *темпоральный шок*, обусловленный различиями, а порой и несовместимостью темпоральных порядков.

Многослойность времени города связана с его сложной пространственной структурой, которая формируется объектами, имеющими различную темпоральность: это деловые центры и спальные районы, различающиеся скоростью разворачивающихся в них процессов; это жилые кварталы, «засыпающие» ночью, и торгово-развлекательные центры, в которых день и ночь не различимы и не имеют видимых границ (кроме тех, на которые указывают часы); это просматриваемая темпоральность заводов, школ и офисов, образованная потоками входящих и выходящих из них в определенное время людей, и невидимая темпоральность фрилансеров и интернет-магазинов, охарактеризованная термином «текучести»³⁰⁹. Таким образом, «складчатое» время коррелирует с другими видами «складок» города. Как отмечает Е. Н. Заборова, «современный крупный город – это не столько пространство мест, территорий,

³⁰⁸ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 22.

³⁰⁹ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века. – М.: ИД «Высшая школа экономики», 2012.

материально оформленных и функционально ориентированных, сколько совокупность разнообразных потоков – людских, информационных, логистических и многих других»³¹⁰. Именно эти потоки и образуют «складчатую» структуру современного мегаполиса.

«Складчатая» темпоральность города сформирована образом жизни тех социальных общностей, представители которых могут позволить себе поспать до обеда в выходные дни и иметь двухнедельные новогодние каникулы, и образом жизни тех, у которых в сутках не 24, а 25–26 и более часов (это представители бизнеса, предприниматели). В мегаполисе, с одной стороны, есть «складки», образованные временем, которое не принадлежит людям: их время «продано» работодателям, закрепощено ими, отчуждено от его субъекта. С другой стороны, есть такие темпоральные структуры, которые формируются «свободными художниками» (фрилансерами), распоряжающимися не только своими талантами и возможностями, но и таким ценным ресурсом, как время.

Темпоральные «складки» – это своеобразные «дебри» мегаполиса, сквозь которые приходится идти горожанину ежедневно, синхронизируя их, иногда приспособливаясь к ним, иногда преодолевая их, «стесывая» по возможности неудобные моменты. Взаимодействие в условиях складчатой темпоральности всегда чревато конфликтами. И главной причиной таких конфликтов становится противоречие между быстрым темпом жизни, сложными нелинейными переходами во времени одних социальных общностей и «медленной», «неспешной» линейной темпоральностью других, «медленным» окружением, образованным различными организациями, структурами, институтами.

Несовпадения темпоральностей, обусловленные пребыванием в различных «складках», приводят к новому виду социального неравенства. Социальное неравенство, понимаемое как неравный доступ к социальным благам, своим источником может иметь не только «видимые» различия между индивидами и общностями (материально-экономические, образовательные, гендерные и пр.), но и «невидимые» – такие, как темпоральные различия. Традиционный научный взгляд на социальное неравенство до определенного момента не фиксировал значения социального времени в стратификационных процессах, пока об этом с очевидной ясностью не заявили первооткрыватели «мобильного» и «текучего» общества З. Бауман и Дж. Урри.

Описывая основные постулаты современного общества, Бауман называет время самой мощной силой, действующей в нем –

³¹⁰ Заборова Е. Н. Человек в пространстве крупного города // Дискусия. – 2012. – № 4. – С. 91.

«вторгающей, побеждающей и колонизирующей силой»³¹¹. Время связывается в его работах с нападением, соревновательностью, доминированием, манипулированием, властью, а конкурентные премушества и успех – со скоростью деятельности, передвижения, реагирования, адаптации к изменениям.

Он полагает, что «неуклонное увеличение скорости движения и развитие средств, повышающих мобильность, в современный период стали основным инструментом власти и доминирования»³¹². Таким образом, Бауман выдвигает идею нового вида социального неравенства, связанного с обладанием временем и возможностью управлять им. При этом подчеркивается, что время «текущего» общества имеет особые свойства и проявления, коренным образом меняющие природу и механизмы социального расслоения. Бауман пишет, что современная власть легка, неуловима, быстра в передвижениях. Ее представители образуют класс «современных кочевников», доминирующих над теми, кто ведет «оседлый» образ жизни.

Идея Баумана о темпоральной основе современного неравенства находит свое подтверждение в реалиях современной социальной практики. Так, один из ресурсов социального управления, используемый в качестве инструмента властного влияния, – возможность распоряжаться своим собственным рабочим временем и рабочим временем своих подчиненных. Исследователи отмечают, что в индустриальном обществе большое количество социальных конфликтов разворачивалось вокруг права капитала на организацию и увеличение рабочего времени³¹³.

Сегодня эта проблема не потеряла своей актуальности. Чем выше статус руководителя, тем больше у него прав на планирование, экономию либо увеличение ресурсов времени. Время руководителя *мобильно*, подвижно: достаточно легко сжимается или расширяется, легко переструктурируется в соответствии с интересами и потребностями его владельца.

Благодаря обладанию *мобильным временем* можно сознательно регулировать объем свободного времени – ресурса профессионального и личностного роста и самореализации. Проблема свободного времени в таком аспекте хорошо была разработана в отечественной социологии³¹⁴. Свободное время трактовалось как

³¹¹ Бауман З. Текучая современность. – М. : Питер, 2008. – С. 16.

³¹² Там же.

³¹³ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия... – С. 159.

³¹⁴ Грушин Б. Свободное время. Актуальные проблемы. – М. : Мысль, 1967; Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия...; Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства...

время, которым человек может распоряжаться по собственному усмотрению, *независимо* ни от кого и ни от чего. Эффективное использование этого дефицитного ресурса позволяет накапливать и развивать различные виды человеческого и социального капиталов – социальные и профессиональные знания и навыки, достижения и регалии, социальные контакты и доверие и пр. Таким образом, *свободное* время становится капиталом, *свободно* конвертируемым в другие важные виды ресурсов, обеспечивающих тот или иной статус в обществе не только индивиду, но и целым социальным общностям.

Время подчиненных в большинстве случаев им не принадлежит. «Закабаление временем» как социальное явление существовало всегда, но только сейчас оно стало рассматриваться в качестве инструмента управления и доминирования, который применяется зачастую неосознанно, но от этого не теряет ни своей силы, ни масштабов применения. Соответственно, возможность выполнять работу, предполагающую гибкий временной график, делает определенные профессиональные общности *темпорально мобильными и свободными*. К таким общностям можно отнести бизнесменов и предпринимателей, отчасти – научно-педагогическое сообщество, представителей IT- и креативных профессий (художников, дизайнеров и пр.).

В западно-европейских странах сегодня широко распространены виды занятости, позволяющие работнику самостоятельно определять объем, структуру и режим рабочего времени. Растут статистические показатели занятых в сфере интернет-экономики: в 1993 г. в Великобритании были заняты в ней только 0,5 %, к 2002 г. этот показатель вырос до 7,4 %³¹⁵. В связи с этим получила распространение модель менеджмента, основанного на доверии, которая включает в себя свободное планирование и структурирование рабочего времени, а оплату труда – по показателям эффективности³¹⁶. В современном обществе «человек организации», закабаленный временем, противопоставлен и проигрывает «самопрограммирующемуся работнику» (М. Кастельс), достаточно свободно распоряжающемуся временем.

Темпоральная мобильность проявляет себя не только как свойство индивидуальной стратегии поведения, но и как макро-фактор, действующий на уровне социальных институтов и организаций. Организации, использующие традиционные «медленные» технологии, обречены на проигрыш в конкурентной борьбе с организациями,

³¹⁵ Соколова М. Е. Социальное время и новые электронные технологии : аналитический обзор. – М. : ИНИОН, 2006. – С. 74.

³¹⁶ Там же. – С. 83.

использующими «быстрые» цифровые технологии. Это происходит независимо от сектора рынка, в котором они работают. Прибыль, эффективность обеспечиваются благодаря быстрому обновлению товаров и услуг (соответственно и их быстрому старению), экономии времени и денег на ускорении физического перемещения людей, объектов и ресурсов, а также за счет экономии, которую дает использование виртуального времени и пространства.

Расстановку социальных сил и отношений сегодня начинает определять не только «часовое», но и «мгновенное» время, воплощенное в клиповых рекламных технологиях. Из быстро сменяемых картинок «монтируется» сознание работника, потребителя, гражданина. Владение такими технологиями – один из элементов темпоральной мобильности, позволяющей быть управляющим, а не управляемым.

По мнению Баумана, современная элита не обременяет себя ценностями «вечных» вещей, которые обеспечивали статус в традиционном обществе. «Вечное» – значит, постоянное – сковывает, лишает физической и темпоральной мобильности. Поэтому «именно присущая стилю Билла Гейтса способность сокращать временной промежуток долговечности, забывать о «продолжительных сроках», сосредоточиваться на манипуляциях с быстротечностью, а не долговечностью, легко избавляться от вещей, чтобы очистить место для других вещей, столь же временных и предназначенных для немедленного использования, в настоящее время является привилегией людей, находящихся на вершине, а именно эта способность делает их таковыми людьми»³¹⁷.

Владение временем и возможность распоряжаться им – необходимое, но недостаточное условие социального доминирования. Например, безработные, бомжи обладают свободным временем в большом количестве, но не могут использовать его как ресурс восходящей мобильности. Время начинает приобретать особую ценность и значимость только на определенной ступени социальной иерархии. Увеличение объема и стоимости символических и материальных благ в соответствии со статусом дает возможность выкупить у работодателя собственное свободное время или обменять его на чужое рабочее время.

Кроме того, в условиях нелинейной социальной реальности темпоральная мобильность основывается на развитых темпоральных установках, ориентациях, потребностях, а также знаниях и навыках, присущих социальному субъекту – индивиду или общности. Особое значение имеют ориентации на определенный модус времени – прошлое, настоящее или будущее. Последние особенно ценны, по-

³¹⁷ Бауман З. Текущая современность... – С. 137.

скольку снижают неопределенность и дают надежду, особенно в периоды социальных кризисов и трансформаций. Так, например, власть в некоторых религиозных и политических общностях базируется на вере последователей в те образы будущего, которые конструируют их лидеры³¹⁸. Другое дело, если эти представления и ориентации не соответствуют объективным тенденциям технического, экономического, культурного, политического развития общества, а носят утопический характер. В этом случае власть локализуется в границах общности, а сами общности в социальной структуре определяются как маргинальные.

Восприятие и использование в собственных интересах таких характеристик нелинейного времени, как множественность, поливекторность, хаотичность, напряженность, невозможно без специфических, так называемых мультимедийных, знаний и навыков. Именно они создают когнитивные предпосылки темпоральной мобильности.

Е. Н., 34 года, менеджер: *«Свою способность многое успевать я связываю с моими личными качествами. Например, я умею совместить сразу несколько дел, не совмещающихся друг с другом. Умение быстро адаптироваться к изменениям и окружению – это мой конек, поскольку были кризисные ситуации, когда можно было все потерять, а я выигрывала».*

Новая реальность, конструируемая по принципам гипертекста, предполагает быстрые, мгновенные нелинейные переходы из одного пространства и времени в другое, с другим режимом и темпом, и одновременно – умения схватывать эту реальность целостно. Владение цифровыми технологиями и конструктивное их использование, понимание особенностей виртуального пространства и времени формируют такие навыки и обеспечивают конкурентные преимущества их носителям.

Таким образом, конструктивные темпоральные стратегии поведения в «текущем» обществе связаны с использованием нового социального ресурса – темпоральной мобильности, которая создает основу дифференциации индивидов и общностей по такому критерию, как особенности отношения к времени и отношений со временем. Возникающий в связи с этим вид *темпорального неравенства* порождает как новые риски, так и новые возможности и новые перспективы развития общества.

Для беспрепятственного передвижения в темпоральных «складках» мегаполиса требуются именно такие инновационные стратегии поведения, обладающие конструктивным потенциалом.

³¹⁸ Ахметова М. Конец света в одной отдельно взятой стране. – М. : ОГИ : РГГУ, 2010.

Они выступают маркером авангардных социальных общностей, проживающих в мегаполисе. К ним можно отнести определенные слои бизнес-сообщества, фрилансеров, волонтеров, научно-педагогического сообщества, чья деятельность должна отвечать «вызовам» современности не только по своему содержанию и целевой направленности, но и по темпоральным характеристикам: способам рационального использования времени, позитивному отношению к нему, его сложной структуре, безошибочной ориентации в условиях его нелинейной динамики и пр. Таким образом, для авангардных общностей «складчатая» темпоральность города – это не только риски, но и новые возможности, источник энергии, вдохновения и развития.

Глава 5

Управление темпоральными стратегиями поведения социальных общностей

- 5.1. Управление временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей: методология анализа и управленческие парадигмы
- 5.2. Парадигма жесткого управления временем социальных общностей
- 5.3. Парадигма мягкого управления временем социальных общностей
- 5.4. Управление временем и темпоральными стратегиями поведения городских социальных общностей

5.1. Управление временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей: методология анализа и управленческие парадигмы

*Или вы управляете днем,
или день управляет вами.
Дж. Рон*

Природа и возможности управления социальным временем – проблема, притягивающая внимание не только ученых-теоретиков, но и практиков-руководителей, писателей-фантастов и простого обывателя, задающих вопросом: «Как сберечь и эффективно использовать драгоценный ресурс времени». Несмотря на большое количество пособий, методических разработок и программ тренингов по тайм-менеджменту, в этой области по-прежнему больше загадок и вопросов, чем ясных ответов. Связано это с тем, что тайм-менеджмент охватывает не все социальное время, а только ту его часть, которая находится в распоряжении личности и организации. Между тем, существует еще время социальной общности, общества в целом, имеется интересный опыт управления этими видами времени, практически не осмысленный наукой.

Управление временем представляет собой более широкую область научного исследования и социальной практики, нежели тайм-менеджмент. В менеджменте время является *одним из* ресурсов организации, включающим рабочее время рядовых сотрудников, менеджеров, время организационных процессов. Сотрудник традиционной организации, основанной на иерархических отношениях, продает свое время работодателю и тем самым отказывается от возможности самостоятельно распоряжаться им. В этом случае он выступает *пассивным носителем социального времени*, потенциал которого раскрывается в зависимости от воли и способностей менеджера. Задача последнего заключается в поиске способов рационального использования времени для извлечения дополнительной прибыли³¹⁹. Менеджеру необходимо так выстроить

³¹⁹ Акулич М. М. Власть и управление временем // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2008. – № 4. – С. 24–25.

организационные процессы, чтобы благодаря этому в единицу времени производилось больше действий, продукции или услуг.

Во внеорганизационной сфере общества складывается более сложная система темпоральных отношений и управления ими. Здесь действует намного больше социальных субъектов, реализующих те или иные темпоральные стратегии поведения, более сложными становятся сами темпоральные отношения и взаимодействия. Поскольку в центре нашего внимания находятся социальные общности, то возникает множество непростых вопросов: кому принадлежит время той или иной социальной общности – время молодежи, пенсионеров, горожан и др.? кто им распоряжается и управляет (и управляет ли)? с какими целями? что это дает представителям социальных общностей?

На все эти вопросы тайм-менеджмент ответа не дает: у него специфическое предметное поле, достаточно конкретные, прагматические задачи, ограниченные методы. Менеджеризм не позволяет увидеть и раскрыть особенности управления временем социальной общности и общества, которое имеет иное качество, структуру и функции. Между тайм-менеджментом и управлением временем примерно та же дистанция, что и между социальным управлением и менеджментом.

Изучение времени в более широком, нежели организационный, социальном контексте дает возможность:

1. Конкретизировать управление временем социальной общности посредством рассмотрения способов регулирования различных видов времени – биографического, внерабочего, свободного и т. д.

2. Связать управление социальным временем с управлением человеческим и социальным капиталом общности, поскольку это время приобретает интегрирующий характер, объединяющий все сферы и направления жизнедеятельности.

3. Рассматривать управление социальным временем общности в качестве не только экономического феномена (как предполагает тайм-менеджмент), но более масштабного явления, требующего междисциплинарного подхода.

Последнее замечание представляется нам особенно важным, так как проблема социального времени охватывает чрезвычайно широкий спектр вопросов социальной жизни – от социального пространства до социальной мобильности, от повседневного дефицита времени до смысла жизни.

В данной главе мы раскроем содержание понятия управления временем социальной общности, обобщим опыт управления временем, накопленный человечеством не только в сфере бизнеса, но более широко – в сфере социального управления. При этом мы при-

держиваемся того мнения, что эволюция управленческого знания, представленная в виде смены управленческих парадигм, в полной мере отражается в управлении социальным временем.

Социологическая интерпретация понятия «управление временем» вновь выводит нас на необходимость определения субъекта времени. Словосочетание «управление временем» приобретает фигуральный смысл, если не упоминается тот, кто выступает «владельцем» времени. В этом случае время абстрактно и, значит, не может быть предметом управленческой деятельности. В реальности же время проявляется в социальных фактах – объективных (например, в действиях, поступках) и субъективных (например, в картине мира, убеждениях). *Управлять временем – значит управлять темпоральным поведением социальных субъектов, формируя у них определенный тип темпорального сознания и эмоционального отношения к времени, а на основе этого – темпоральные потребности и модели темпорального поведения.*

Управление временем социальной общности, с точки зрения социологии, равнозначно регулированию ее жизнедеятельности посредством конструирования представлений членов этой общности о времени, его «вписывания» в систему их ценностных ориентаций, формирования поведенческой культуры времени на фоне установления конкретных темпоральных условий жизнедеятельности.

Исходя из этого, мы можем определить три основные методологические позиции, лежащие в основе предпринятого социологического анализа управления временем и темпоральными стратегиями поведения:

1. Управление темпоральными стратегиями поведения выступает особым видом социального управления. Его специфика обусловлена:

1) сложностью феномена социального времени (его свойств, структуры, функций) и многообразием форм его объективации (темпоральные стратегии поведения выступают одной из них);

2) интегрированностью управления в сложную многоуровневую систему социальной регуляции темпорального поведения представителей социальных общностей (управление – один из механизмов социальной регуляции, наряду с ценностно-нормативными комплексами, моралью, традициями, социальным контролем и санкциями и пр.);

3) множественностью субъектов управления, в качестве которых выступают органы власти, образовательные и научные учреждения, общественные и деловые организации и т. д.

2. Управление темпоральными стратегиями поведения социальных общностей формируется в логике «мягкого» управления

сложными социальными процессами, относящимися к разряду самоорганизующихся объектов. Социальное время только отчасти поддается регулированию с помощью жестких методов управления. Их использование может породить противоречия в сознании и поведении представителей социальных общностей, инициировать сопротивление управленческому воздействию, что приведет к снижению его эффективности.

3. Управление темпоральными стратегиями поведения вписано в систему управления жизненными стратегиями социальных общностей, что позволяет рассматривать этот вид управления как универсальный инструмент решения широкого спектра проблемных ситуаций – от повышения производительности труда до поддержания социального порядка и гармонизации общественных отношений.

До конца XX в. темпоральная синхронизация учитывалась при регулировании многих социальных процессов в обществе. Сегодня тотальная синхронизация деятельности всех социальных субъектов не может быть обязательным условием нормального функционирования современного сложного общества – слишком гетерогенного, неустойчивого, глобально дезорганизованного (Дж. Урри), «ускользающего» (Э. Гидденс), «текучего» (З. Бауман), принципиально открытого и неопределенного в своем развитии. В связи с этим возрастает значение искусства управления как инструмента гибкого использования и сочетания различных подходов, способов, технологий конструирования и регулирования темпорального поведения индивидов, организаций и социальных общностей в условиях социальной турбулентности.

Как мы уже отмечали, эволюция управления представляет собой смену парадигм – фундаментальных оснований и концептуальных схем, определяющих характер управленческих мышления и деятельности. *Управленческие парадигмы*, в отличие от научных парадигм, *включают в себя не только теории и концепции, но и свод практического знания, апробированного в повседневной деятельности и отраженного в устойчивых моделях и паттернах социальной практики.* На основе той или иной управленческой парадигмы складываются представления о возможностях и задачах управления, способах постановки и решения проблем и т. д.

В научной литературе представлены различные варианты классификации управленческих парадигм и сценарии их возникновения и развития. Для анализа управления социальным временем остановимся на одном из них, согласно которому выделяется традиционное жесткое управление временем (как целенаправленное и одностороннее *воздействие* субъекта на объект управления) и

современное мягкое управленческое темпоральное *взаимодействие* (предполагающее взаимосвязь и взаимовлияние субъекта и объекта управления).

Прежде чем обратиться к рассмотрению содержания названных парадигм, назовем и охарактеризуем причины смены их друг другом.

Первая причина, на наш взгляд, кроется в изменении свойств самого времени (о чем мы достаточно подробно говорили в предыдущих главах). Сошлемся на мнение С. А. Кравченко, считающего, что «сложный социум возник не только под влиянием собственно социальных изменений, но и благодаря радикальным технологическим, организационным, коммуникационным инновациям, которые в совместном взаимодействии на глобальном уровне реорганизовали казавшиеся “универсальными” качества – пространство и время»³²⁰.

Изменение социального времени, выступающего одним из фундаментальных оснований организации жизнедеятельности людей, влечет за собой переориентацию управления на учет и использование потенциала различных свойств нелинейного времени. Его текучесть, мгновенность, плотность, вероятностность, множественность, с одной стороны, выступают источниками рисков при реализации управленческих проектов (данные аспекты темпоральности жизнедеятельности трудно регулировать, а последствия сложно прогнозировать). С другой стороны, при умелом их использовании эти свойства превращаются в инновационные ресурсы для управленческой деятельности, служат дополнительным источником «социальной» энергии.

Вторая причина смены управленческой парадигмы в отношении времени кроется в трансформации экономики. Переход к постиндустриальной стадии ее развития сопровождается ощутимыми изменениями элементов и взаимосвязей в экономической системе: меняется структура экономики (на первое место выходит сфера услуг и производство высокотехнологичной продукции), ее ресурсная база (важнейшими ресурсами становятся нематериальные активы – знания, интеллект, время), организационно-правовые формы (происходит флексибилизация трудовых отношений и занятости), характер динамики экономических процессов (наблюдается их ускорение, бифуркационный, волнообразный характер).

Одним из главных признаков постиндустриальной экономики стала ее способность удовлетворять многообразные интересы и потребности людей, не только базовые – витальные, материаль-

³²⁰ Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 20.

ные, – но и специфические социальные и духовные – например, потребность в свободном времени³²¹, быстром перемещении по всему миру³²² и т. д. Исследователи отмечают, что в постиндустриальной экономике все больше производится товаров и услуг, имеющих нерыночный характер, что затрудняет определение количества и стоимости времени, затраченного на их производство³²³, увеличивается количество и изменяется содержание времени потребления³²⁴.

Управление экономическими отношениями в постиндустриальном обществе учитывает стремление людей свободно распоряжаться своим рабочим временем и использует время в качестве стимула труда³²⁵. Ядром системы управления в условиях постиндустриального общества становится не просто управление изменениями и инновациями, а *управление их скоростью, темпами*³²⁶.

Третьей причиной смены управленческой парадигмы в отношении времени стало усиление роли человеческого фактора. Социальное время является неотъемлемым элементом человеческого, социального и культурного капитала личности и социальной общности. Жизненное или биографическое время, возраст человека – это одновременно и физический, и символический человеческий капитал (вспомним слова известной песни: «мои года, мое богатство»). О темпоральном аспекте культурного капитала писал П. Бурдьё: «Начальное накопление культурного капитала начинается от рождения, без опоздания, без потерь времени у членов

³²¹ Рейн А. Чем отличается постиндустриальная структура от индустриальной? Ключевые особенности [Электронный ресурс]. – URL: <http://fb.ru/article/138835/chem-otlichaetsya-postindustrialnaya-struktura-ot-industrialnoy-klyuchevye-osobennosti> (дата обращения: 25.11.2014).

³²² Мустафаева З. А. Трансформация сферы услуг в постиндустриальном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3. – С. 73.

³²³ Демина В. В. Трансформация социально-экономического содержания рабочего и свободного времени в постиндустриальной экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2011. – С. 3.

³²⁴ Теорию распределения времени, в том числе на потребление, разрабатывал еще Г. Беккер. См.: Becker G. S. A theory of the allocation of time // Economic Journal. – 1965. – Vol. 75. – № 299. – Sept. – P. 493-517 (рус. пер. ст. см.: http://www.seinstitute.ru/Files/v3-5-becker_p82-121.pdf).

³²⁵ Демина В. В., Толокина Е. Л. Рабочее и свободное время как категории экономической теории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». – 2012. – № 4. – С. 7.

³²⁶ Баскин А. И. Время в системе экономических ресурсов постиндустриального общества : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2006. – С. 6.

только тех семей, которые наделены мощным культурным капиталом; в этом случае время накопления охватывает целиком все время социализации»³²⁷. Социальное время выступает также элементом социального капитала общности, поскольку объективируется в социальных интеракциях и служит обеспечением кредита доверия и согласия внутри общности и в ее отношениях с другими общностями. На наш взгляд, социальное время социальной общности выполняет функцию интеграции различных видов ее капитала, в том числе физического, материального и символического.

Теории человеческого и социального капитала произвели мощный сдвиг не только в области научного осмысления социальной реальности, но и в практической сфере управления. Категории человеческого, социального и культурного капитала личности, организации, социальной общности стали привычным инструментом социального управления социальными системами. Вместе с тем приобрело новый смысл управление временем: оно стало трактоваться как способ формирования, сохранения и развития названных видов капитала, как условие их использования и конвертации в другие виды социальных активов. Совершился «переход» управления временем в иное – человеческое измерение на уровне как индивида, так и социальной общности.

Необходимость смены парадигмы управления временем нашла свое отражение в ряде социологических теорий второй половины XX в. Прежде всего, следует упомянуть работы Ю. Хабермаса (посвященные коммуникативному и стратегическому действию), П. Бурдьё и П. Штомпки (в которых для нас важны идеи управления изменениями), Э. Гидденса, А. Этциони.

Социологическая концепция Бурдьё, построенная на ключевых понятиях «агента», «габитуса», «символического и культурного капитала», объясняет, почему методы жесткого управления «не работают» в современном обществе. Французский исследователь подчеркивал, что социальные агенты активны и самостоятельны, они не автоматы, которые действуют «как часы в соответствии с законами механики»³²⁸. Агенты формируют свои жизненные стратегии, исходя из собственных целей и интересов, а не сообразуясь с чьей-то волей.

В пространстве социальных полей осуществляется не управление, а борьба между агентами и институтами. Те из них, что занимают доминирующие позиции, могут заставить других функционировать в собственных интересах, «но должны всегда рас-

³²⁷ Bourdieu P. Trois etats du capital culturel // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1979. – № 30. – P. 4.

³²⁸ Bourdieu P. Choses dites. – Paris : Minuit, 1987. – P. 19.

считывать на сопротивление, встречные требования, претензии»³²⁹. Жесткое управление осуществляется, по мнению Бурдьё, *аппаратом*, который он называет «троянским конем худшего функционализма», поскольку «аппарат – это адская машина, запрограммированная на достижение определенных целей»³³⁰. К аппарату Бурдьё относит тоталитарные институты, использующие тюрьмы, ссылки, концентрационные лагеря, а также диктаторские государства.

В концепции Бурдьё социальное время выступает в качестве предмета борьбы, ресурса или капитала, приобретаемого вместе с другими видами капитала. Он пишет, что наличие материального или символического капитала позволяет регулировать социальные связи и дистанции между людьми, минимизируя таким образом затраты, в том числе и временные, на приобретение дефицитных благ³³¹.

Концепция габитуса Бурдьё служит объяснительной схемой проблемы сопротивления управленческим инновациям и изменениям. Габитус, представляющий собой аккумуляцию прошлого опыта, порождает социальную инерцию и иррациональное сопротивление управлению, когда «люди сопротивляются не только “плохим” переменам, которые усложняют их жизнь или же просто бесполезны, но и тем переменам, которые явно соответствовали их собственным эгоистическим интересам»³³². В основе сопротивления управленческому воздействию, направленному на изменения, лежит, во-первых, страх перед временем, страх перемен; во-вторых, нежелание ломать привычки (габитус – структура, порождающая и поддерживающая привычки); в-третьих, недостаток информации. Последняя причина актуализирует значение знания, шире – информации для выработки и реализации управленческих решений.

В концепции Бурдьё, так же как и во многих других, проблема управления временем в очевидной форме не присутствует. Тем не менее мы можем рассмотреть некоторые ее положения сквозь призму исследуемой нами проблемы. В управлении временем, которое представляет собой важнейший элемент человеческого капитала, важен акцент на активность и самостоятельность соци-

³²⁹ Bourdieu P. (avec Loic J. D. Wacquant). Reponses. – Paris : Seuil, 1992. – P. 78.

³³⁰ Ibid.

³³¹ Бурдьё П. Социология политики. – М. : Socio-Logos, 1993. – С. 43.

³³² Нестерова М. А. Методологический потенциал концепции габитуса в управлении изменениями [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.infolibrary.com.ua/books-text-12051.html> (дата обращения: 29.11.2014).

альных акторов. Больше всего людей пугает внешнее, неконтролируемое вмешательство чужой воли в любые сферы их жизнедеятельности. Эту закономерность часто игнорирует управленческая практика, порождая «эффект утраты контроля над собственной жизнью»³³³. По мнению исследователей, большинство программ изменений как на организационном, так и государственном уровне так или иначе используют системы принуждения, в том числе и при обучении (реализуются не собственные, а чужие идеи, навязываются предписания, которые просто необходимо исполнять).

Развернутая концепция социальных изменений и управления ими принадлежит Штомпке. Так же, как и Бурдые, польский социолог подчеркивает особую роль в управлении изменениями индивидов и общностей, которые действуют как бы «снизу», и одновременно – возможность и значение их взаимодействия с органами власти и организациями, реализующими управление «сверху».

Историческая тенденция, по его мнению, свидетельствует о неизбежной эволюции социального управления от неограниченного, бесконтрольного господства и планирования социальной жизни к осознанию необходимости его ограничения. Приведем дословно мнение Штомпки: «Понятие преднамеренного, планируемого изменения и концепция коллективного, группового действия дополняют образ спонтанных изменений, производимых индивидами. Тем самым движущие силы находят свое окончательное воплощение в коллективных, или корпоративных, субъектах действия. Одни действуют «сверху», давая указания, – это правительства, законодательные и административные органы, корпорации и т. д. Другие действуют «снизу», постепенно производя изменения, – это ассоциации, группы давления, лобби, социальные движения. Их комплексное взаимодействие составляет политическую арену современных обществ, и преднамеренный результат их действий пересекается с распыленной повседневной активностью индивидуальных деятелей. Так индивиды и коллективы сообща формируют извилистый курс человеческой истории»³³⁴.

Как видим, изменение подходов к управлению временем осуществляется в русле трансформации концептуального видения природы, возможностей, предмета и задач социального управления в современном мире. Социальное время как объект научного исследования и управленческой деятельности становится все более многогранным и сложным, в связи с чем расширяется проблемное поле и науки (социологии времени, социологии управления), и со-

³³³ Нестерова М. А. Указ. соч.

³³⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 244.

циальной практики. Незавершенность проблемы управления социальным временем делает необходимым обращение к различным областям знания – общей теории социального управления (включая философию, социологию и психологию управления), теории менеджмента (в том числе тайм-менеджмента), смежным социально-гуманитарным наукам, повседневному опыту управления различными видами социального времени. Междисциплинарность исследования управления временем, на наш взгляд, обоснована и позволит определить характер, механизмы и результативность выделенных нами управленческих парадигм.

5.2. Парадигма жесткого управления временем социальных общностей

*Глупо строить планы на всю жизнь,
не будучи господином
даже завтрашнего дня.*

Сенека

До конца XX в., когда названные изменения времени, экономики и капитала произвели сдвиг в концептуальном видении системы социального управления в целом и такой ее сферы, как управление временем, в нашей стране и в теории, и практике доминировало традиционное понимание управления. Оно подразумевало сознательное воздействие субъектов управленческой деятельности на объект с целью изменения параметров его функционирования, в частности, сознания и поведения людей в соответствии с целями, интересами, представлениями субъектов управления. В рассматриваемой сфере управления временем это означало жесткое подчинение всех темпоральных аспектов жизнедеятельности индивидов, социальных общностей, общества воле и интересам управляющих.

Жесткое управление предполагает применение силовых, принудительных, командно-административных мер и стиля руководства в соответствии с планом, проектом или представлением руководителя и не учитывает обратную связь и реакции со стороны объекта управления. Доминирующей функцией «жесткого» управления выступает распорядительство, а основным способом выражения воли – императивные указания³³⁵. Такой характер традиционного управления не случаен: в традиционном обществе, в рамках

³³⁵ Овсянко Д. М. Административное право : учебник для вузов. – М. : Юрист, 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-6/159.htm> (дата обращения: 25.11.2014).

которого формировался данный тип социального управления, его основой выступала личная зависимость человека от человека и традиция³³⁶. В истории некоторых стран мы находим тому доказательства.

Так, в основе модернизационного проекта Петра I и стратегии ускорения российского общества в период «перестройки» лежали методы силового управления временем общества. Это яркие примеры неорганической модернизации, которая предполагала искусственное изменение темпорального режима функционирования общества – его ускорение, синхронизацию с более «быстрыми» странами, прерывание временной преемственности с предыдущими периодами развития и др.

Модернизация японского общества в XX в., в результате которой возникло «японское чудо», служит другим примером жесткой эксплуатации (точнее было бы сказать «экспроприации») времени рядовых японцев. Управление Японией в начале XX в. носило полфеодалный характер, что позволило переложить на японцев все издержки за модернизацию страны. В стране был установлен не только чрезвычайно низкий уровень заработной платы, но и наиболее продолжительный рабочий день (до 15–18 часов). Жестко эксплуатировались не только взрослые, но и дети, чей рабочий день не отличался от рабочего дня взрослых, а заработок был в 10 раз ниже³³⁷.

Нужно отметить, что Японии удалось успешно решить историческую задачу и стать одной из самых развитых не только азиатских, но и в целом мировых, держав. Однако не следует забывать, что, во-первых, успех японцев базировался и базируется по сей день на стремительном технологическом развитии при сохранении традиционной (архаичной) культуры и соответствующего мировоззрения. Во-вторых, он по-прежнему связан с жесткой эксплуатацией времени трудящихся. По законодательству на предприятиях установлена 40-часовая рабочая неделя, кроме предприятий розничной торговли, салонов красоты, кинотеатров, театров, учреждений здравоохранения и гигиены, ресторанов и развлекательных заведений, в которых она может быть увеличена до 44 часов. Для сотрудников, работающих сверхурочно, устанавливаются

повышающие коэффициенты, примеры которых представлены в табл. 1³³⁸.

Таблица 1

Повышающие коэффициенты
в оплате сверхурочной работы в Японии

	Повышающий коэффициент, %
Работа сверх установленного законом рабочего времени	25
Работа в установленные законом выходные дни	35
Работа в ночное время	25
Работа в ночное время сверх установленного законом рабочего времени	50
Работа в ночное время в установленные законом выходные дни	60

Несмотря на законодательные нормы, ограничивающие рабочее время, японцы поддерживают культуру трудолюбия, добровольно проводя большую часть своего времени на работе, вне семьи и других социальных связей. Некоторые японские компании сегодня изменяют социальную политику, сокращая продолжительность рабочего дня; тем не менее, Япония по-прежнему занимает верхние позиции в рейтинге стран с самыми продолжительными рабочим днем и рабочей неделей. Провести на больничном более 1–2 дней в году или взять отпуск более 8 дней (по закону отпуск составляет 18 дней) считается, с точки зрения неформальной этики японских корпораций, непозволительным и может послужить причиной непродления контракта.

Примечательно, что большинство японцев добровольно соглашаются на увеличение рабочего дня без дополнительной оплаты: одни – для карьерного роста (который является чрезвычайно «медленным» в этой стране), другие – для демонстрации лояльности компании, третьи – потому что так делают все остальные члены коллектива из стремления обеспечить качество своей работы. Жесткость неформальной трудовой этики и группового давления – это тоже проявления жесткого стиля управления, который имеет не только положительные (высокая производительность и

³³⁶ Мухаметжанова В. С. Социальное управление в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществе: перспективы развития систем управления // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2010. – № 3. – С. 84.

³³⁷ Леоненко П. М., Юхименко П. И. Экономическая история [Электронный ресурс]. – Киев : Знания-Пресс, 2004. – URL: <http://banauka.ru/60.html> (дата обращения 27.11.2014).

³³⁸ Трудовое законодательство Японии // BusinessTime : журнал о бизнесе в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – 2011. – 17 июня. – URL: <http://banauka.ru/60.html> (дата обращения: 27.11.2014).

качество труда и пр.), но и негативные следствия (высокий уровень алкоголизма, суицидов, инфарктов на работе, снижение рождаемости и т. д.)³³⁹.

Как видим, принципы жесткого управления, одинаково распространенного как на Западе, так и на Востоке, характерны для индустриального общества, в котором управляющая подсистема (локализованная на различных уровнях) концентрирует у себя жизненно важные ресурсы и монополизирует право распоряжаться ими. Это обеспечивает возможности прямого, непосредственного воздействия на жизнедеятельность, поведение и сознание людей, грубо нарушающего естественный ход социальных процессов и коренным образом изменяющего их природу³⁴⁰.

Представители синергетики, характеризуя традиционное управление (которое еще называют линейным), отмечают, что сущность его заключается в *навязывании* той системе, которой управляют, чуждые ей формы. Они пишут: «Такое управление – в лучшем случае – делает все человеческие усилия тщетными, “уходящими в песок”, а в худшем – даже наносит настоящий вред, приводит к нежелательным и трудноисправимым кризисным состояниям»³⁴¹. Сама подсистема управления из-за существующих в ней жестких, необновляемых схем воздействия остается косной и малоизменчивой, что приводит к закономерному снижению ее эффективности и увеличению затрат на ее поддержание.

Все перечисленные универсальные характеристики жесткого управления можно с полным правом перенести на практику жесткого управления временем. Исследователи отмечают, что такое длительное «жесткое» управленческое воздействие зачастую порождает в соответствии с принципом бумеранга неуправляемые цепные реакции (как в природных, так и социальных системах). Побеждает логика развития самого объекта управления, к сожалению, к этому моменту искаженная некорректным управленческим воздействием.

Как уже отмечалось, жесткое управление временем сформировалось в индустриальном обществе. Оно созвучно западно-европейской модели «рационального человека», к которой мы обра-

³³⁹ Маккари Дж. Япония велит своим служащим отдыхать – ради процветания страны [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2006. – 17 янв. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/gazeta033.php> (дата обращения: 27.11.2014).

³⁴⁰ Большая энциклопедия нефти и газа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ngpedia.ru/id540539p1.html> (дата обращения: 27.11.2014).

³⁴¹ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: синергетическое мировидение. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – С. 196.

тимся далее, поскольку считаем ее мировоззренческой основой европейской культуры управления временем. Не будем утверждать, что жесткое управление и рационализм – это взаимоопределяющие друг друга явления, однако, полагаем, они тесно связаны между собой. Рационализм выступает своеобразной «идеологией» жесткого управления, а субъект-объектные отношения – его формой.

По мнению исследователей, именно рационализация управления, обусловленная необходимостью повышения эффективности производства, стала характерной чертой управленческих отношений в индустриальном обществе³⁴². Принципы рационализации пронизали все виды экономических практик и управления ими. Они были также перенесены на практику государственного управления и нашли отражение в концепции прагматизации системы государственного управления и ее практическом воплощении в западном обществе³⁴³.

Идейными предпосылками рационализации управления выступили протестантская трудовая этика и философия Просвещения. Первая в требовании скромного образа жизни формулировала принципы жесткой калькуляции, расчета, экономии и накопления как универсальных основ жизни человека. Относя посещение театров, балов, светскую болтовню к излишествам, пуритане по сути рационализировали время, экономили и направляли его на производительный труд, который имел систематический характер. Просвещение же утверждало возможность и необходимость управления миром с позиций просвещенного разума, носителем которого, прежде всего, выступал государь. Его воля и активность должны были обеспечить определенный темпоральный вектор – прогресс человечества – и синхронизировать в этом процессе развитие разных слоев общества.

Преодолевая пессимизм средневекового мировидения, мыслители эпохи Просвещения сформировали новый взгляд на человека, его место в этом мире, а также устройство общества. Представления о социальном времени стали органичной частью новой картины мира и отразились в понимании развития общества и судьбы человека. Вера в разум, рационализм и прогресс как переход в

³⁴² Мухаметжанова В. С. Указ. соч. – С. 85.

³⁴³ Во второй половине XX в. теория рациональной бюрократии послужила теоретико-методологическим основанием развития теории реформирования государственной службы в западных странах в рамках общей концепции, известной под названием «Новое государственное управление». См.: Катаев Д. В. Социология управления Макса Вебера: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Липецк, 2004.

лучшее состояние задавала рамки, в которых формировался тип европейского человека Нового времени. Умение пользоваться разумом для обустройства личной и общественной жизни стало одной из мировоззренческих установок эпохи Просвещения. По мнению В. Феллера, история Нового времени – это история формирования «человека рационального», вырастающего из средневекового «человека этического»³⁴⁴.

Европейская культура XIX и XX вв. унаследовала представления о «человеке разумном», чья интеллектуальная и физическая деятельность служит прогрессу человечества. Напомним, что у О. Конта основой истории человечества выступает преемственность, или, как он называет ее, «солидарность во времени»³⁴⁵, а критерием ее периодизации – «умственный прогресс»³⁴⁶. Отличительной чертой последней – позитивной – стадии развития общества становится знание, очищенное от религии и метафизики, т. е. знание позитивное, *рациональное*. В. П. Култыгин отмечает, что в появлении социологической науки, связанной с именем Конта, выразился один из ключевых принципов современной западной цивилизации – принцип рационализма, критического познания³⁴⁷.

Апологетом рациональности как основы социальной жизни и управления выступал и М. Вебер. В основании его типологии социального действия лежит все тот же принцип рациональности: различные виды действий (целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное) располагаются в порядке возрастания рациональности. По его мнению, при переходе от традиционного к индустриальному обществу меняется соотношение действий, имеющих в большей степени рациональное основание (целерациональное и ценностно-рациональное), и действий, носящих иррациональный характер (аффективное и традиционное)³⁴⁸.

Наиболее ярко принцип рациональности выразился в веберовской концепции рациональной бюрократии. По мнению М. Вебера, бюрократия выступает проявлением рационализации управления

и предполагает *рациональное принуждение*, основанное на знании³⁴⁹. Именно в рационализации социального действия (в сфере хозяйствования, образе мышления людей, управлении) проявляется исторический процесс, приводящий к возникновению индустриального общества³⁵⁰. Таким образом, социальная динамика у М. Вебера связана с утверждением рациональности как наиболее адекватного способа существования в современном мире. Забегая вперед, выскажем мысль о том, что бюрократия не может существовать без жесткого управления временем людей, включенных в бюрократические отношения. С изменением бюрократии и появлением других типов общественных отношений возникают предпосылки и возможности развития новых подходов к управлению временем.

По мнению исследователей, теория рациональной бюрократии стала основой возникновения новых концепций и теорий управления и организаций в XX в. В. А. Чаликова отмечает, что наука об организации – начиная с мотивационной теории Ф. Тейлора, «школы человеческих отношений» и до современных теорий организации – возникает и развивается в XX в. параллельно формированию социологических представлений о рациональном действии. Она полагает, что «при некоторых очень существенных различиях, – это три исторических этапа развития одной идеи, мысли о том, что в буржуазном обществе человек (или группа людей) может организовать остальных по законам технического разума»³⁵¹.

Таким образом, в западной культуре, начиная с Нового времени и до конца XX в., рационализм утверждается как особый феномен, проявляющийся в проективно-конструктивном отношении к миру³⁵². Рациональность утверждается не только в качестве способа мироприятия и миропонимания, но и имеющего абсолютную ценность принципа практической деятельности, в том числе в отношении управления темпоральными аспектами жизнедеятельности людей.

³⁴⁴ Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. – М. : КноРус, 2005. – С. 149.

³⁴⁵ Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренко. – М. : Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 8–9.

³⁴⁶ Яковенко В. И. Огюст Конт // Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Огюст Конт. – СПб. : ЛИО Редактор и др., 1998. – С. 464–465.

³⁴⁷ Култыгин В. П. Классическая социология. – М. : Наука, 2000. – С. 29.

³⁴⁸ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. – М. : Прогресс, 1990. – С. 21–22.

³⁴⁹ Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. – М., 2006. – С. 60.

³⁵⁰ Зборовский Г. Е. История социологии. – М. : Гардарики, 2007. – С. 155.

³⁵¹ Чаликова В. А. Концепция рациональной организации в социологии Макса Вебера и в современных буржуазных теориях бюрократии (критический анализ) : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс]. – М., 1970. – URL: <http://chalikova.ru/dissertacija-maks-veber-konczepczia-raczionalnoj-organizaczii.html#fnref25> (дата обращения: 19.11.2014).

³⁵² Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 26.

Для управления временем рациональность имела двойственное значение. Положительным моментом было то, что она способствовала «овладению» временем посредством разработки способов оптимизации временных затрат. Вспомним известные эксперименты Ф. Тейлора по хронометражу различных видов работ, многочисленные методы планирования и приемы тайм-менеджмента как основы повышения личной и профессиональной эффективности менеджера и даже изобретение медицинских технологий, с помощью которых управляют биологическим и психологическим временем людей.

В основе такого подхода к управлению временем лежала ньютоновская модель классической механики. И само время, и управление им мыслилось в терминах линейности, однонаправленности, одновекторности. Время равномерно делится на секунды, часы, недели, месяцы, годы, последовательно сменяющие друг друга³⁵³. В рамках этой картины социальным временем можно управлять, используя его закономерности для прогнозирования и планирования от прошлого к настоящему, от настоящего – к будущему. Управленческая практика обогатилась возможностями не только прогнозировать перспективно, но и определять развитие общества ретроспективно (если мы знаем, в какой точке находится социальная система в конкретный момент настоящего, можно определить, в какой точке и в каком состоянии она находилась в тот или иной момент прошлого).

Именно в такой парадигме проводились эксперименты Ф. Тейлора, направленные на повышение производительности труда. Рабочее время подвергалось им, наряду с инструментами и трудовыми операциями, точному измерению и последующей рационализации (лишние «медленные» движения исключались так же, как и неудобные инструменты и ненужные операции).

Консультативная работа Г. Ганта, последователя Тейлора, на текстильной фабрике «Банкрофт» также была связана с экспериментами с рабочим временем. Предпринятый им перевод текстильщиц на сдельную оплату труда повлек за собой сокращение рабочего дня на 25–30 % при увеличении производительности труда и повышении заработной платы. Интересно, что против новаций, предложенных Гантом, выступили сами трудящиеся, поскольку оптимизация труда привела к риску сокращения числа работников фабрики.

В том, что время мыслилось и Тейлором, и Гантом в логике управления вещами, вещным миром, наверное, нет ничего удиви-

³⁵³ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности. – М.: ИД «Высшая школа экономики», 2012. – С. 164–165.

тельного: лидеры классической теории и практики управления были прежде всего инженерами, воспитанными в традициях классической ньютоновской науки. Их опыты показали, что время можно «приручить» через превращение его в ресурс, требующий такой же регламентации в использовании, как и другие организационные ресурсы: его можно и нужно целенаправленно измерять, оценивать, планировать, контролировать и экономить. Время, с которым экспериментировали представители классической школы управления, вполне поддавалось «приручению»: во-первых, это было время линейное, достаточно простое, размеренное, «предсказуемое», во-вторых, оно «касалось» конкретного работника, который был материально заинтересован в его оптимизации.

Негативным следствием постоянного поиска средств и возможностей рационализации и оптимизации в сфере управления стал тот факт, что к концу XX в. произошла неправомерная абсолютизация роли рационального управления в качестве системно организующего, упорядочивающего фактора общественной жизни³⁵⁴. Преувеличение значимости рационализации в управлении временем привело к строгой регламентации большинства видов деятельности в рамках организационной практики и новым формам закрепощения человека – «закабаления» временем. Образно выражаясь, сначала человек стал контролировать время («заколдовал» время), потом время стало контролировать человека.

Это означало применение методов жесткого управления не только там, где оно было обусловлено здравым смыслом или технологией деятельности (например, в органах власти или конвейерном производстве), но и в творческих сферах, где время носит нелинейный характер, где его нормирование противоречит самому характеру деятельности. Известно, что в советское время практически все сферы профессиональной деятельности подвергались жесткому темпоральному регламентированию. Относительно свободными были преподаватели вузов, и то не всегда. Если на кафедрах создавались условия (например, отдельный стол и пр.), то преподаватель зачастую должен был находиться на работе и заниматься внеаудиторной деятельностью для «выработки» 6-часовой нормы времени.

Как пережиток прошлого сегодня воспринимается сохранение в целом ряде российских вузов этого требования – обязательного пребывания преподавателей в течение 6 часов на рабочем месте (кафедре) для проверки работ, методической работы и пр. Мы называем это пережитком по ряду причин. Во-первых, материально-

³⁵⁴ Социология управления / В. И. Башмаков, В. Н. Князев, Р. В. Ленков. – М.: Юрайт, 2013.

техническое оснащение многих вузов не позволяет обеспечить нормальные рабочие условия. Во-вторых, само содержание и объем внеаудиторной деятельности изменились (в сторону усложнения и увеличения) и не «вмещаются» в установленную законом временную норму. В-третьих, жесткая «темпоральная» регламентация руководством вузов профессиональной деятельности педагогов воспринимается многими из них просто как оскорбительная, нарушающая их права и свободы.

В целом резкое увеличение на сегодняшний день общей, а в ее структуре особенно – аудиторной, нагрузки преподавателей российских вузов приводит к необходимости большую часть времени проводить на работе. Описанную ситуацию усугубляет неоптимально составленное расписание. Все это свидетельствует об очередном витке «закабаления» временем в той сфере, которая привлекает относительно свободным графиком и возможностью самостоятельного планирования рабочего времени. Это происходит как раз в то время, когда даже коммерческие фирмы вводят стимулирование персонала свободным временем (не только дополнительными выходными, но и возможностью гибкого графика, удаленной работы и пр.)³⁵⁵.

Завершая разговор о жестком управлении временем, отметим, что для него характерно использование различных форм и методов, в том числе фиксированного ежедневного и годового рабочего графика («от звонка до звонка»), технического нормирования рабочего времени, законодательного установления сроков проведения тех или иных мероприятий (подачи налоговой отчетности, достижения показателей и результатов в соответствии с государственными программами), «социальных часов» с жестко предписанным временем освоения социальных ролей и пр.

«Социальные часы» представляют собой систему темпоральных предписаний в отношении освоения тех или иных социальных статусов и ролей. Понятие «социальных часов» определяет основные возрастные периоды в жизни человека, в которые ему вменяется в обязанность или дозволяется заниматься тем или иным видом деятельности, совершать поступки, «соответствующие возрасту». Например, «социальные часы» предписывают возраст вступления в брак, обретения экономической самостоятельности, устанавливают возрастные границы обучения профессии, приобретения определенного должностного статуса и т. п. Представим развернутый пример давления «социальных часов»:

³⁵⁵ Мотивирующие аспекты «свободного времени» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.poranarabotu.ru/articleRubrik/article/1865/> (дата обращения: 30.11.2014).

В. А., 25 лет, преподаватель вуза: *«Есть такой навязываемый девушкам социальный страх: тебе – 25 лет, срочно надо замуж или жизнь уже кончена. Он очень острый у многих девушек. Меня “умiliaет” такое структурирование человеческой жизни. До 18 лет ты никаких решений не принимаешь, существуешь как овощ. Что родители скажут, то ты и делаешь. Никаких серьезных действий не предпринимаешь. Ты не отвечаешь сам за свои поступки. Потом пять лет в институте занимаешься всякой ерундой. Ты еще зависишь от родителей, может быть, частично обретаешь первую, робкую независимость. Ты еще учишься, с тебя спроса вообще никакого. И вдруг ты заканчиваешь институт и года за два–три должна выйти замуж, родить ребенка, достигнуть пика карьеры, купить недвижимость за нереальные деньги. И это все должно произойти ровно до 25, пока ты молод. Все это должно случиться с тобой. А потом, если ты с этим успешно справился, то переходишь в такую фазу течения, как крейсер: у тебя все хорошо, ты все социальные показатели выполнил, это все круто. А если нет, если ты не уложился в эти два–три года, то постоянно будешь чувствовать тычки: ну что, ты вышла замуж? ну что, вы взяли ипотеку? У меня многие знакомые это испытывают: сначала полжизни от них ничего не требовали, а потом все требуют сразу. Причем достичь всего нужно до 30 лет, потому что после 30 лет уже меряют, кто чего достиг, потому что по меркам молодых это уже почти старость. И молодых людей так меряют, когда знакомятся. Ты понимаешь: он только вчера закончил институт, и чего от него ждать. А у него уже должна быть квартира, машина, он должен быть готов обеспечивать семью. У многих моих друзей есть такой страх. У меня в меньшей степени, я наверно не очень типичный случай».*

Соответствие требованиям «социальных часов» обеспечивается различными механизмами социальной регуляции, например, правовыми нормами, традициями, действием стереотипов, социальным одобрением, групповым давлением и др. Предписания «социальных часов» могут коррелировать с установленными законом возрастными границами приобретения человеком тех или иных прав и обязанностей, но могут и расходиться с ними³⁵⁶.

³⁵⁶ См.: Амбарова П. А. Культурная вариативность социальных часов. Начало жизненного пути // Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 2 (89); Амбарова П. А. Культурная вариативность «социальных часов». «Серебряный возраст» или «возраст невидимки» // Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92).

5.3. Парадигма мягкого управления временем социальных общностей

*Более разумен сельскохозяйственный подход:
создайте хороший климат,
обеспечьте соответствующую подкормку
и предоставьте людям расти самим по себе.
Вот тогда они вас удивят.*

Д. Макгрегор

В современном обществе старая, традиционная парадигма управления временем теряет свое значение как единственно возможная и абсолютно эффективная. Как мы уже отмечали, вследствие объективной трансформации природы и свойств социального времени, экономических процессов, общества и человека социальная реальность становится «нечувствительной» к определенному рода управленческим воздействиям, а порой и активно сопротивляется им.

На наш взгляд, одним из ключевых моментов управления социальными процессами в стране становится управление стратегиями поведения социальных общностей, выступающих субъектами многих социальных тенденций и движений. Именно на общностном уровне формируются и капитализируются новые ресурсы, необходимые для развития общества в целом. Социальное время как раз относится к новым, нетрадиционным ресурсам, одинаково дефицитным и важным для всех социальных общностей.

Однако сами социальные общности далеко не пассивны в определении способов и путей своего функционирования и развития. Они относятся к сложным самоорганизующимся социальным системам, в отношении которых требуются новые управленческие подходы. Особенно если речь идет о регулировании темпоральных аспектов их поведения.

В рамках жесткого управления социальным временем применяются методы, характер и сила воздействия которых одинаковы для всех социальных субъектов, что не соответствует интересам и потребностям большинства из них. Социальные общности изменяются, проявляя в своих новых видах (виртуальных, профессиональных, территориальных, субкультурных и т. д.) ранее не известные свойства и функции. Мягкое же управление (о сущности и истоках которого речь пойдет дальше) избирательно применяет различные инструменты воздействия, используя жизненные ситуации, их возможности и особенности, характерные для той или иной общности. Данный тип управления предполагает конструирование субъект-субъектных отношений и ситуации управленческого вза-

имодействия, которые, на наш взгляд, способствуют выработке стратегии преодоления *темпорального шока* в социальных общностях, ранее развивавшихся в парадигме темпоральной линейности и рациональности.

Понятие темпорального шока возникает в нашем анализе управления временем не случайно. Это явление мы рассматриваем как результирующий эффект от противоречия между традиционным подходом к управлению сложными социальными процессами и новыми условиями и явлениями социальной реальности. Чуть отклонимся от основной линии анализа и рассмотрим некоторые аспекты этого явления.

Оказываясь в условиях новой темпоральной реальности, характеризующейся спонтанными переходами между режимами линейного и нелинейного времени, социальные общности формируют разные жизненные стратегии. Нелинейность социального времени неодинаково воспринимается представителями различных социальных общностей и дифференцированно влияет на их поведение, заставляя одних реагировать на временные изменения повышением социальной активности, появлением инновационных качеств и моделей поведения, в то же время усиливая пассивность и маргинальность других. Противоречивое восприятие нелинейности социального времени отражается и на социальном самочувствии и эмоциональном состоянии социальных общностей, проявляясь у одних в виде оптимизма и надежд, у других – в виде пессимизма и страха перед временем.

Как мы уже отмечали, способности к освоению и использованию нелинейной темпоральности служат дополнительным основанием социальной стратификации³⁵⁷. Доминирующие позиции занимают отдельные индивиды, социальные общности и целые общества, развивающие высокие скорости в нескольких видах деятельности, чрезвычайно мобильные в различных полях социального пространства, сохраняющие в этих условиях физическое, социальное и психическое здоровье.

Одной из таких групп являются профессиональные менеджеры, чья личная жизнь и профессиональная деятельность предельно интенсифицированы во времени. Их главная профессиональная задача – организация и использование времени подчиненных для максимизации прибыли или социального эффекта, что опять же достигается путем «сжатия» различных видов деятельности.

³⁵⁷ См.: Амбарова П. А. Темпоральная мобильность как основа социального неравенства // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития : сб. ст. Междунар. научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 ноября 2013 г.) : в 2 ч. – Екатеринбург : Уральский институт РАНХиГС, 2013. – Ч. 1. – С. 14–16.

При этом реальная физическая мобильность в деятельности менеджеров может отсутствовать. А. В. Назарчук отмечает, что современные коммуникации позволяют совершать большинство дел без движения, например, сидя в офисе. Более масштабными оказываются «действия без движения», а не те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений и встреч. «В этом обществе, — пишет исследователь, — тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость транзакций»³⁵⁸.

То, что для одних становится основой жизненного успеха, для других превращается в источник неуверенности и неуспешности³⁵⁹. Последним не хватает человеческого капитала, функционирующего в виде новых темпоральных способностей, психологической и социальной гибкости, просто знаний и понимания нелинейного времени для того, чтобы адаптироваться к новым быстро меняющимся условиям и мобилизоваться для достижения жизненного успеха.

Применяя темпоральные характеристики как критерий классификации социальных общностей, мы можем выделить условно три их типа. Первый — весьма немногочисленный — образуют авангардные, инновационные социальные общности, которые обладают новыми темпоральными способностями и представлениями. Второй тип составляют общности, члены которых в большей или меньшей степени адаптируются к новой темпоральной ситуации. Третий тип — это общности, живущие в «старой» темпоральности и испытывающие состояние, которое мы определили как темпоральный шок. Если представители первого типа пользуются всеми преимуществами новой реальности, то представители второго и третьего типов общностей (мы можем назвать их традиционными) испытывают мощное ее давление, приводящее к различным социокультурным деформациям, травмам и аномии.

Традиционный подход к управлению временем не учитывает, что современное общество не линейно — оно множественно, вариативно. В нем постоянно происходит переопределение «начала», от которого ведется отсчет, и «конца», отражающего цели развития и деятельности. Жить в такой многоальтернативной реальности представителям «традиционных» общностей не просто: новое время требует большего нервного напряжения, новых способностей к оцениванию действительности, духовных усилий, гибкости мышления и адаптивности, готовности к выбору и ответственности за него.

³⁵⁸ Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. — 2012. — № 9. — С. 58.

³⁵⁹ Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — С. 132.

В условиях российского общества переход от индустриального общества к обществу постиндустриальному усугубляется трудностями постсоветских трансформаций. Это двойное давление вызывает состояние глубокой аномии и социокультурных травм, которое сопровождается негативными эмоциями и настроениями — неуверенностью, страхами, фобиями, настороженностью и т. п. Приобретая массовый характер, негативные эмоции вызывают состояние, описанное Е. И. Головахой и Н. В. Паниной как «социальное безумие»³⁶⁰. Украинские исследователи видят повторение «социального безумия» в истории различных стран и народов в связи с очередным кризисом и аномией. На наш взгляд, понятие «социальное безумие» может определять состояние общества не только в переходный период, но и характеризовать сущностные черты особого типа социальной общности.

В этом случае трудно не согласиться с мнением С. А. Кравченко о том, что «человечество подошло к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное — решения с гуманными целями»³⁶¹. Действительно, в ситуации неопределенности, быстротечности событий и процессов чрезвычайно трудно оценивать возможности и альтернативы, придерживаться «разумности» решений, просчитывать риски их принятия и реализации, допущения и последствия, т. е. сохранять все то, что является свойствами «рациональности».

Описанная ситуация напрямую затрагивает вопросы социального управления. Кто и каким образом должен решать эту проблему? Каких подходов и методов придерживаться в условиях, когда рациональность в качестве доминирующего способа познания, мышления и управления уступает позиции интуиции и предвидению, а также эмоциональным реакциям как способу реагирования?

В фокусе внимания появляется общество, сильно дифференцированное не только по имущественным или образовательным параметрам, но и по характеру использования социального времени. Современные российские социологи, описывая российское общество, состоящее из сегментов, живущих в различных темпомирах, называют это явление временным дисхронозом³⁶². По их мнению, разрывы между темпоральными мирами препятствуют интеграции

³⁶⁰ Головаха Е. И., Панина Н. В. Социальное безумие: история, теория и современность. — Киев: Абрис, 1994.

³⁶¹ Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ [Электронный ресурс]. — М.: РОС, 2012. — С. 106.

³⁶² Там же. — С. 106.

общества, формированию единой системы ценностей и модернизационных процессов.

Можно подойти к этой проблеме и с иных позиций: если эти разрывы объективны, то их нужно понять, научиться использовать, чтобы лучше управлять обществом. Вероятно, успешная адаптация к новой темпоральности возможна не для всех социальных общностей. Этот дисхронизм показывает тренд, по которому в будущем пойдут остальные общности. Соответственно, нужен более гибкий подход и к управлению жизненными (в том числе темпоральными) стратегиями различных социальных общностей, и к управлению другими социальными процессами, для которых темпоральная составляющая является ключевой. При этом идеологическим стержнем нового типа управления могут быть слова З. Баумана: «Что было разрезано на части, то не может быть снова склеено вместе. Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текучей современности»³⁶³.

В этом «текущем» мире рациональность не исчезает полностью из управленческой деятельности, однако основными способами мышления нового типа становятся интуиция, предвидение, предугадывание. Если в обыденной жизни они актуализируются в форме гаданий, астрологических и псевдонаучных прогнозов, обращения к восточным духовным практикам, удовлетворяющим потребности в спокойствии, уверенности, определенности и стабильности, то в социальном управлении предвидение становится главным принципом планирования, которое осуществляется «от будущего к настоящему», в стратегическом управлении – основой для оценки альтернатив. Примечательно, что в литературе по бизнесу и менеджменту – наиболее рационализированным областям человеческой деятельности – произошел сдвиг в сторону роста количества книг по психологии интуиции в ее теоретическом понимании³⁶⁴, а еще больше – в практическом применении³⁶⁵.

³⁶³ Бауман З. Указ. соч. – С. 29.

³⁶⁴ Булатова Е. А. Интуитивные управленческие решения // Проблемы многоуровневого образования : тезисы докладов XV Междунар. науч.-метод. конф. (Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т). – Н. Новгород, 2012. – С. 75–76; Диев В. С. Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция. – Новосибирск : НГУ, 2003. – 164 с.; Мусийчук С. В. Интуиция как психологический фактор в структуре управленческих решений // Общество: социология, психология, педагогика [Электронный ресурс]. – URL: dom-hors.ru/issue/spp/2014-1/musiychuk-s.pdf (дата обращения: 30.11.2014).

³⁶⁵ Анализ сайтов центров бизнес-образования показывает наличие в структуре образовательных услуг следующих тренингов: «Интуиция в управлении: ноу-хау для лидеров», «Эмоциональный интеллект лидера», «Бизнес-интуиция», «Тренинг интуиции и принятия эффективных управлен-

Приведем несколько фрагментов интервью, свидетельствующие о роли интуиции.

Г. Н., 42 года, преподаватель вуза: *«Интуиция и предвидение для меня имеют огромное значение, потому что базирую свои решения на них. Я даже не задумываюсь об этом. Это наверное часть характера и профессиональные качества. Глядя на студенческую аудиторию первый – второй раз, я могу сказать, кто на что способен, кто какую оценку наверное получит. И экзамен только подтверждает мои догадки. Это опыт и профессиональные преподавательские качества».*

Т. Г., 60 лет, преподаватель вуза: *«Нужно просто чувствовать время и в соответствии с ним выстраивать сценарий своей жизни».*

П. А., 32 года, предприниматель: *«На первом месте должны стоять личные психологические качества. Интуиция и предвидение обязательно. Без интуиции и предвидения предпринимателя не бывает. Поставил бы интуицию и предвидение на второе место».*

Анализ показывает, что жесткое управление временем как вид социальной практики, подразумевающей внешнее, зачастую формализованное, регламентирование темпорального поведения социальных субъектов, имеет для применения ограниченное пространство. Очевидно, что в современных условиях главной задачей управления становится активизация начала самоорганизации, которое присуще темпоральности всех сложных социальных систем (личности, организации, общности, общества). Именно эта задача решается методами мягкого управления.

После пространного отступления, которое позволило привести дополнительное обоснование для понимания тренда изменения управленческой парадигмы в отношении социального времени, обратимся собственно к содержанию и истории появления традиций мягкого управления временем.

На первый взгляд, самыми яркими приверженцами данного подхода могут считаться представители синергетического подхода с их отрицанием необходимости внешнего управления самоорганизующихся сложных систем. Однако мы полагаем, что предпосылки «мягкого» управления сложились намного раньше, чем появилась синергетика (1970-е гг.), – сначала в рамках научных теоретических исследований, а затем – и в управленческой практике.

ческих решений», «Как использовать интуицию и принимать эффективные решения при неполной и неточной информации», «Эмоции и интуиция в бизнесе» и др.

В. И. Франчук, противопоставляя два подхода к пониманию сущности социального управления – механицизм/рационализм (технократизм, менеджеризм) и органицизм, рассматривает последний как теоретико-методологическую основу современного социального управления. При этом он апеллирует к философской и социологической традиции (Платон, Аристотель, Гоббс, Гегель, Сен-Симон, Спенсер, Вормс, Эспинас, Гиддингс и др.).

Действительно, задолго до синергетики в социологии появились теории и концепции, обосновывающие необходимость управления социальными системами и процессами с учетом их собственных закономерностей развития. Основоположником социологического органицизма считается Г. Спенсер, трактовавший общество как живой, постоянно изменяющийся организм. Хотя теоретические измышления Спенсера развивались в парадигме линейного видения развития общества, тем не менее в его работах звучит лейтмотивом идея управления, подстроенного под потребности общественного организма. Он пишет, что по мере роста общества отдельные его части все больше и больше дифференцируются, усложняются, что требует усложнения и дифференциации регулирующих систем, т. е. управления³⁶⁶.

Выделяя два основных типа общества – военный и промышленный, – Спенсер по сути затрагивает проблему соответствия управления характеру общественных процессов. Военное общество воспроизводит модель жесткого управления, основанного на строгой иерархии и порядке, системе принуждения и дисциплине. Промышленное общество отличается свободой от таких институтов управления, как правительство и государство. Главная задача последних – создание благоприятных условий для сохранения социального порядка, установленного гражданами по собственной инициативе³⁶⁷.

Очень современно звучат идеи Спенсера об обществе как организме, на определенном этапе своей эволюции уже не требующем внешнего, жесткого управления: «...Идеалом, к которому мы идем, является общество, в котором управление будет доведено до возможно меньших пределов, а свобода достигнет по возможности наибольшей широты»³⁶⁸. Под законом эволюции Спенсер понимал «управляемое законом, все ускоряющееся движение от гомогенности к гетерогенности»³⁶⁹.

³⁶⁶ Култтыгин В. П. Классическая социология. – М.: Наука, 2000. – С. 204.

³⁶⁷ Зборовский Г. Е. История социологии... – С. 49.

³⁶⁸ Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. – М.: Ольга, 1996. – С. 20.

³⁶⁹ Култтыгин В. П. Указ. соч. – С. 205.

Свобода от внешнего управляющего воздействия, по Спенсеру, является критерием общественного прогресса. Он писал: «Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата, сами по себе, суть ничего, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц»³⁷⁰. То, что, на взгляд историков социологии, кажется индивидуализмом Спенсера, может трактоваться как новое, нетрадиционное видение сущности социального управления в обществе как саморегулирующейся системе.

Созвучны современному пониманию управления слова Э. Дюркгейма: «Долг государственного человека не в том, чтобы насильно толкать общество к идеалу, кажущемуся ему соблазнительным; его роль – это роль врача: он предупреждает возникновение болезней хорошей гигиеной, а когда они обнаружены, старается вылечить их»³⁷¹.

Понимание Дюркгеймом роли государства как субъекта управления обществом расходитсся с трактовкой О. Конта. Если Конт говорил о необходимости детальной регуляции государством, например, экономической жизни общества, то Дюркгейм указывал на солидарность как основу согласования взаимодействия членов общества. В книге «О разделении общественного труда» Дюркгейм показывает эволюцию общества и управления им через смену типов солидарности. По его мнению, для доиндустриального общества, основанного на механической солидарности, характерно деспотическое управление, главным инструментом которого выступает репрессивное право³⁷². Поведение, вся жизнь индивидов в таком обществе четко регламентированы. При переходе к индустриальному обществу, интегрирующей основой которого служит органическая солидарность, регулирующим инструментом управления становится реститутивное право. Его применение, по мнению Дюркгейма, не вызывает страдания индивидов, но при этом обладает кооперативной силой и возможностями восстанавливать нарушенный социальный порядок.

Особую роль в управлении жизнедеятельностью и поведением индивидов Дюркгейм приписывает не политическому обществу или государству, а профессиональным группам. Конечно, прежде всего, он имеет в виду профессиональную, экономическую деятельность,

³⁷⁰ Спенсер Г. Основания социологии. – СПб., 1884. – С. 512–513.

³⁷¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – С. 32.

³⁷² Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. – М.: Наука, 1977. – С. 117.

отмечая, что она «может действенно регламентироваться только группой, достаточно близкой к самой профессии, чтобы чувствовать ее потребности и иметь возможность следить за всеми их изменениями»³⁷³. При этом подпадание профессиональной группы под влияние государства (когда, например, профессиональные ассоциации превращаются в «винтики в руках администрации» и начинают выполнять официальные функции) приравнивается французским социологом к гибели этого социального института, так как зависимость от государства незамедлительно превращается в «невыносимую кабалу», поддерживаемую государством посредством принуждения³⁷⁴. Это разрушает и саму группу, и ту сферу экономической деятельности, в которой она живет и действует.

Основанием особой роли профессиональной группы в системе управления поведением людей выступает ее «посредническая» функция между индивидами, обществом и государством: «Коллективная деятельность, — пишет Дюркгейм, — всегда слишком сложна, чтобы ее мог выразить один-единственный орган — государство. Кроме того, государство слишком далеко от индивидов, оно поддерживает с ними слишком поверхностные и неустойчивые отношения, чтобы иметь возможность глубоко проникнуть в индивидуальные сознания и внутренним образом социализировать их»³⁷⁵. Можно сделать вывод о том, что целостность общества и управление им возможно только в том случае, если между индивидами и государством стоят вторичные группы, способные «втянуть их в общий поток социальной жизни»³⁷⁶.

Идеи, высказанные классиками социологии в отношении социального управления в целом, можно перенести и на сферу управления социальным временем (хотя напрямую никто из них об управлении временем не писал). Эти идеи, достаточно подробно рассмотренные выше, показывают, что в социальной науке давно начала складываться антитеза принципам традиционного «жесткого» управления. Сама мысль о «человеческом» измерении управления витала в «научном» воздухе, пока не воплотилась в реальном Хоторнском эксперименте с «человеческими отношениями».

Достижения индустриальной социологии XX в., а именно теория человеческих отношений Э. Мэйо, послужили научно-практическими предпосылками парадигмы мягкого управления. Не пересказывая содержание проведенного исследования, остановимся на двух его организационных аспектах.

³⁷³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Канон, 1996. — С. 10.

³⁷⁴ Там же. — С. 13, 25.

³⁷⁵ Там же. — С. 34–35.

³⁷⁶ Там же.

Первый момент касался исследователя-наблюдателя, который находился в отдельной комнате, где работали наблюдаемые девушки-сборщицы. Формально он выполнял функции супервайзера (настоящих мастеров на время эксперимента, длившегося более двух лет, удалили из этого помещения). Супервайзер постоянно вел с работницами неформальные, задушевные беседы о самых различных сторонах их жизни³⁷⁷. В результате эксперимент показал, что одной из причин сохранения у работниц мотивации к высокопроизводительному труду, несмотря на ухудшение физических условий и материальной стимуляции труда, было желание помочь руководителю-исследователю в его деле. Мэйо делает вывод о том, что в основе трудовой мотивации людей лежат человеческие отношения с сотрудниками, в том числе с руководителями.

Второй момент был напрямую связан с временем. Известно, что почти с самого начала эксперимента в группе испытуемых были установлены сокращенный рабочий день и рабочая неделя. Кроме того, им разрешалось несколько небольших перерывов на отдых и общение³⁷⁸. Сокращения количества перерывов на отдых и времени обеденного перерыва, предпринятые согласно программе эксперимента, вызвали негативную реакцию работниц³⁷⁹.

Следовательно, результативность эксперимента была обеспечена не только возможностью установления человеческих контактов, но и коррелировала с изменениями рабочего времени и его структуры. Можно утверждать, что впервые время было оценено не как «вещь» и фактор производительности труда, но и в качестве ресурса и инструмента управления организационными отношениями. Таким образом, Хоторнский эксперимент доказал эффективность мягкого стиля руководства и его сопряжение с фактором времени.

Согласимся с мнением Ж. Т. Тощенко, который считает, что под влиянием эмпирической социологии и социальной психологии 1920–1930-х гг. возникает критика субъект-объектной схемы управления, в результате чего последняя была заменена субъект-субъектной схемой³⁸⁰. С его точки зрения, вместо «рационального

³⁷⁷ Зборовский Г. Е. История социологии... — С. 363–364.

³⁷⁸ Еще ранее, в экспериментах в Филадельфии на текстильной фабрике, Э. Мэйо вводил подобные перерывы — два утренних перерыва по 10 минут каждый и еще два в послеобеденное время. См.: Кузнецова Н. В. История менеджмента. — Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2001.

³⁷⁹ Копец Л. В. Классические эксперименты в психологии. — Киев: Киево-Могилянская академия, 2010.

³⁸⁰ Тощенко Ж. Т. Социология управления. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. — С. 21.

человека» М. Вебера и Ф. Тейлора в поле зрения исследователей и практиков появился «человек социальный», чье поведение подчиняется неформальным нормам, групповому давлению и пр. Соответственно, «открытие» человеческих отношений одновременно как капитала организации и как ресурса управления создало предпосылки переориентации системы управления (норм, правил, организационных структур, применяемых методов, целей и пр.) на установки, интересы, ценностные ориентации этого «социального человека» и показало возможности мягкого управления в масштабах организации.

Помимо представленных выводов по Хоторнскому эксперименту, доказательствами эффективности мягкого управления временем служат результаты ряда исследований функциональной (производственной) музыки. Они были проведены в разное время в нескольких странах, в том числе США, России, Великобритании.

Впервые влияние музыки на ускорение темпов деятельности было замечено случайно: при проведении в 1910 г. в Нью-Йорке велосипедных гонок было установлено, что гонщики развивали гораздо большую скорость, если звучала музыка, исполняемая приглашенным оркестром. Среднее время прохождения одной мили при звучании музыки составляло 3 мин. 04 с. (скорость 19,6 миль/ч), без музыки – 3 мин. 21 с. (17,9 миль/ч)³⁸¹.

В дальнейшем возможности музыки стали использовать американские предприниматели для «подхлестывания» рабочих. Так, на одном из заводов звучала музыка, ритм которой соответствовал ритму трудовых операций, в результате чего было достигнуто увеличение производительности труда. Руководство предприятия сознательно пошло на ускорение темпа музыки, сначала не обнаруженное работниками. Однако изменения все-таки были замечены в связи с более быстрой утомляемостью рабочих. Действия руководства вызвали протест как со стороны рабочих, так и со стороны профсоюза.

Известно, что в начале 1920-х гг. во Франции существовало национальное движение за внедрение музыки в цеха. А в Америке была даже «танцевальная прачечная», владельцы которой организовали работу прачек под свинг. К концу 1920-х гг. в США насчитывалось свыше 670 предприятий, применявших функциональную музыку³⁸².

С 1940-х гг. и до 2009 г. в США успешно работала фирма «Muzak Ltd», специализировавшаяся на создании функциональной му-

³⁸¹ Лоос В. Г. Промышленная психология. – Киев : Техника, 1974.

³⁸² Васильева Ю. А. Зачем компании разрешают сотрудникам слушать музыку на работе // Ведомости. – 2004. – 15 июня.

зыки. Первыми ее заказчиками стали правительство и руководители оборонных заводов, затем – коммерческие организации, среди которых большинство составляли магазины, супермаркеты, торговые центры, владельцы которых были заинтересованы в новых методах управления потребительским поведением.

Советские исследователи (социологи и психологи), осуществившие в 1970-е гг. ряд экспериментов и опросов на предприятиях Киева и Перми, также зафиксировали положительную корреляцию между музыкой и такими тенденциями, как повышение производительности труда, внимания, чувства времени и соответственное снижение утомляемости, уменьшение времени двигательной реакции и пр.³⁸³.

Анализируя результаты исследования, авторы в своих выводах подчеркивали наличие связи трудовых процессов не только с жанром музыкальных произведений и музыкальными предпочтениями, но прежде всего с музыкальным ритмом. Они выдвинули гипотезу о том, что музыкальный ритм связан с режимом расходования физической энергии, и отмечали, что с музыкальным темпом и ритмом следует обращаться весьма осторожно во все периоды рабочей смены. Но особая опасность его превышения видится в моменты наступления усталости. Под воздействием быстрой музыки человек может забыть об утомлении, начать работать быстрее, значительно превышая свои возможности в данный момент. Однако организм обмануть невозможно, и в конце концов это обернется еще большим утомлением, а то и переутомлением, разрушающим организм. В данном случае музыка вызывает искусственное повышение работоспособности человека, играет роль своеобразного допинга³⁸⁴.

Примерно к таким же выводам пришли британский спортивный психолог Костас Карагеоргис из Брунельского университета и группа ученых из Ливерпульского университета во главе с Джоном Муром. Они экспериментально доказали, что темп музыки непосредственно влияет на скорость действий человека. Ускорение ритма повышает скорость движений человека в 2,5 раза, а замедление способно снизить скорость движений на 6,5 %³⁸⁵. Наверное, не случайно Административный совет по вопросам бега на длинные дистанции США (USATF) в 2007 г. запретил спортсменам прослушивание музыки на специальных устройствах во время официальных

³⁸³ Лоос В. Г. Указ. соч.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Как музыка повышает спортивный результат... [Электронный ресурс]. – URL: rusjudo.ru/page/blog/club/view_post.seam?userId=220615&postId=226132&ssoRedirect=true (дата обращения: 23.11.2014).

соревнований. В том же году на марафоне Twin Cities было дисквалифицировано 144 бегуна за прослушивание музыки во время соревнований. Однако спортсмены крайне негативно отреагировали на нововведение, и организации пришлось пойти на уступки. Сейчас запрет распространяется только на тех, кто борется за призовые места³⁸⁶.

Таким образом, эксперименты с функциональной музыкой представляли собой примеры «мягкого», латентного управления темпоральным поведением человека. Музыка не только относится к разряду временных форм искусства, она сама есть «выражение феномена времени как становления, длительности и текучести»³⁸⁷, и в этом заключается ее сила, позволяющая управлять не только индивидуальным, но и коллективным поведением.

Поскольку главным критерием эффективности управления временем с позиций традиционного подхода было максимальное количество действий (событий, товаров, услуг) в единицу времени, то, соответственно, главными методами «работы» с временем выступало его измерение и правильное преобразование в «оболочку» для процессов. «Музыкальные» эксперименты показали, что время не пассивно, оно активно и требует не только количественных измерений, но и качественного осмысления. По мнению А. В. Арямова, время можно не только измерять, но и *изменять*, т. е. *циклировать, ритмизировать, ускорять, замедлять* и даже *останавливать*³⁸⁸. С помощью таких инструментов управление приобретает гибкость и мягкость, необходимые для эффективного взаимодействия со сложными социальными системами.

Идеи мягкого управления временем «вызревали» на протяжении XX в. в недрах целого спектра научных теорий и практических исследований управления. В этом плане интересны две концепции, разработанные в 1960–1970-е гг. профессорами Мичиганского университета: концепция «экзистенциального менеджмента» Джорджа Одиорне³⁸⁹ и организационная теория Карла Вейка.

³⁸⁶ Помельникова Т. Бег под музыку. За и против [Электронный ресурс]. – URL: <http://summer.sport-express.ru/run/reviews/41791/> (дата обращения: 01.12.2014).

³⁸⁷ Петина М. А. Темпоральность музыки как предмет философско-культурологического исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2005.

³⁸⁸ Арямов А. В. Социальное время в управлении. Синергетический эффект // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 1998. – № 1. – Т. 7. – С. 5–6.

³⁸⁹ Odiorne G. S. The Management Theory Jungle and the Existential Manager [Электронный ресурс] // Journal of the Academy of Management. – 1966. – V. 9. – № 2. – URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/255028?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21105191043223> (дата обращения: 13.11.2014).

Согласно первой, менеджмент – это особый культурно-исторический тип управления, отличный от административной системы. Главный постулат этой теории заключается в том, что мир менеджера априори неопределен, непредсказуем, недисциплинирован и почти неуправляем. Менеджер по сути не управляет миром, событиями (как это доказывается в традиционных теориях), а приспосабливается к обстоятельствам, решая конкретные проблемные ситуации, переходя от одной из них к другой. Он подобен новому Сизифу, которому предуготована участь не властителя, а раба, исполняющего тяжелую, бесконечную и безрезультатную работу³⁹⁰.

В отличие от «рационального» руководителя прошлого, современный менеджер не применяет традиционные правила и нормы, рационализирующие его деятельность, а напротив, нарушает их и благодаря этому достигает успеха³⁹¹. Удача – это не результат логических построений и целенаправленного движения к их воплощению, а игра случая. Таким образом, по мнению И. О. Тюриной, применение к деятельности менеджера логического позитивизма наталкивается на жесткие ограничения³⁹².

Согласно второй теории, разработанной К. Вейком, процесс организации протекает в условиях неопределенности и неоднозначности и направлен на упорядочение этой неопределенности. Соответственно управленческая деятельность представляет собой не линейную последовательность событий, а свободно связанные контуры-схемы, придающие системе управления гибкость. Так же, как и Дж. Одиорне, К. Вейк полагает, что руководитель при этом не рационализирует хаотичный мир, а придает ему смыслы³⁹³. Управление же осуществляется путем перевода личных целей и представлений одних акторов в плоскость личных целей и представлений других участников процесса управления посредством формирования сходных представлений о реальности и способах деятельности³⁹⁴.

Представленные концепции, хотя и не являются социологическими, тем не менее значимы для «прорисовки» и детализации

³⁹⁰ Лумпов Н. Жизнь менеджера (Экзистенциальный менеджмент) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dekanblog.ru/zhizn-menedzhera-ekzistencionalnyj-menedzhment/#> (дата обращения: 13.11.2014).

³⁹¹ Тюрина И. О. Руководитель между теорией и практикой [Электронный ресурс]. – URL: http://www.elitarium.ru/2008/02/22/rukovoditel_mezhdu_teoriej_i_praktikoj.html (дата обращения: 13.11.2014).

³⁹² Там же.

³⁹³ Weick K. E. The Social Psychology of Organizing. McGraw-Hill Humanities / Social Sciences / Languages. – 2nd ed. – 1979.

³⁹⁴ Тощенко Ж. Т. Социология управления... – С. 24.

общего направления развития научной мысли в отношении проблем управления социальными системами и процессами. Они важны и для понимания управления временем, поскольку этот феномен также существует в области неопределенности и неоднозначности, требует смыслополагания и, в некоторых случаях, отказа от рациональных схем менеджериализма. Рассмотренные выше концепции лишней раз доказывают, что представителей различных смежных областей знания – социологии, социальной психологии, философии, – объединяет понимание социального управления как деятельности, имеющей сложный характер. Он складывается под влиянием не только рациональных схем и проектов управляющих субъектов, но и (во многих случаях) факторов, связанных с субъектностью управляемых.

Рассмотрение идей Одиорне и Вейка позволяет выйти на осмысление такого инструмента «мягкого» управления временем, как культура во всем спектре ее смыслопорождающих практик. И. Москалев, анализируя проблему мягкого социального, в том числе государственного, управления (он называет его рефлексивным), утверждает, что оно должно быть основано не на бихевиористской парадигме, а на регулировании когнитивных процессов социума, его смыслопорождающей деятельности и рефлексии³⁹⁵.

К смыслопорождающим практикам, «воспитывающим» культуру времени, относится образование, просвещение, чтение, искусство и др. Главным ресурсом управления темпоральным сознанием и поведением социальных субъектов в этом случае становится *знание*. Известная фраза «Знание – это сила» перестает быть метафорой в современном мире, в котором знания становятся капиталом, конвертируемым в другие его виды (власть, деньги, статус и др.), выступают ведущим ресурсом развития социума. *Управление временем с помощью знания* – это как раз то, что соответствует обществу постмодерна, информационному обществу, обществу знания. Идейным стержнем такого управления являются слова О. Конта «Знать, чтобы мочь, думать, чтобы действовать».

Управленческо-преобразовательные функции знания и его место в системе социального управления класса интеллектуалов рассматривались в многочисленных философских, социологических и культурологических работах, самые известные из которых принадлежат М. Шелеру (именно он выделил особый тип знания –

³⁹⁵ Москалев И. Технологические основы социально-инновационного государственного управления [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/biology/technologicheskie-osnovy/> (дата обращения: 01.12.2014).

«знание для господства»)³⁹⁶, М. Фуко³⁹⁷, Э. Тоффлеру³⁹⁸, М. Янг³⁹⁹ и др.

На наш взгляд, для управления временем особое значение имеет научное и образовательное знание (Г. Е. Зборовский). По К. Мангейму, только одна из отраслей социологической науки – социология знания – выступает в качестве средства вмешательства в духовно-практическую жизнь общества, инструмента перестройки социального мышления⁴⁰⁰. Темпоральное же знание междисциплинарно, оно включено в самые разные системы научных знаний и представлений, что позволяет управлению темпоральными процессами и темпоральным поведением социальных субъектов посредством знания быть дифференцированным и гибким.

Транслируемое через систему образования и просвещения научное знание преобразуется в знание образовательное. Управленческий потенциал образования – декларируемый, но на самом деле малоизученный аспект социального управления. Понятно, что механизмы воздействия на человека заложены в процессе социализации, происходящей в рамках учебного заведения. Понятно, что они формируют социокультурные качества и разнообразные модели и стратегии поведения индивидов и целых социальных общностей. Проблема заключается в отсутствии (по крайней мере, на сегодняшний день) ответа на вопрос: что собой представляет образование как управленческая технология и каковы образовательные ресурсы управления темпоральным поведением представителей самых разных социальных общностей. Свое видение этого вопроса мы представим в следующем разделе главы.

По мнению Ю. Пшенника, в современном обществе применение знаний дает самую высококачественную власть: «Знание может быть применено для наказания, вознаграждения, убеждения и даже изменения. Оно может превратить врага в союзника»⁴⁰¹.

³⁹⁶ Шелер М. Формы знания и общество // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2.

³⁹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.

³⁹⁸ Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ., науч. ред., предисл. П. С. Гуревича. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.

³⁹⁹ Янг М. Возвышение меритократии в 1870–2033 годы // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост. В. А. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991.

⁴⁰⁰ Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. – С. 99–100.

⁴⁰¹ Пшенник Ю. Власть знания против власти принуждения [Электронный ресурс]. – URL: http://n-europe.eu/article/2011/12/29/vlast_znaniya_protiv_vlasti_prinuzhdeniya (дата обращения: 01.12.2014).

Интерииоризованное знание формирует темпоральное сознание, темпоральные установки и картину мира, стимулирует выработку стратегического видения жизни во временной перспективе. Все эти возможности могут и должны быть использованы в практике социального управления темпоральными стратегиями поведения различных общностей, поскольку в образовательную деятельность в той или иной мере включено большинство из них.

Научные предпосылки парадигмы мягкого управления временем закономерно обнаруживаются в синергетике. Мы намеренно завершаем (а не начинаем) данный раздел рассмотрением синергетического видения управления сложными социальными системами, поскольку считаем, что еще до синергетики стали формироваться очертания рассматриваемого подхода к управлению временем.

Синергетика стала квинтэссенцией научного поиска новых принципов и методов регулирования поведения социальных субъектов, во-первых, в силу ее междисциплинарности, во-вторых, в силу универсальности основных ее положений и рекомендаций, в-третьих, благодаря значительному вниманию к фактору времени, особенно в его нелинейной конфигурации.

Работы И. Пригожина, Г. Хакена, С. Курдюмова и их многочисленных последователей пронизаны размышлениями не только об особых свойствах нелинейного времени, но и о возможностях управления им. Общее определение управления сложными социальными системами дают Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, согласно которому «оказывать управляющие воздействия адекватно складывающейся ситуации означает, стало быть, понимать неоднозначность и относительную непредсказуемость получаемого отклика от среды, от организации, на которую осуществляется управляющее воздействие, отдавать себе отчет о сложности и нелинейности устанавливающихся обратных связей, допускать определенную долю хаоса, внутренней подвижности и гибкости в складывающейся системе интерактивных связей, а также уметь использовать правила резонансного встраивания в среду для образования единого устойчиво эволюционирующего целого»⁴⁰².

Мягкое управление авторы называют экологическим, т. е. направленным на сохранение социокультурного многообразия путем согласования действий управляющего и управляемого. В качестве основных принципов такого типа управления называются ненасилие, учет нелинейности связи между управляющим и управляемым (сила управляющего воздействия не всегда прямо пропорциональна

⁴⁰² Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2014. – С. 197.

отдаче), своевременность и уместность действий, их точечность. Основными механизмами мягкого, нелинейного управления выступают самоорганизация и самоконтроль, которые запускаются малыми резонансными воздействиями, позволяющими «управлять не управляя».

В этих общих положениях становятся ясными принципы управления нелинейным временем. Прежде всего, синергетика не отрицает возможности воздействия на время социальных субъектов. Она признает необходимость конструктивистских установок в отношении времени, возможность овладения им посредством конструирования желаемого будущего⁴⁰³. Вместе с тем управляющее воздействие на темпоральное поведение людей может быть эффективным только в том случае, если оно основано на этике диалога, включающей принципы соучастия, сотрудничества, сопричастности, солидарности, когерентности управляющего и управляемого, интерактивности.

Цель такого подхода к управлению временем – пробуждение у его субъектов *внутренних потребностей и социальных сил, позволяющих им самим выстраивать конструктивные темпоральные стратегии*. Мягкое управление временем подразумевает использование *резонансных воздействий* на общество, социальные общности, индивидов, соответствующих внутренним тенденциям их развития. Сила такого воздействия может быть минимальна (как «взмах крыла бабочки»), а само действие скрыто, латентно, но исключает манипулирование, поскольку позволяет решать задачи и удовлетворять интересы не только управляющего, но и управляемого.

Важным принципом мягкого, нелинейного управления временем является *своевременность* управленческого воздействия, определяемого чувством нужного момента, когда социальная система или социальный субъект внутренне готовы, открыты ему. На наш взгляд, управленческий рационализм как раз уместен в реализации данного принципа: управляющий должен не только интуитивно чувствовать, но и уметь анализировать состояние социального субъекта, прогнозировать в его развитии кризисы и подъемы, точки бифуркации, траектории трансформации и пр. Жесткое управление временем подчиняет его темпоральное поведение ритму и временным границам, запланированным управляющим субъектом. Это означает, образно выражаясь, стучаться в закрытую дверь, местоположение которой при этом не известно.

Конструктивные принципы синергетической модели управления временем позволяют решить многие проблемы и задачи. По

⁴⁰³ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Указ. соч. – С. 38.

мнению С. П. Курдюмова, они могут использоваться для «стратегического видения будущего и планирования на долгосрочную историческую перспективу, для выработки разумной национальной и государственной политики в глобализирующемся мире. Потому что синергетические принципы коэволюции глубоко содержательны и ориентированы на отдаленное будущее, которое практически невозможно предсказывать традиционными методами»⁴⁰⁴.

5.4. Управление временем и темпоральными стратегиями поведения городских социальных общностей

*Города похожи на часы, ...только они
не измеряют время, а вырабатывают его.
И каждый большой город производит
свое особое время, которое знают
лишь те, кто в нем живет.
По утрам люди, как шестеренки,
приходят в зацепление и тащат друг друга
из своих норок, и каждая шестеренка
крутится на своем месте
до полного износа, свято веря,
что движется таким образом к счастью.
Никто не знает, кто заводит пружину.
Но когда она ломается, город
сразу превращается в руины,
и поглазеть на них приезжают люди,
живущие совсем по другим часам.
Время Афин, время Рима – где оно?
А Петербург еще тикает – шесть утра...
В. Пелевин*

Социологическое исследование темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей актуализировано не только научными, но и практическими задачами: необходимостью создания условий для формирования позитивной направленности темпорального поведения социальных общностей, обеспечивающей их адаптивность и успешность в сложном, динамичном, турбулентно изменяющемся социуме.

⁴⁰⁴ Князева Е. Н. Овладение временем и управление коэволюционной сложностью [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/ovladienie-vremenem/> (дата обращения: 07.12.2014).

Понимание возможностей, потенциала и особенностей темпорального поведения различных общностей служит залогом эффективности государственной политики, выступающей инструментом управления сложными социальными проблемами и процессами. Инновационные (авангардные) общности, которые рассматриваются государством как опора его намерений и решений, на самом деле не являются послушными марионетками и в своем поведении зачастую демонстрируют качества и цели, противоречащие особенностям системы управления в России.

Авангардные общности – саморегулирующиеся субъекты деятельности. Они функционируют относительно независимо от государства и различных его институций. Это означает, что темпоральные характеристики их поведения невозможно регулировать напрямую, поскольку они связаны не с внешними обстоятельствами, а с характером их деятельности. Например, предприниматели и бизнесмены самостоятельно определяют режим и график рабочего и свободного времени, сроки реализации своих бизнес-проектов и бизнес-планов и пр.

Главная особенность их темпорального поведения – чрезвычайная динамичность и гибкость. Между тем, существует необходимость согласования их деятельности с органами власти – структурами неповоротливыми, «медленными», консервативными, ригидными, зачастую криминализированными, эффективность деятельности которых никак не коррелирует с фактором времени. Например, процесс разработки и принятия законов, регламентов иногда затягивается на годы, медленное оформление справок и разрешений порой приводит к тому, что бизнес-проект становится бессмысленным. Такая асинхронность функционирования субъектов бизнеса и управления объективно тормозит развитие предпринимательской инициативы. Во многом темпы экономического развития страны определяются скоростью принятия и реализации бизнес-решений, успех на международном рынке также связан со скоростью и своевременностью их принятия. Отсюда возникает парадокс: государство, которое должно быть заинтересовано в ускорении процессов развития и модернизации страны, само препятствует этому.

Под управлением темпоральными стратегиями поведения социальных общностей мы понимаем разновидность социального управления, заключающегося в создании темпоральных условий для жизнедеятельности и взаимодействия социальных общностей как самостоятельных социальных субъектов. Эти условия включают: отсутствие препятствий в проявлении темпоральной активности; поддержание инновационных инициатив в отношении использования социального времени – как собственного для

данной социальной общности, так и времени тех, с которыми она взаимодействует; создание устойчивых ориентаций по отношению к негативным сторонам нелинейной динамики социального времени⁴⁰⁵.

Рассмотрим некоторые содержательные аспекты управления темпоральными стратегиями поведения социальных общностей в условиях города.

1. *Темпоральность деятельности различных социальных организаций и институтов влияет на формирование структуры города.* Этот фактор действует в качестве социального регулятора, имеющего принудительный, общеобязательный характер. Темпоральные условия деятельности различных организаций (прежде всего, государственных, органов власти и управления), заключаются в режиме их работы, сроках исполнения услуг, установлении сроков обязательной отчетности, графика проверок и пр.

Создание таких временных рамок, обязательных для всех субъектов городского социума, синхронизирует, согласует, ограничивает, подчиняет темпоральное поведение индивидов и социальных общностей, делает его предсказуемым и по большей части единообразным. Например, темпоральный режим и ритм трудовой жизни в рамках большинства формальных организаций жестко предписывает не только распорядок трудового дня, но и определяет объемы и структуру других видов временных ресурсов – вне рабочего, в том числе свободного времени.

Например, у большинства преподавателей отпуск приходится на летнее время, что имеет как свои достоинства, так и недостатки. В лучшей ситуации находятся семьи преподавателей, поскольку время их отпусков совпадает. Хуже ситуация у тех, у кого в семье в образовательном учреждении работает кто-то один: время их отпусков различно и по длительности, и по срокам. Летнее время для отпуска воспринимается как одно из достоинств педагогической профессии (для представителей других типов организаций летний отпуск, как правило, является желаемой, но не всегда доступной, ценностью, что иногда используется как позитивная/негативная санкция по отношению к сотрудникам). Между тем, возможность взять отпуск в другое (нелетнее) время ограничена. Таким образом, образовательная организация в совокупности с особенностями темпоральной структуры педагогической профессиональной деятельности обуславливает объемы и режим свободного (в данном

⁴⁰⁵ Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Темпоральные стратегии поведения профессиональных общностей: проблемы и возможности управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 5. – С. 20.

случае отпускного) времени. С одной стороны, это как бы «вознаграждает» преподавателей летним, достаточно большим, отпуском за напряженный труд в течение учебного года (социальная компенсация). С другой стороны, жестко предписывая режим труда и отдыха, практически не оставляет свободы выбора поведения.

Определяющее значение трудовой занятости в рамках формального учреждения для организации времени горожан подтверждают данные исследования А. Н. Кучеренко. По результатам опроса, проведенного им в г. Ростове-на-Дону в 2008 г., работа оказалась фактором, создающим возможность распоряжаться временем современного горожанина, для 75,5 % мужчин и 66,7 % женщин⁴⁰⁶.

Кроме того, организация запускает действие «социальных часов», т. е. темпорального конструирования профессиональной и личной биографии человека. «Социальными часами» продиктованы возраст трудоустройства (нижний и верхний пороги), возраст прекращения трудовой деятельности (в том числе выход на пенсию), возраст или сроки очередного шага в карьерном или профессиональном продвижении.

К важным факторам, влияющим на темпоральную структуру жизнедеятельности любой городской общности, относится транспорт. Режим работы городского, авиа- и железнодорожного транспорта подчиняет себе время горожан, либо серьезно ограничивая, либо, напротив, расширяя их возможности в осуществлении различных видов деятельности – работы, отдыха, путешествий, поездок на дачу, в гости и др. Значение транспорта как фактора социального развития (увеличения мобильности, изменения образа жизни, влияния на темпоральность общества) исследовал Дж. Урри⁴⁰⁷, который отмечал сокращение временных затрат на некоторые виды перемещений, обеспечение свободы и вариативности поведения при передвижении на автомобиле и др.

К организациям, темпоральные схемы и структуры которых выступают управляющими механизмами темпорального поведения социальных общностей, можно отнести не только экономические структуры, но и учреждения образования, органы власти, общественные объединения, НКО.

На наш взгляд, серьезное «управленческое» воздействие на время горожан – представителей различных городских социальных общностей – оказывает досугово-развлекательная индустрия и ее инфраструктура. Именно в ней ярко проявляется то многообразие

⁴⁰⁶ Кучеренко А. Н. Культура времени современного горожанина : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009.

⁴⁰⁷ См.: Урри Дж. Мобильности. – М. : Праксис, 2012.

управляющих механизмов, которое характерно для современного общества. С одной стороны, в этой сфере сохраняются достаточно жесткие темпоральные структуры, характерные для индустриального общества, с другой, появляются возможности свободного выбора времени для проведения досуга.

К первым относятся театры, с небольшими оговорками библиотеки (есть круглосуточные библиотечные он-лайн услуги, собственно он-лайн библиотеки), парки культуры и отдыха, традиционные досуговые центры с их жесткой регламентацией деятельности и, следовательно, пребывания в них горожан. Вторые включают в себя современные торгово-развлекательные центры, клубы, работающие круглосуточно и «поглощающие» время горожан без всяких ограничений. В торгово-развлекательном центре можно провести один час, а можно и целые сутки. Некоторые горожане так и поступают, проводя порой весь свободный день в стенах такого учреждения. В нем можно заниматься шопингом, выступающим для определенной части горожан формой не только потребления, но и времяпрепровождения; можно обедать, общаться с друзьями, развлекать детей, смотреть кинофильмы и пр. При этом торгово-развлекательный центр не структурирует жестко время своих посетителей: магазины, кинотеатры, кафе, рестораны работают круглосуточно. Время в подобных учреждениях приобретает свойство текучести и характеризуется отсутствием жестких структур, переходов, регламентов, границ между различными видами занятий в нем, между временами суток.

Чтобы действительно конструктивно, рационально использовать часы, проведенные в торгово-развлекательном центре, требуется умение сопротивляться тем «пожирателям» времени, которые придуманы менеджерами и маркетологами торгово-развлекательных центров. По большому счету посетители тратят здесь два ресурса – время и деньги. При этом существует прямая связь между их количеством: чем больше времени проводится посетителем в центре, тем больше денег он тратит в нем, взамен получая определенные блага, отдельные из которых являются суррогатами (например, имитация разнообразия в отдыхе, совместно проведенного семейного досуга, покупок и т. д.). Таким образом, возникает новый феномен, который мы определяем как темпоральный симулякр.

Современные тенденции в изменении темпоральности проявляются и в других сферах жизни города. Изменяется природа экономических структур и организаций. Наряду с традиционными, жестко регламентирующими рабочее время сотрудников, появились новые – с гибким графиком, предлагающие удаленную занятость (без временных затрат на передвижение к месту работы).

Как отмечают А. П. Багирова и И. И. Турсукова, если в индустриальном обществе профессиональная деятельность придавала стабильность всей жизни человека, а между занятостью и безработицей существовала жесткая грань, то сегодня на смену занятости индустриального общества, основанной на стандартизации ее основных аспектов, приходит дестандартизированная занятость, совмещающая в себе одновременно элементы занятости и безработицы⁴⁰⁸.

Флексибилизация (гибкость) экономики достигается за счет появления совершенно новых форм трудовой деятельности – фрилансерства, предполагающего совершенно иной тип темпоральной организации всей жизни, включая выполнение профессиональных функций. Происходит отказ (полный или частичный) от коллективных темпоральных структур⁴⁰⁹, а значит, от власти их времени, рамочного, ограничивающего свободу в распоряжении ресурсами времени как на индивидуальном, так и общественном уровне.

Определенную степень темпоральной свободы от времени общественного транспорта дает покупка личного автомобиля или альтернативного транспорта (велосипедов, скутеров и пр.), а порой и отказ от какого-либо транспорта в пользу пешеходного движения, реализующего особый стиль городской жизни.

Можно сделать вывод о том, что темпоральная структура современного города складывается под влиянием двух факторов: сохраняющихся формальных организаций и структур с их жесткой системой управления темпоральным поведением горожан и набирающей обороты тенденции к «освобождению» их времени благодаря изменению социальных, экономических, социокультурных отношений и переводу его в режим самоуправления. Этот режим требует от представителей социальных общностей особой культуры времени и особого отношения к данному ресурсу.

2. Механизмом управления временем горожан, их темпоральным поведением выступают *нормы, формально закрепленные в законодательстве, и неформальные нормы, бытующие в виде общественной морали и традиций*.

Историю общества интересно рассматривать с позиций темпорального подхода как историю «завоевывания», или «отвоевывания», времени. Эта борьба шла (и продолжается по сей день) по поводу сокращения рабочего времени без потерь его денежного эквивалента (заработной платы) и роста свободного времени. По

⁴⁰⁸ Багирова А. П., Турсукова И. И. Эффективность использования гибких форм занятости на региональном рынке труда: теория и методика оценки. – Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2014. – С. 14–16.

⁴⁰⁹ Кучеренко А. Н. Указ. соч. – С. 18.

сути, это повышение валидности (стоимости, ценности) времени по отношению к деньгам. Борьба разворачивалась вокруг попыток одних социальных общностей или слоев приобретать и использовать при минимальных денежных затратах время представителей других общностей или слоев. Деятельность последних, в свою очередь, была направлена на сохранение своего права на время.

Результаты такой исторической «борьбы за время» закреплялись законодательно. Вспомним такие факты, как сокращение 14–16-часового рабочего дня в условиях развития капитализма в первой половине – середине XIX в. до 8-часового спустя 100 лет и, соответственно, законодательное закрепление данной нормы (40-часовая рабочая неделя); переход в СССР на 5-дневную неделю в 1960–1970 гг.; введение нормы неполного рабочего дня для некоторых льготных категорий граждан (например, работников вредного производства, матерей с малолетними детьми, студентов и школьников). Кроме того, это целый комплекс законодательных норм, касающихся длительности различных видов отпусков (ежегодного, учебного, по беременности и послеродового), дополнительных выходных дней (например, для матерей, имеющих несовершеннолетних детей) и т. д.

Еще одна линия исторической и социально-экономической «борьбы за время» разворачивалась по поводу возрастных ограничений в отношении совершеннолетия, брачного возраста, наступления того или иного вида ответственности, владения оружием, допуска к вождению автомобиля, способности к осуществлению того или иного вида профессиональной деятельности (врачебной, педагогической, военной, государственной службы и т. д.), границ пенсионного возраста (отметим, что борьба за данный темпоральный ресурс сегодня приобрела особую остроту).

Подчеркнем, что все перечисленные аспекты составляют формальные градации «социальных часов», закрепленные нормами национального законодательства. Несмотря на то, что они не всегда в полной мере отражают традиции и обычаи, бытующие в обществе, тем не менее они являются действенными темпоральными регуляторами поведения членов тех или иных общностей, поскольку устанавливают границы допустимых действий, выбор вариантов поведения, способов решения различных жизненных проблем.

3. *Способом внешнего управления темпоральными стратегиями поведения городских социальных общностей выступает календарь городской жизни.* Изобретение календаря в истории общества сыграло и продолжает играть роль социальной технологии, управляющей временем. Помимо общемирового и общенационального календаря, существуют модификации календарей, отражающих время конкретной социальной общности, которые

могут иметь традиционный печатный вид, а могут существовать в виде устойчивых, повторяющихся из года в год элементов планирования жизнедеятельности. Например, есть церковный календарь, календарь культурных событий города, календарь мероприятий конкретного учреждения, женский календарь и т. д.

У городского социума существует свой календарь – политических, культурных, экономических событий. Он формируется как результат деятельности органов власти, представителей бизнес-сообщества, политических, культурных, общественных организаций по планированию каждого направления жизни города. Такой календарь имеет как стратегические событийные «точки» (например, события и мероприятия, связанные с подготовкой международных, национальных или региональных выставок, форумов, саммитов и пр.), так и традиционные праздники, фестивали, выборы и т. д. Анализ контента нескольких городских сайтов г. Екатеринбурга показывает, что ключевые события года представлены на главных страницах и отражают специфику этой темпоральной структуры уральского мегаполиса⁴¹⁰. Многократное дублирование информации о событиях на страницах печатных и электронных СМИ, растяжках, рекламных щитах служит способом их закрепления в сознании горожан.

Вышеназванные механизмы управления темпоральными стратегиями поведения городских общностей можно отнести к универсальным, т. е. действующим на всех их представителей. Помимо этих универсальных механизмов, существуют и другие способы управления темпоральным поведением, которые обусловлены спецификой основного вида занятости тех или иных социальных общностей. В каждом конкретном случае эти способы несут на себе их печать.

Рассмотрим в качестве примера, какими возможностями и ресурсами обладает университет для управления темпоральными стратегиями поведения студентов.

Обучение в вузе по своей значимости для социализации молодежи занимает, пожалуй, одно из первых мест. В это время формируются не только профессиональные компетенции и ориентации молодежи (в условиях доминирования нелинейной модели профессиональной карьеры первостепенность этой функции образования уже не столь очевидна), но и закладываются основы ее жизненной

⁴¹⁰ Сайт Екатеринбургского Экспоцентра. – URL: <http://www.ekaterinburgexpo.ru/events.aspx>; Официальный портал Администрации г. Екатеринбурга. – URL: <http://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/administration/administration-gorod/>; Городской портал г. Екатеринбурга. – URL: <http://gorodskoyportal.ru/ekaterinburg/>

стратегии, жизненного мировосприятия и мировоззрения. Составной частью этой жизненной стратегии являются ее темпоральные аспекты, которые рассматриваются нами как предмет влияния вузовской среды в ее «мягком», непрямом воздействии на сознание и поведение студентов.

Темпоральные стратегии поведения студентов ранее не изучались, хотя перспективы и необходимость такого исследования очевидны с точки зрения их развития как социальной общности и совершенствования университетского образования и управления им. Эффективность любой системы управления определяется ее соответствием актуальным потребностям общества, способностью решать проблемы сегодняшнего дня, но в еще большей степени – предугадывать потребности и проблемы, которые могут возникнуть в будущем. В свете последних социологических исследований становится ясно, что «отношения с временем» и отношение к времени все чаще определяют жизненные шансы и перспективы социальных субъектов различного уровня – индивидов, социальных общностей, социума в целом. А значит, закономерно возникает потребность в формировании конструктивных темпоральных стратегий у студентов с помощью тех инструментов и ресурсов, которые имеются в распоряжении вуза.

Нам представляется необходимым сосредоточить внимание на образовательных ресурсах управления, поскольку именно образование выступает основным видом деятельности студенческой молодежи, формирующим ее социокультурные черты, в том числе темпоральные.

Данные эмпирического исследования, проведенного автором весной 2014 г. среди студентов государственных вузов г. Екатеринбурга⁴¹¹, показывают, что темпоральные стратегии поведения большинства студентов можно отнести к линейному типу, поскольку доминирующей тенденцией является ориентация на традиционное время и линейный характер его динамики. Ценность времени декларируется ими, нелинейность времени фиксируется их сознанием, но в поведении на уровне общности наблюдается инерционность, т. е. сохранение традиционных паттернов использования временных ресурсов в повседневной жизни и в выстраивании жизнен-

⁴¹¹ Исследование проводилось в феврале–апреле 2014 г. в г. Екатеринбурге – одном из российских мегаполисов. Методом анкетирования были опрошено 1200 студентов старших курсов 11 государственных вузов. Применялась двухступенчатая стратифицированная выборка, в которой были представлены студенты всех основных профилей обучения – технического, естественно-научного, гуманитарного и социально-экономического. Ошибка выборки составила 3 %.

ной перспективы. Это расхождение между сознанием и реальным поведением, раскрывающееся в понятии «парадоксального человека»⁴¹², отражает особенности и противоречия развития современного российского общества и его культуры.

Немногочисленные слои студенческой молодежи находятся в ситуации перехода к новым темпоральным стратегиям поведения, поэтому их темпоральное самочувствие, сознание и поведение также противоречивы. Неэффективное использование времени в силу отсутствия его соответствующей культуры, неразвитые темпоральные навыки и неудовлетворенность этим фактом, позитивное восприятие нелинейности времени и одновременно быстрое уставание, истощение от пребывания в его турбулентных режимах свидетельствуют о незрелости, несформированности новых темпоральных стратегий у данной части исследуемой социальной общности студентов.

Ключ к пониманию предпосылок и причин выявленной проблемы и, соответственно, способов ее решения, на наш взгляд, «спрятан» (по крайней мере, отчасти) в системе образования, ее практиках. Первый образовательный ресурс, выступающий фактором формирования темпоральной картины мира и на ее основе – темпорального поведения студентов – это *содержание учебных программ*. Речь идет о роли социально-гуманитарных дисциплин в развитии мировоззрения, жизненных ориентаций и жизненных стратегий молодежи.

На протяжении последних лет, в связи с изменением образовательных стандартов, происходило «вымывание» социогуманитарной составляющей из концепции подготовки студентов негуманитарных специальностей, а вместе с тем – уменьшение возможности формировать представления о новой темпоральной реальности и соответствующей ей активной жизненной позиции, осознания новых ресурсов достижения социального успеха и одновременно жизненной гармонии. Но необходимо заметить, что и в программах подготовки гуманитариев темпоральные теории и концепции, а также технологии и методы управления временем, развития темпоральных потребностей и способностей не нашли какого-либо заметного отражения. Речь даже не идет о специальных содержательных блоках или спецкурсах по темпоральной проблематике, мы имеем в виду знание, латентно содержащееся в курсах философии, социологии, психологии и культурологии (кстати, последние три дисциплины сегодня почти исключены из подготовки по техническим направлениям и специальностям).

⁴¹² Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – М. : Гардарики, 2001.

Анализ истории названных наук показывает, что проблемы времени проходят сквозной темой и чрезвычайно актуализированы в современных теоретических и прикладных исследованиях. Следовательно, в изложении истории и актуальных проблем социальных и гуманитарных наук достаточно делать акцент на темпоральной проблематике, тем самым приближая теоретическое гуманитарное знание (зачастую воспринимаемое студентами-негуманитариями как «плетение словесных кружев») к жизненным потребностям студенческой молодежи, ее повседневным практикам. Наше исследование и многолетний опыт преподавания гуманитарных дисциплин студентам различных вузов и специальностей показывают, что проблемы времени (и в экзистенциальных аспектах, и в плане рассмотрения повседневной проблемы дефицита времени) неизменно вызывают живой интерес и одновременно стимулируют изучение преподаваемой науки.

Примечательно, что изменения в образовательных стандартах никак не затрагивают вопросов формирования культуры времени (ни в мировоззренческом, ни в прикладном аспекте) в подготовке будущих специалистов в области управления, менеджмента и предпринимательства. В рабочих программах по теории управления, различным видам менеджмента зачастую отсутствуют разделы по тайм-менеджменту, а стратегический менеджмент преподается лишь как одна из технологий управления, а не в качестве системной, интегрирующей методологии. «Насыщение» содержания учебных курсов темпоральной проблематикой, на наш взгляд, создаст фундамент для формирования нового видения окружающего мира, личной и профессиональной жизни, работы и досуга, в которых время станет и терминальной, и инструментальной ценностью, приобретет роль «идеологии» или «философии» жизни.

Другой образовательный ресурс управления темпоральными стратегиями поведения студентов можно отнести одновременно и к прямым, и к косвенным регуляторам. Это *темпоральный режим учебной работы*. Мы уверены, что качество образования и мотивация к успешной учебной деятельности зачастую связаны с фактором времени, хотя ни в одной известной нам концепции управления качеством образования он не учитывается.

Оптимальное планирование освоения образовательной программы (учебный план), рационально составленное расписание, обучение студентов правильной организации их внеаудиторной работы, режиму труда и отдыха являются принципами эффективного использования ресурсов времени всех субъектов образовательной деятельности (и студентов, и преподавателей, и учебно-методического персонала, и университетских служб). К сожалению, принцип темпоральной эффективности зачастую нарушается в пользу

экономической выгоды, более плотного использования аудиторного фонда, учебного оборудования и пр.

Эта повсеместно распространенная практика организации учебной работы (без учета принципа экономии времени) базируется на общекультурной ситуации – непонимании ценности времени. И как тут не вспомнить слова Сенеки, обращенные к его другу Луцилию: «Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владение природа, но и его кто хочет, тот и отнимает»⁴¹³. Как актуально звучат эти слова, когда мы видим и слышим возмущение студентов по поводу «окошек» в расписании или одной пары в субботу и пр.! В связи с этим понятными становятся причины пропуска занятий (наряду с другими, такими, как отсутствие интереса к учебе и трудовая занятость студентов). Современный студент – работающий студент – не хочет, чтобы у него «крали» время.

Учебное расписание – это фрейм, в который помещено определенное содержание. Для студентов-первокурсников темпоральный режим учебной деятельности представляется новым, серьезно отличающимся от школьного расписания и режима дня. Содержательно эта рамка наполняется процессами темпоральной и психофизиологической адаптации к вузовской среде (это иной режим труда и отдыха, иной режим интенсивной умственной и физической активности). Исследование адаптации к вузу выпускников различных учебных заведений показывает, что легче и быстрее (почти безболезненно) идет адаптация у выпускников лицеев и гимназий, работающих в системе «школа – вуз», так как темпоральный режим в них (пары, сессии, внеучебная, внеаудиторная работа) приближен к университетскому.

Рассмотрим еще один фактор, связанный с действием темпорального режима учебной работы как образовательного ресурса управления. Переход на новые образовательные стандарты, как известно, повлек за собой увеличение внеаудиторного времени, используемого для самообразования и саморазвития студентов. В связи с этим резко встала проблема самоорганизации и самостоятельного управления временем. Как использовать, как расчитать это время студенту?

Опросы студентов и повседневное наблюдение за их поведением показывают, что в реальности ресурсы внеаудиторного времени не используются по назначению. Российские студенты «экономят» его с помощью плагиата, а высвободившееся время используют на другие цели, в том числе на работу. Примечательны

⁴¹³ Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию / пер., прим., подг. изд. С. А. Ошерова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1977.

в этом плане различия между студентами технических/медицинских и экономических/гуманитарных специальностей. Организация аудиторной и внеаудиторной работы первых такова, что студентам некогда работать, они учатся. Вторые же свободно распоряжаются внеаудиторным временем и злоупотребляют его «нецелевым использованием».

Таким образом, наше исследование фиксирует латентное последствие реформирования российского образования. Оно состоит в том, что изменение структуры учебного времени, сокращение аудиторной занятости в расчете на активизацию самообразования студентов не оправдало себя. Напротив, оно привело к снижению уровня подготовки студентов к учебным занятиям. Идея перераспределения временных затрат с аудиторных занятий в пользу самостоятельной работы не реализовалась в темпоральных поведенческих стратегиях студентов, и причинами этого феномена, с нашей точки зрения, являются низкая культура времени и отсутствие развитых потребностей в его рациональном использовании.

Данный факт подводит нас к выводу о роли не только объективных, но и субъективных факторов организации учебного режима и использования учебного времени, связанных с низким рангом темпоральных ценностей в системе жизненных ориентаций студенчества.

Помимо того, что было сказано выше об этом, хотелось бы привести один характерный пример. Из года в год студенты, обучающиеся по контракту и при этом заинтересованные, как кажется, на первый взгляд, в получении качественного образования, регулярно задают вопрос: «Сколько сегодня мы будем заниматься, может быть, закончим пораньше?» или «У нас сегодня будут все пары?» в надежде услышать информацию о возможном их сокращении. Когнитивный диссонанс у них вызывает ответ преподавателя, в котором звучит сравнение времени с материальными ценностями: «Если вы заплатили в ресторане за 4 блюда, то одно из четырех вы же не выбросите, а, по крайней мере, унесете с собой. Чем же учебное время, оплаченное вами из семейного, личного бюджета, отличается от дорогого блюда из ресторана? Наверно, только тем, что его невозможно унести с собой, взять про запас». Этот ответ заставляет их задуматься. И, тем не менее, учебное время, к сожалению, не всегда ценится студентами в соответствии с его реальной стоимостью.

Третий вид образовательных ресурсов управления темпоральными стратегиями поведения студентов заключается в возможностях их *неформального образовательного взаимодействия* с преподавателями. Опоздания преподавателей на занятия, отмена или перенос консультаций без предупреждения, превышение сроков

проверки письменных работ, плохо организованные во времени встречи не только являются нарушением профессиональной этики и трудовой дисциплины, они свидетельствуют о безответственном отношении педагогов к своему рабочему времени и времени студентов.

Регулирование этой ситуации зависит от руководителя – ректора, декана, заведующего кафедрой. Докажем это конкретным примером.

З. Т., 60 лет, преподаватель вуза: *«Заседания Ученого совета в нашем вузе очень хорошо организованы. Заранее делается рассылка информации по основным вопросам, можно познакомиться, а во время заседания происходят прения, обмен мнениями. Все проходит строго по регламенту, в строго отведенное время. Мне это нравится. Я вижу, что руководитель ценит наше время. И я ценю такого руководителя».*

Я всегда прихожу на работу заранее, примерно за полчаса, чтобы подготовиться, привести себя в порядок. И студентов, и сотрудников приучаю к этому. Студентам озвучиваю свою позицию на первой лекции, они ее знают, хотя и опаздывают все равно. И я стараюсь не делать им замечания, тем более заочникам или магистрам (понимаю, что их могли задержать на работе, транспорт). Но они всегда знают и чувствуют, что я вижу их опоздание, им стыдно. А я просто говорю мимоходом дальше в лекции: вот Вас не было, а мы говорили о том-то и том-то. Они понимают, что замечают, вижу их опоздания».

Иногда захожу в преподавательскую перед самым занятием или когда началась пара. Замечаю сотрудникам, что уже время и вы должны быть в аудитории, коллеги. Конечно, опаздывают, воспитывать трудно. Но я все равно это делаю. По крайней мере показываю на своем примере».

Именно данные ресурсы относятся к числу субъективных факторов, влияющих на отношение студентов к времени. Отметим, что, на наш взгляд, этот фактор действует деструктивно на формирующиеся темпоральные стратегии поведения студентов, причем не менее сильно, чем те, что были названы выше. Отсутствие отношения к времени (своему, а главное – чужому) как важному ресурсу транслируется в сознание студенчества, проявляясь затем в авральности и дефиците времени сначала в образовательной, а затем и профессиональной деятельности, ответном нарушении темпоральных этических норм (опозданиях, нарушении сроков выполнения работ, поздних ответах на запросы и т. д.). Культура времени является важнейшим компонентом профессиональной культуры сотрудников вуза и одновременно – действенным инструмен-

том управления (формирования и регулирования) темпоральных стратегий поведения студенчества.

Образовательные ресурсы – это своеобразный мостик между управляющей и управляемой подсистемами вуза. Они интегрированы и в ту, и в другую подсистемы, что создает возможность «мягкого» управления, управления «изнутри» сложными поведенческими комплексами, какие мы представили на примере темпоральных стратегий поведения студентов.

Проанализированные в статье образовательные ресурсы преломляются сквозь призму особенностей студенчества как социальной общности. Студенческая молодежь гетерогенна по многим социокультурным признакам, что способствует формированию многообразных типов темпоральных стратегий поведения. Работающий и неработающий студент; студент, ориентированный на ценности индустриального общества, и студент, чутко улавливающий веяния информационного общества; студент, принадлежащий к традиционным социальным общностям, и студент, входящий в авангардные социальные общности, – все они по-разному реагируют на объективно складывающуюся нелинейность социального времени. Нелинейная динамика социального времени, проходя через темпоральное сознание студентов, порождает различия в темпоральных стратегиях их поведения.

Насколько значима для вуза задача формирования новых, конструктивных темпоральных стратегий поведения? Ответ очевиден: если вуз формирует специалиста будущего, значит, он закладывает в модели его подготовки не только узко профессиональные, но и социально значимые компетенции. Одна из задач модернизации высшего образования – «это подготовка лидеров... для любой... профессиональной деятельности, подготовка не лидеров-управленцев, а *“вперед смотрящих” в своей профессии, в своей деятельности [курсив наш]*»⁴¹⁴. Новые темпоральные стратегии поведения, связанные с использованием новых свойств социального времени, его динамики, ориентированные на значимость времени как одного из самых дефицитных и дорогих ресурсов, неотъемлемых от человека (человеческого капитала), как нельзя больше связаны с будущим. Поэтому вузовское образование, ориентированное на решение сиюминутных, сугубо образовательных задач, неактуально, несовременно. Создание же условий, формирующих темпоральные поведенческие стратегии людей будущего, – предназначение университетского управления.

⁴¹⁴ Рубина Л. Я. Актуализация проблем социально-гуманитарного образования в вузе // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2. – С. 248.

В ходе нашего исследования главный вопрос – возможно ли управление временем – потребовал уточнения и конкретизации. Чтобы ответить на него, необходимо было выяснить, каким именно временем можно распоряжаться, с каким временем нужно «дружить» и «договариваться», а какое время придется принимать как должное и неизбежное.

Есть виды социального времени, которыми человек может и должен управлять, если он хочет добиться своих целей. Для этого нужно научиться понимать законы и особенности времени – линейного и нелинейного, планировать во времени все виды своей деятельности – от работы до отдыха, уметь правильно формулировать цели и видеть пути их реализации.

Есть виды социального времени, которые лишь отчасти зависят от человека, его воли, желаний. Это время окружающих его людей, общества и культуры. К этому времени нужно приспосабливаться, используя во благо некоторые его свойства и обходя, по возможности, его «острые углы», неудобные повороты и неожиданные зигзаги.

Есть виды социального времени, которые управляют человеком, – это его возраст, судьба, эпоха. Но и с ними человек может научиться «дружить», получая удовольствие от жизни, ощущая ее полноту. Если помнить выражение: «Желающего идти судьба ведет, не желающего – тащит», то фатализм в отношении времени (во всех его проявлениях) исчезает, уступая место спокойному и взвешенному к нему отношению как уникальному виду человеческого капитала.

В своем исследовании с позиций социологии мы попытались посмотреть, как влияет время на поведение и жизнедеятельность людей. Используя понятие темпоральных стратегий поведения, мы «диагностировали» отношение представителей различных социальных общностей – бизнес-сообщества, научно-педагогического сообщества, студентов к капиталу времени, имеющемуся в их распоряжении.

Конечно, нами не ставилась специально задача показать через отношение к времени «человеческое» лицо управления или новые тренды его развития, хотя это интересное и новое направление в теории и социологии управления. Используя современную управленческую терминологию – понятия управления, стратегии, управления стратегиями, капитала и т. д. – мы вышли на понимание возможностей управления временем в условиях социальной неопределенности и турбулентности на уровне не только личности, но и социальной общности.

В отношении социального времени управление выходит далеко за рамки организационной практики. Институты управления и власти, планируя и реализуя свои проекты, по существу пытаются управлять темпоральным поведением разнообразных и многочисленных социальных общностей. Когда эти управленческие проекты идут вразрез со сложившимися или складывающимися в новых условиях темпоральными стратегиями поведения представителей социальных общностей, эффективность управленческой деятельности падает.

Один из наших информантов в интервью точно выразил суть парадигмы мягкого управления: с временем нужно обращаться бережно и трепетно. Люди остро и негативно реагируют на управленческие требования, связанные с изменением их темпорального режима жизни. Увеличение нагрузки преподавателей высшей школы, неудобное учебное расписание студентов, медленное прохождение по ступеням бюрократических структур документации предпринимателей, сверхурочная, авральная работа у менеджеров, с одной стороны, скачкообразные реформы, грубое прерывание социокультурной преемственности, искусственное ускорение или замедление темпов развития социокультурных процессов, с другой, служат причинами нарастания социального недовольства, пессимизма, апатии, а затем – латентного и явного сопротивления жесткому управлению.

Не случайно большая часть материалов книги посвящена социальному времени и отражению его в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей. Они могут служить социологическим обеспечением управленческой деятельности: чтобы эффективно управлять, необходимо знать, что собой представляет объект, которым мы управляем, какие условия нужны для его нормального функционирования и развития.

Социальное время современных горожан представляет собой чрезвычайно сложное и динамичное явление. Известная латинская пословица: «*Mutantur tempora et nos mutamur in illis*» («Времена меняются, и мы меняемся с ними») приобретает в современном контексте новые смыслы. Время меняется не только от эпохи к эпохе, не только от поколения к поколению, но изо дня в день и даже в течение дня, требуя превращения изменчивости в сущность человека. Сложность городского сообщества как раз и состоит в многообразии реакций представителей различных общностей на это требование. Сложность же управления этим сообществом выражается в необходимости гибкого подхода к управлению темпоральным разнообразием.

Время нуждается в мягком регулировании, которое реализуется через создание необходимых институциональных и организа-

ционных условий жизнедеятельности, через воспитание культуры использования времени, формирование темпоральных знаний и представлений. Регулирование темпоральных стратегий поведения социальных общностей становится предметом деятельности множества субъектов управления – учреждений образования (школ, вузов), органов власти и управления, общественных организаций. Выполнение ими этой управленческой задачи создает предпосылки успешного решения других глобальных задач и проблем российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин А. Г. Социально-психологические последствия крупномасштабных техногенных катастроф в отдаленном периоде: на примере Уральского региона : дис. ... д-ра психол. наук. – Магнитогорск, 2006.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991.
3. Августин Аврелий. Исповедь // Августин Аврелий. Исповедь. Абелия П. История моих бедствий. – М. : Республика, 1992.
4. Акулич М. М. Власть и управление временем // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2008. – № 4.
5. Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. – М. : URSS, 2012.
6. Амбарова П. А. Динамика социального времени: эволюция социологических представлений // Социологический журнал. – 2014. – № 2.
7. Амбарова П. А. Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности // Известия УрФУ. Сер. 1: Проблемы науки, образования и культуры. – 2014. – № 2 (126).
8. Амбарова П. А. Культурная вариативность социальных часов. Начало жизненного пути // Известия УрФУ. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 2 (89).
9. Амбарова П. А. Культурная вариативность «социальных часов». «Серебряный возраст» или «возраст невидимки» // Известия УрФУ. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92).
10. Амбарова П. А. Темпоральные стратегии поведения // Известия УрФУ. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 2.
11. Амбарова П. А. Теоретико-методологические основы исследования темпоральных стратегий поведения социальных общностей // Вестник СурГПУ. – 2014. – № 2 (29).
12. Амбарова П. А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов // Социум и власть. – 2012. – № 6.
13. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 3 (91).
14. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. – 2014. – № 12.
15. Арзуманян Р.В. Метафора нелинейности в социальных системах // 21 Век. – 2004. – № 2 (4).

16. Аронсон О. Этика времени у Мамардашвили [Электронный ресурс]. – URL: <http://mamardashvili.com/about/aronson/2.html>.
17. Артемов В. А. Социальное время: проблемы изучения и использования. – Новосибирск : Наука, 1987.
18. Артемов В. А. Социологические аспекты времени в отечественных научных работах 1920–1930-х гг. // Социологический журнал. – 2007. – № 3.
19. Артемов В. А. Статистика бюджетов времени трудящихся. – М. : Статистика, 1967.
20. Артемов В. А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ [Электронный ресурс]. – М. : РОС, 2012.
21. Арямов А. В. Социальное время в управлении. Синергетический эффект // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 1998. – № 1. – Т. 7.
22. Аскин Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. – М. : Мысль, 1966.
23. Аскольдов С. Время и его преодоление // Мысль. – 1922. – № 3.
24. Ахизер А. С., Гольц Г. П. Критические пороги социальных систем // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1.
25. Ахметова М. В. Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. – М. : ОГИ : РГГУ, 2010.
26. Багирова А. П., Турсукова И. И. Эффективность использования гибких форм занятости на региональном рынке труда: теория и методика оценки. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2014.
27. Баскин А. И. Время в системе экономических ресурсов постиндустриального общества : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – СПб., 2006.
28. Бауман З. Текучая современность. – М. : Питер, 2008.
29. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. – Киев : Институт социологии НАН Украины, 2002.
30. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.
31. Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания [Электронный ресурс] // Понятийный аппарат педагогики и образования. – М. : Владос, 2007. – Вып. 5. URL: culturalnet.ru/main/getfile/1854.
32. Бергер П., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология. – М. : Академический Проект, 2004.

33. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М. : Медиум, 1995.
34. Березина Т. Н. Время как вероятность // Мир психологии. – 2011. – № 3.
35. Беспалова Ю. М. Обращение к себе: повседневная жизнь западносибирской семьи глазами социолога. – Тюмень : Мандр и Ка, 2014.
36. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.klex2.ru/69r>.
37. Булатова Е. А. Интуитивные управленческие решения // Проблемы многоуровневого образования : тезисы докладов XV Междунар. науч.-метод. конф. (Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т). – Н. Новгород, 2012.
38. Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. – СПб. : Алетейя, 2001.
39. Бурдые П. Социология политики. – М. : Socio-Logos, 1993.
40. Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. – М. : Статистика, 1971.
41. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М. : Логос, 2003.
42. Васильева Ю. А. Зачем компании разрешают сотрудникам слушать музыку на работе // Ведомости. – 2004. – 15 июня.
43. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990.
44. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М. : Наука, 1988.
45. Верховский А. Место ксенофобии в политике государства // Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России : сб. статей [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mhg.ru/publications/19DE0F1>.
46. Веселкова Н. В. Социология времени и Жорж Гурвич // Рубеж (Альманах социальных исследований). – 2003. – № 18.
47. Веселкова Н. Существует ли социология времени? [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/veselkova_suschi_sociol_vremeni.
48. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. – 2003. – № 4 (24).
49. Вне рабочее время трудящихся / под общ. ред. Г. А. Пруденского. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961.
50. Гайденко П. П. Понимание времени // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1.

51. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. – М. : Наука, 1972.
52. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977.
53. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – М. : Академический проект, 2005.
54. Головаха Е. И., Панина Н. В. Социальное безумие: история, теория и современность. – Киев : Абрис, 1994.
55. Городской средний класс в современной России : аналитический доклад ; подг. в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. – М. : ИС РАН, 2006.
56. Гребенюк Е. Н. Синергетический подход в гуманитарном исследовании. – Астрахань : ИД «Астраханский государственный университет», 2011.
57. Грибакин А. В. Проблемы общественного регулирования свободного времени : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Свердловск, 1972.
58. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. М., 2006.
59. Грушин Б. А. Свободное время. Актуальные проблемы. – М. : Мысль, 1967.
60. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – М. : Кристалл, 2001.
61. Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. – 1969. – № 3.
62. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М. : Искусство, 1984.
63. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М. : РОССПЭН, 2010.
64. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. – М. : Логос, 1998.
65. Демина В. В. Трансформация социально-экономического содержания рабочего и свободного времени в постиндустриальной экономике : автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. – М., 2011.
66. Демина В. В., Толокина Е. Л. Рабочее и свободное время как категории экономической теории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». – 2012. – № 4.
67. Диев В. С. Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция. – Новосибирск : НГУ, 2003.
68. Добрицына И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.

69. Добронравова И., Финкель Л. Динамический хаос в социуме как среда социальной самоорганизации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 1.

70. Докторов Б. З. Современная российская социология: историко-биографические поиски : в 3 т. – М.: ЦСПиМ, 2012. – Т. 1: Биографии и история.

71. Дубин Б. В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Интеллектуальная Россия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-pamyat-o-vojne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoj-praktike-poslednix-desyatiletij.html.

72. Дьяков И. Н. Проблема взаимоотношения субстанции и времени. Этюд: свобода, стремление и творчество в свете мирового всеединства. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1916 (на обл. 1917).

73. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995.

74. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996.

75. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология / пер. с англ., нем., фр.; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998.

76. Дятлов В. И. «Великие ксенофобии». Взаимовлияние и взаимодействие на опыте России // Идеи и идеалы. – 2010. – № 2 (4). – Т. 1.

77. Желтикова И. В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. – Орел : Изд-во ОГУ, 2011.

78. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб.: Алтейя, 2001.

79. Енькова Л. П. Структура и содержание временной компетентности в контексте психолого-педагогического образования // Вектор науки ТГУ. – 2001. – № 4 (7).

80. Жогина Н. Н. Категория надежды в осмыслении человеческого существования : дис. ... канд. философ. наук. – Кемерово, 2003.

81. Жогина Н. Н. Национальная специфика репрезентации концепта «надежда» в паремиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Филология. – 2002. – Вып. 4 (12).

82. Заборова Е. Н. Город на грани веков. – Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2007.

83. Заборова Е. Н. Человек в пространстве крупного города // Дискуссия. – 2012. – № 4.

84. Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996.

85. Зарубина Н. Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1 (28).

86. Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013.

87. Зборовский Г. Е. История социологии. – М.: Гардарики, 2004.

88. Зборовский Г. Е. Общая социология. – М.: Гардарики, 2004.

89. Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск : Изд-во «Уральский рабочий», 1974.

90. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2007.

91. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009.

92. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Темпоральные стратегии поведения профессиональных общностей: проблемы и возможности управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 5.

93. Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Введение в социологию. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992.

94. Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1970.

95. Иванова В. А., Шубкин В. Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. – 2005. – № 2.

96. Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. – 2000. – № 6.

97. Ионин Л. Н. Социология культуры. – М.: Логос, 1998.

98. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г. В. Осипов. – М.: НОРМА : ИНФРА-М, 2001.

99. История теоретической социологии : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – М.: Канон, 1997.

100. Казанский Б. А. Формализация со-бытийности: бутстрап-системы в биологии, биосферологии, кибернетике и физике // Экогеософский альманах «Мудрость дома Земля»: о мировоззрении XXI века [Электронный ресурс]. – Донецк, 2007. – URL: http://www.evol.nw.ru/labs/lab38/kazansky/kazansky_al6_site.doc.

101. Канке В. А. Единство и многообразие форм времени : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1984.

102. Канке В. А. Некоторые аспекты субординации между свойствами пространства и времени и материальными взаимодействиями : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1975.

103. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Алгоритм : ЭКСМО, 2006.

104. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2000.

105. Катаев Д. В. Социология управления Макса Вебера : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Липецк, 2004.

106. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова [Электронный ресурс]. – URL: gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/18.ph.

107. Кебуладзе В. И. Понятие субъективного смысла социального действия в феноменологической социологии Альфреда Шюца // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2009. – № 2. – Т. 22 (61).

108. Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Межпоколенческий сдвиг индивидуального оптимизма/пессимизма в современном российском обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 2.

109. Князева Е. Н. Овладение временем и управление коэволюционной сложностью [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/ovladenie-vremenem/>.

110. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самоорганизация // Вопросы философии. – 1994. – № 2.

111. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: синергетическое мировоззрение. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010.

112. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М. : КомКнига, 2014.

113. Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. – Екатеринбург : УрГУ, 1994.

114. Коган Л. Н. В четвертом измерении: философские идеи русской философии. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994.

115. Коган Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992.

116. Коган Л. Н. Философия: серьезная и веселая : очерки о философии Уильяма Шекспира. – Челябинск : ГУ ПТО адм. Челяб. обл. : ЧИРПО, 1996.

117. Колесников В. А., Полошневич О. А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс]. – 2012. – № 12 (20). – URL: www.sisr.nkras.ru (дата обращения: 24.12.2013).

118. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: предварительный эскиз. – М. : Наука, 1991.

119. Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996.

120. Конт О. Общий обзор позитивизма // Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996.

121. Конт О. Система позитивной политики // Западно-европейская социология XIX века / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Издание Международного университета Бизнеса и Управления, 1996.

122. Копец Л. В. Классические эксперименты в психологии. – Киев : Киево-Могилянская академия, 2010.

123. Кравченко С. А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммунология. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 60.

124. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 5.

125. Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИ [Электронный ресурс]. – М. : РОС, 2012.

126. Кузнецова Н. В. История менеджмента. – Владивосток : ТИДОН ДВГУ, 2001.

127. Кузьмина М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания [Электронный ресурс]. – URL: isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/kuzmina.pdf.

128. Култыгин В. П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. – 2004. – № 1.

129. Куркина Е. С. Конец режимов с обострением. Коллапс цивилизации [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurkinaes.htm>.

130. Кучеренко А. Н. Культура времени современного горожанина : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009.

131. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М. : Республика, 1993.

132. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5.

133. Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. – 2012. – № 5.

134. Лопатин Л. М. Положительные задачи философии. – М. : Типография «Товарищество И. Н. Кушнерева и К», 1911. – Ч. 1, 2.
135. Лоос В. Г. Промышленная психология. – Киев : Техника, 1974.
136. Лумпов Н. Жизнь менеджера (Экзистенциальный менеджмент) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dekanblog.ru/zhizn-menedzhera-ekzistencionalnyj-menedzhment/#>.
137. Маккари Дж. Япония велит своим служащим отдыхать – ради процветания страны // The Guardian [Электронный ресурс]. – 2006. – 17 января. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/gazeta033.php>.
138. Мансурова И. С. Особенности выраженности надежды в связи с удовлетворенностью жизнью и оценкой значимых событий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2008.
139. Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 19.
140. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М. : Политиздат, 1964. – Т. 26. – Ч. 3.
141. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала». Ч. 2) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 46. – Ч. II.
142. Мельников И. Г. Свободное время и формирование личности студента : автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Свердловск, 1973.
143. Можейко М. А. Теория нелинейных динамик // Энциклопедия постмодернизма [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/postmodern/Nelinenh-dinamik-teorija-255.html> (дата обращения 06.10.2013).
144. Можейко М. А. Язык и творчество. Постмодернизм в лингвистике // Известия Смоленского госуниверситета. – 2008. – № 1.
145. Москалев И. Технологические основы социально-инновационного государственного управления [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/biology/technologicheskie-osnovy/>
146. Мотивирующие аспекты «свободного времени» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.poranarabotu.ru/articleRubrik/article/1865/>.
147. Муравьев В. Н. Овладение временем как основная задача организации труда // Муравьев В. Н. Овладение временем. – М. : РОССПЭН, 1998.
148. Мурзин А. Э. Свободное время сельской молодежи как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Екатеринбург, 1992.
149. Мусийчук С. В. Интуиция как психологический фактор в структуре управленческих решений // Общество: социология, психо-

логия, педагогика [Электронный ресурс]. – URL: dom-hors.ru/issue/spp/2014-1/musiychuk-s.pdf.

150. Мустафаева З. А. Трансформация сферы услуг в постиндустриальном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3.
151. Мухаметжанова В. С. Социальное управление в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществе: перспективы развития систем управления // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2010. – № 3.
152. Назаретян А. П. Нелинейность будущего. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. – М. : Изд-во МБА, 2013.
153. Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. – 2012. – № 9.
154. Нестерова М. А. Методологический потенциал концепции габитуса в управлении изменениями [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.info-library.com.ua/books-text-12051.html>
155. Неценко А. В. Формирование и использование свободного времени при социализме : автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Ленинград, 1977.
156. Ницше Ф. Злая мудрость. – М. : Триада, 1993.
157. Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. – М. : Наука, 1993.
158. Орехова Л. Г. Социально-философское осмысление страха : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2002.
159. Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.
160. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. – М. : Наука, 1977.
161. Патрушев В. Д. Бюджет времени городского населения социалистических и капиталистических стран // Философия науки. – 1968. – № 5.
162. Петина М. А. Темпоральность музыки как предмет философско-культурологического исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2005.
163. Пригожин И. Послание к будущему поколению // Наука и жизнь. – 2002. – № 11.
164. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой : пер. с англ. / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс, 1986.
165. Пространство и время социальных изменений : курс лекций в цикле социологических дисциплин / В. Н. Ярская, Л. С. Яковлев, В. В. Печенкин, О. Н. Ежов. – Саратов : Научная книга, 2004.

166. Пруденский Г. А. Время и труд. – М. : Мысль, 1964.
167. Пшенник Ю. Власть знания против власти принуждения [Электронный ресурс]. – URL: http://n-europe.eu/article/2011/12/29/vlast_znaniya_protiv_vlasti_prinuzhdeniya.
168. Пьянкова С. Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив // Психологические исследования [Электронный ресурс]. – 2009. – № 1 (3). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/57-pyankova3.html>.
169. Разумовский О. С. Социальный алармизм // Полигнозис. – 1999. – № 2 (6).
170. Рейн А. Чем отличается постиндустриальная структура от индустриальной? Ключевые особенности [Электронный ресурс]. – URL: <http://fb.ru/article/138835/chem-otlichaetsya-postindustrialnaya-struktura-ot-industrialnoy-klyuchevye-osobennosti>.
171. Риман Ф. Основные формы страха / пер. с нем. Э. Л. Гушанского. – М. : Алетей, 1999.
172. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб. : Питер, 2002.
173. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М. : Альфа-М, 2009.
174. Рубина Л. Я. Актуализация проблем социально-гуманитарного образования в вузе // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2.
175. Рубцов И. В. Свободное время как фактор социально-педагогической коррекции поведения подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1996.
176. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М. : Современные тетради, 2003.
177. Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся : ежегодник. 2004 / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Институт социологии РАН, 2004.
178. Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию / пер., прим., подг. изд. С. А. Ошерова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1977.
179. Сивиринов Б. С. Социальное время и перспектива: феноменология, функции, модусы. – Новосибирск : Наука, 2000.
180. Сикевич З. В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования. – 1999. – № 1.
181. Соколова М. Е. Социальное время и новые электронные технологии : аналитический обзор. – М. : ИНИОН, 2006.
182. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М. : Астрель, 2006.

183. Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. – 2004. – № 6.
184. Спенсер Г. Основания социологии. – СПб., 1884.
185. Талалаева Г. В., Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Наркомания: аномальная форма адаптации молодежи. – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2007.
186. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М. : Рольф, 2001.
187. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ., науч. ред., предисл. П. С. Гуревича. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2002.
188. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – М. : Гардарики, 2001.
189. Тощенко Ж. Т. Социология управления. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011.
190. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2013.
191. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. – М. : Наука, 1987.
192. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности : монография / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.
193. Урри Дж. Мобильности. – М. : Праксис, 2012.
194. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012.
195. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М. : Классика–XXI, 2011.
196. Фомичев П. Н. Современные социологические теории социального времени : научно-аналитический обзор. – М. : ИНИОН, 1993.
197. Фотев Г. Хоманс: теория социального обмена // Современная американская социология. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
198. Фрейд З. Недовольство культурой. – М. : Фолио, 2013.
199. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М. : Фолио, 2014.
200. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. : АСТ, 2004.
201. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999.
202. Хайдеггер М. Время и бытие. – М. : Республика, 1993.
203. Хворостьянова Т. А. Социоментальное настоящее как темпоральная характеристика человеческого бытия : дис. ... канд. филос. наук. – Магнитогорск, 2005.

204. Хорни К. Женская психология. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993.

205. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – М. : Прогресс, 2000.

206. Хэммонд К. Искаженное время. Особенности нашего восприятия времени. – М. : Livebook, 2013.

207. Чаликова В. А. Концепция рациональной организации в социологии Макса Вебера и в современных буржуазных теориях бюрократии (критический анализ) : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс]. – М., 1970. – URL: <http://chalikova.ru/dissertacija-maks-veber-konczepczya-gaczionalnoj-organizaczii.html#ftnref25>.

208. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социологические исследования. – 1997. – № 10.

209. Шелер М. Формы знания и общество // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2.

210. Шматко Н. А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001.

211. Шмерлина И. Свободное время – навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. – 2007. – № 8.

212. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М. : Мысль, 1993.

213. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1.

214. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М. : Логос, 2005.

215. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект-Пресс, 1996.

216. Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. – 1995. – № 2.

217. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. пер. Г. С. Батыгин. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

218. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2.

219. Щербатых Ю. Социальные страхи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=371>.

220. Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. – 1990. – № 2.

221. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2006.

222. Яковенко В. И. Огюст Конт // Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Огюст Конт. – СПб. : ЛИО Редактор и др., 1998.

223. Яковлев В. П. Социальное время. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1980.

224. Янг М. Возвышение меритократии в 1870–2033 годы // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы / сост. В. А. Чаликова. – М. : Прогресс, 1991.

225. Ярская В. Н. Время в эволюции культуры. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989.

226. Ярская В. Н. Методология науки: время как метод // Поволжский торгово-экономический журнал [Электронный ресурс]. – 2011. – № 3 (19). – URL: [http://sarsute.ru/images/stories/articlefoto/rio/journal/journal3\(19\)/Yarskaya.pdf](http://sarsute.ru/images/stories/articlefoto/rio/journal/journal3(19)/Yarskaya.pdf).

227. Bauman Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. – Cambridge: Polity, 2007.

228. Becker G. S. A theory of the allocation of time // Economic Journal. – 1965. – Vol. 75. – № 299. – Sept.

229. Bourdieu P. Choses dites. – Paris : Minuit, 1987.

230. Bourdieu P. (avec Loic J. D. Wacquant). Repponses. – Paris : Seuil, 1992.

231. Bourdieu P. Trois etats du capital culturel // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1979. – № 30.

232. Ehrenreich B. Smile Or Die: How Positive Thinking Fooled America and the World. – London : Granta Books, 2010.

233. Emerson R. Exchange Theory. Part I: A Psychological Basis for Social Exchange // Sociological Theories in Progress. – Vol. 2. – Boston: Houghton Mifflin.

234. Cooc K. Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // Annual Review of Sociology. – № 18.

235. Jencks C. A. The Architecture of the Jumping Universe. – Academy, London & NY, 1995.

236. Mead G. H. The Philosophy of the Present. – Chicago : University of Chicago, 1932.

237. Odiorne G. S. The Management Theory Jungle and the Existential Manager // Journal of the Academy of Management [Электронный ресурс]. – 1966. – V. 9. – № 2. – URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/255028?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21105191043223>.

238. Sorokin P., Merton R. K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. – 1937. – V. 42. – No. 5.

239. Weick K. E. The Social Psychology of Organizing. – 2nd ed. – McGraw-Hill Humanities / Social Sciences / Languages. – 1979.

Научное издание

АМБАРОВА Полина Анатольевна

**УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ
В ЗЕРКАЛЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ
ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ**

Монография

Подписано в печать 14.01.2015. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 13,23. Усл. печ. л. 14,65. Тираж 500 экз. Заказ № 447

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.